

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

ЛУЧШИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ 2026

Сборник статей Международного
научно-исследовательского конкурса,
состоявшегося 23 марта 2026 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2026

УДК 001.12
ББК 70
Л87

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Л87 Лучший исследовательский проект 2026 : сборник статей
Международного научно-исследовательского конкурса (23 марта 2026 г.).
— Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. — 135 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00276-038-1

Настоящий сборник составлен по материалам Международного научно-исследовательского конкурса ЛУЧШИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ 2026, состоявшегося 23 марта 2026 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конкурса являлись обсуждение практических вопросов современной науки, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00276-038-1

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ	7
<i>Бакова Карина Олеговна, Ершова Карина Владимировна</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ ГОВОРЕНИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	15
<i>Курносова Арина Андреевна</i>	
СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	21
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	22
<i>Самсонова Анна Владимировна, Петрушенко Игорь Константинович</i>	
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КВАЗИСУБЪЕКТ ЧАСТНОГО ПРАВА: ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И ИНСТИТУТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	28
<i>Фаррахова Камила Разимовна</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	33
РАЗВИТИЕ ЭКОТУРИЗМА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА.....	34
<i>Лагкуев Вадим Заурович</i>	
ВЛИЯНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СТРАНЫ.....	41
<i>Лагкуев Вадим Заурович</i>	
РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	48
<i>Лагкуев Вадим Заурович</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ.....	56
ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА И ЕГО СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР	57
<i>Иргашева Севара Баходировна</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	64
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ПОСЕМЬЯ: ДРЕВНЕЙШИЕ ГИДРОНИМЫ И ОЙКОНИМЫ КУРСКОЙ ЗЕМЛИ КАК ХРАНИТЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	65
<i>Гаврилова Елизавета Витальевна</i>	

СЕКЦИЯ МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ	75
СТРАТЕГИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИН И ЛЕЧЕНИЕ ДЕТСКОГО ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПАРАЛИЧА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	76
<i>Обидов Хусейн Хошимович</i>	
СЕКЦИЯ ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ	85
ИССЛЕДОВАНИЕ ПИЩЕВЫХ ПРИВЫЧЕК И УРОВНЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ О ПИЩЕВЫХ ДОБАВКАХ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ	86
<i>Николаева София Андреевна</i>	
СЕКЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ	98
БИОСТИМУЛЯЦИЯ ОВОЩНЫХ КУЛЬТУР ЗАЩИЩЕННОГО ГРУНТА ФОТОТРОФАМИ.....	99
<i>Батаева Анна Дмитриевна</i>	
КОРМОВЫЕ АДСОРБЕНТЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОДУКТИВНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В БРОЙЛЕРНОМ ПТИЦЕВОДСТВЕ	104
<i>Кухарев Вячеслав Олегович</i>	
СЕКЦИЯ НАУКИ О ЗЕМЛЕ	111
ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОТЕЛЬНИКОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	112
<i>Акутнева Елена Владимировна, Гриднева Светлана Вячеславовна</i>	
СЕКЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	123
РАЗРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА В ОРГАНИЗАЦИИ.....	124
<i>Божкова Анна Николаевна, Бохонько Ульяна Альбертовна, Ляпустина Екатерина Александровна</i>	
ИЗЛУЧАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ СМЕСЕЙ ГАЗООБРАЗНЫХ УГЛЕВОДОРОДОВ	129
<i>Хамдеев Рустем Ринатович, Майоров Константин Николаевич, Сабитов Ильназ Фаузиевич, Зарифов Аяз Рифкатович</i>	

**СЕКЦИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Бакова Карина Олеговна

студент

Ершова Карина Владимировна

преподаватель кафедры зарубежной филологии
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Аннотация: методика преподавания иностранных языков подвергается непрерывным изменениям, подстраиваясь под глобальные изменения и запросы учащихся. Коммуникативный подход (Communicative Language Teaching, CLT), зародившийся в середине XX века как альтернатива грамматико-переводному методу, все еще сохраняет доминирующие позиции. Однако в условиях цифровизации и персонализации образования всё чаще возникает вопрос об универсальности и эффективности CLT в современной школе. В связи с этим возникает необходимость переосмыслить роль коммуникативного подхода в современном образовательном пространстве. Целью данной статьи является анализ актуальности коммуникативного подхода в преподавании английского языка в школе, а также выявление его ключевых преимуществ и объективных ограничений с точки зрения актуальных образовательных требований и вызовов.

Ключевые слова: коммуникативный подход, методика преподавания иностранного языка, эффективность коммуникативного подхода, коммуникативная компетенция, цифровые инструменты, коммуникативные упражнения.

A COMMUNICATIVE APPROACH TO TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT SCHOOL: MODERN CHALLENGES AND TRENDS

Bakova Karina Olegovna

Ershova Karina Vladimirovna

Abstract: the methodology of teaching foreign languages is undergoing continuous changes, adapting to global changes and demands of students.

The Communicative Language Teaching (CLT), which originated in the middle of the 20th century as an alternative to the grammar-translation method, still remains dominant. However, in the context of digitalization and personalization of education, the question of the universality and effectiveness of CLT in modern schools is increasingly being raised. In this regard, there is a need to rethink the role of the communicative approach in the modern educational space. The purpose of this article is to analyze the relevance of the communicative approach in teaching English at school, as well as to identify its key advantages and objective limitations in terms of current educational requirements and challenges.

Key words: communicative approach, methods of teaching a foreign language, effectiveness of the communicative approach, communicative competence, digital tools, communicative exercises.

С внедрением коммуникативного подхода в преподавание языков произошёл значительный сдвиг от устаревших традиционных методов, таких как механическое заучивание готовых диалогов, грамматических правил и бесконечных упражнений на повторение. Этот переход стал возможным благодаря осознанию того, что истинное владение языком формируется не через пассивное накопление знаний, а через активное их применение в реальных ситуациях [1, с. 237].

Методисты определяют коммуникативный подход как стратегию формирования четырех навыков и ИКК (эффективное общение в реальных ситуациях), где язык — средство и цель обучения; ключ — аутентичные ситуации [2, с. 228]. А. А. Ильичёва отмечает лидерство CLT: фокус на говорении и снятии языкового барьера [3, с. 137].

Данные положения позволяют утверждать, что коммуникативный подход является доминирующей парадигмой в современной лингводидактике, однако его успешная реализация требует чёткого понимания его основополагающих принципов.

По мнению исследователей, коммуникативный подход базируется на ряде отличительных особенностей. Среди них можно выделить следующие:

- центральное место занимает непосредственное вовлечение учащихся в учебный процесс, где общение между сверстниками в парной и групповой работе заменяет традиционное следование за учителем как единственной речевой моделью;
- обучение строится на постоянном взаимодействии посредством изучаемого языка;

- передача смысла высказывания и формирование учащимися спонтанной иноязычной речи приоритетнее верного использования грамматических и лексических конструкций;
- использование оригинальных, аутентичных материалов;
- личная релевантность, опыт и интересы учащихся используются как мощный стимул для инициирования коммуникативных ситуаций [4, с. 24; 5, с. 50].

Коммуникативный подход демонстрирует свою особую ценность в современных школьных условиях, поскольку он нацелен на преодоление традиционного разрыва между знанием (грамматическими правилами) и навыком (умением пользоваться языком). Сегодня образовательные стандарты ориентированы не просто на теоретическое знание лингвистических систем, но и на реальную способность использовать язык как инструмент для жизни и профессиональной деятельности. CLT напрямую отвечает этому запросу, готовя учащихся к спонтанному и эффективному иноязычному взаимодействию вне классных стен.

Анализ трудов последователей коммуникативного подхода [4, с. 23; 6, с. 121; 7, с. 4] показывает, что эффективность коммуникативного подхода напрямую зависит от учета целого ряда факторов, где его преимущества могут оборачиваться ограничениями при определенных условиях. Чтобы представить эту двойственность наиболее наглядно, обратимся к сравнительной таблице (табл. 1), в которой обобщены как сильные стороны CLT, так и потенциальные трудности его применения.

Таблица 1

Преимущества и ограничения CLT

Аспект	Преимущества CLT	Сложности и вызовы CLT
Основная цель	Развитие реального общения через имитацию ситуаций для мотивации к говорению.	Ограниченное время и большие классы затрудняют индивидуальную практику.
Вовлеченность	Высокая мотивация от интерактива, ролей, дискуссий и аутентичных материалов.	Стресс для учеников, предпочитающих структуру; снижение уверенности.
Развитие навыков	Комплексное освоение 4 навыков через практику и применение.	Риск игнорирования грамматики/лексики ради беглости.

Продолжение таблицы 1

Роль учителя	Фасилитатор: фокус на речи учеников в парах/группах.	Высокие требования к квалификации; слабое понимание подхода снижает реализацию.
Материалы	Аутентичные материалы, отражающие реальный язык.	Устаревание пособий; требуется цифровизация.

В условиях модернизации российского образования и стремительного развития глобальных процессов методика преподавания английского языка проходит этап содержательного обновления.

Анализ актуальной научно-методической литературы позволяет выделить ряд доминирующих тенденций, которые формируют новую образовательную парадигму, более гибкую и ориентированную на запросы нового поколения учащихся.

Так, в своей работе И. В. Баринаева среди современных тенденций в преподавании выделяет включение элементов технологичного обучения. По её словам, язык – это живой организм, который ежедневно впитывает неологизмы и заимствования, а в современных условиях традиционные печатные пособия десятилетней давности теряют актуальность, не успевая за речевыми реалиями. Именно поэтому современный образовательный процесс требует гибких инструментов: от подкастов до интерактивных платформ с искусственным интеллектом, которые, в отличие от статичных учебников, способны адаптироваться под текущие языковые тренды и индивидуальные запросы учеников [8, с. 247].

И. И. Хрипунова и А. Н. Якова подтверждают тенденцию интеграции современных технологий в преподавание иностранных языков. Информационные инструменты трансформируют обучение, обеспечивая доступность в любое время и в любом месте. Переход к *Blended Learning* — естественный шаг: он сочетает очные занятия с ИКТ [9, с. 74], стимулируя цифровизацию и индивидуализацию.

Современные методисты подчеркивают роль *Gamification* и *Project-Based Learning*. Геймификация внедряет игровые элементы (баллы, уровни, награды) для мотивации и развития навыков. Метод проектов способствует практическому применению языка, самостоятельности и командной работе, соответствуя стандартам [10, с. 90].

А. А. Миловидова акцентирует *CLIL (Content and Language Integrated Learning)*: интеграцию языка с предметами (история, география и др.), развивая языковые навыки и предметные знания [11, с. 143].

Вызовы не умаляют ценности коммуникативного подхода (*CLT*), а стимулируют его эволюцию за счет интеграции смежных дисциплин и цифровизации. Исследователи КБГУ предлагают гибридные методики, где сильные стороны компенсируют слабости, особенно с цифровыми инструментами, адаптированными для технологически ориентированной молодежи [12, с. 208].

Цифровая среда расширяет коммуникативную практику: форумы, видеоконференции и приложения обеспечивают самостоятельные тренировки, анализ ошибок и обратную связь [13, с. 133]. Технологии делают обучение непрерывным, предоставляя доступ к интерактивным материалам. Популярные инструменты включают:

- **Платформы видеоконференций** (Zoom, Microsoft Teams, Google Meet, Яндекс Телемост, Сферум): для онлайн-дискуссий, консультаций и ролевых игр.

- **LMS и виртуальные классы** (Moodle, Canvas, Google Classroom, Blackboard): управление заданиями, материалами, мониторингом и сбором работ.

- **Приложения для речи** (Speechling, ELSA, Vocaroo): аудиозапись с автоматическим или экспертным анализом.

- **Сервисы для игр и заданий** (Фабрика кроссвордов, Quizizz, Kahoot!, Learnis): геймификация упражнений [13, с. 134; 14, с. 514].

- **Виртуальные доски** (VK Доска, Miro, Holst, CoreApp): для мозговых штурмов, ролевых игр и совместного редактирования.

- **МООС-платформы** (Coursera, Фоксфорд, Учи.ру): индивидуальный темп и blended-модули.

Для формирования устной компетенции необходимы практические упражнения. По данным [13, с. 133], ключевые группы с примерами:

- **Диалоги**: ролевые ситуации в парах или группах способствуют развитию спонтанности и навыков общения. Например, можно воспользоваться сценарием ролевой игры «Интервью» на тему «My perfect day off», где один ученик выступает в роли журналиста, задавая открытые вопросы, а другой — в роли респондента, давая развернутые ответы. Это задание учит импровизации и уточняющим вопросам. Еще один пример — диалог с коммуникативным

разрывом (information gap), где учащиеся, планируя поход в кино, обмениваются недостающей информацией (картой и расписанием автобусов), что создает естественную потребность в общении.

- **Монологи:** презентации с последующим обсуждением развивают навыки структурирования информации и публичного выступления. Например, задание «Культурный гид: необычная традиция моей страны», где учащиеся готовят 3-4-минутную презентацию с визуальными опорами и отвечают на вопросы аудитории, что превращает монолог в интерактивное событие.

- **Дискуссии и дебаты:** направлены на развитие аргументации и критического мышления. Ход урока предлагает дискуссию «Lost island survival», где группы должны единогласно выбрать 5 предметов для выживания из 10, обосновывая свой выбор. Это задание учит искать компромиссы и убеждать партнеров. Также, предлагаются дебаты на тему «Online vs. traditional education» интегрируют цифровые инструменты (Miro), где учащиеся визуализируют аргументы, что делает процесс более наглядным и структурированным.

- **Анализ аудиовизуала:** просмотр видео и обсуждение развивают восприятие речи на слух и социокультурную компетенцию. Учащиеся анализируют отрывок из британского ситкома, сначала фокусируясь на невербальных аспектах (жесты, мимика), а затем обсуждают поведение персонажей и их реакции, что способствует развитию эмпатии и понимания культурных особенностей.

- **Онлайн-активности:** форумы, конференции и записи с разбором усиливают самостоятельность. Учащиеся записывают видеоролик (новости или инструкции) и разбирают его в классе в формате «клуба кинокритиков», что помогает работать над ошибками и создавать атмосферу взаимопомощи.

Коммуникативный подход усиливается грамматико-переводным методом (основа структуры языка) и лексико-грамматическим (системный запас и автоматизация). Их комбинация обеспечивает системность как опору для естественной коммуникации, повышая эффективность.

Ключевым условием успеха сочетания различных подходов является тщательная адаптация методического комплекса к конкретным образовательным контекстам, индивидуальным потребностям учащихся и объективным возможностям школ, что позволяет максимально полно раскрыть потенциал каждого метода. Разумное комбинирование методов обучения позволяет наиболее эффективно решать воспитательные и учебные задачи.

Проведенный анализ подтверждает, что коммуникативный подход сохраняет свою значимость в школьном иноязычном образовании, обеспечивая развитие практических навыков общения и мотивации учащихся. Однако его реализация требует модернизации для преодоления ограничений, таких как недостаток внимания к грамматической точности, сложности в больших классах и нехватка квалификации педагогов. Практические выводы указывают на необходимость интеграции CLT с традиционными методами, проектным обучением, CLIL и цифровыми инструментами для создания сбалансированной образовательной среды. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка программ повышения квалификации учителей, изучение эффективности смешанных моделей обучения и анализ влияния цифровых технологий на коммуникативные компетенции учащихся.

Список литературы

1. Гусева Е. Н. Особенности использования коммуникативной методики в преподавании английского языка / Гусева Е. Н., Нецветаева В. О // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – №6. – С. 234-239.
2. Телегина, О. В. Обучение грамматике иностранного языка в рамках коммуникативного подхода / О. В. Телегина, Н. В. Ваганова, М. В. Архипова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-4. – С. 227-229.
3. Ильичева А. А. Коммуникативный подход в обучении иностранному языку // Вопросы педагогики. – 2022. – № 5-1. – С. 136-139.
4. Алексеева Е. Е. Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам. Основные преимущества и недостатки // Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и перспективы развития: Материалы VI Международной научно-практической онлайн конференции студентов и молодых учёных, Москва, 03 марта 2021 года / Редколлегия: А.П. Василевич (отв. ред.), Н.В. Акимова, Н.Д. Гальскова [и др.]. – Москва: Московский государственный областной университет, – 2021. – С. 22-25.
5. Ролик Б. М. Г. Основные характеристики коммуникативного подхода в преподавании иностранных языков // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2023. – №4. – С. 47-59.
6. Хашегульгова Ж. А. Сущность коммуникативной методики обучения английскому языку студентов / Ж. А. Хашегульгова, М. Б. Сагова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6(73). – С. 120-122.

7. Чарыева А. Н. Коммуникативный метод в обучении иностранного языка / А. Н. Чарыева, Г. Б. Келова // Наука и мировоззрение.– 2025. – № 43. – С. 104-110.

8. Барина И. В. Современные тенденции в обучении иностранным языкам // Проблемы и перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук: педагогика, психология, экономика, юриспруденция: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Покров, 19 декабря 2024 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, – 2025. – С. 242-248.

9. Хрипунова И. И. Готовность российских школ к переходу на модель смешанного обучения в условиях цифровизации образования / И. И. Хрипунова, А. Н. Якова // Тенденции современной образовательной парадигмы проблемы обучения иностранным языкам в современных условиях: Материалы Всероссийского круглого стола для преподавателей и учителей иностранного языка, аспирантов, магистрантов и студентов, Воронеж, 28 марта 2025 года. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, – 2025. – С. 73-79.

10. Благов Ю. В. Новые методы обучения иностранных студентов английскому языку: обзор и перспективы / Ю. В. Благов, М. А. Галагузова // Вестник ШГПУ. – 2025. – №2 (66). – С. 89-93.

11. Миловидова А. А. Технология CLIL как средство формирования метапредметных результатов обучающихся на уроках английского языка // Известия ВГПУ. – 2024. – №1 (184) – С. 141-147.

12. Шорова М. Б. Методика обучения иностранному языку: традиции и новации / М. Б. Шорова, С. Х. Карчаева // Филология: научные исследования. – 2025. – № 3. – С. 204-212.

13. Оразмухаммедова Ш. Развитие навыков устной коммуникации в условиях смешанного обучения / Ш. Оразмухаммедова, А. Овлюягулыева // Парадигма. – 2025. – №11-3. – С. 131-137.

14. Шайхутдинова Л. М. Цифровые инструменты педагога для организации дистанционного обучения // Скиф. – 2021. – №5 (57). – С. 512-516.

© Бакова К.О., Ершова К.В.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ ГОВОРЕНИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ
НА УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

Курносова Арина Андреевна

студент

Научный руководитель: **Митина Марина Валерьевна**

к.п.н., доцент

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»

Аннотация: Статья посвящена теоретическому обоснованию роли мультимедийных технологий как ключевого инструмента для создания аутентичной языковой среды и преодоления психологических барьеров в развитии умений говорения на уроках французского языка у старшеклассников.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, развитие говорения, языковая среда, обучение французскому языку.

**USING MULTIMEDIA TECHNOLOGIES TO DEVELOP
HIGH SCHOOL STUDENTS SPEAKING SKILLS
IN FRENCH LESSONS**

Kurnosova Arina Andreevna

Scientific advisor: **Mitina Marina Valerievna**

Abstract: The article is devoted to the theoretical substantiation of the role of multimedia technologies as a key tool for creating an authentic language environment and overcoming psychological barriers in the development of oral speech skills in French lessons for high school students.

Key words: multimedia technologies, speaking development, language environment, French language teaching.

В условиях цифровизации общества владение иностранным языком, в частности французским, становится не просто академическим требованием, а ключевой компетенцией для успешной коммуникации и профессиональной реализации. Центральное место в формировании этой компетенции занимает

развитие умений говорения — способности к спонтанному, грамотному и ситуативно-уместному устному общению. Однако традиционные методы обучения зачастую не могут в полной мере обеспечить погружение в живую языковую среду и преодолеть психологический барьер учащихся, особенно старшеклассников.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных педагогических инструментов, отвечающих запросам цифрового поколения. Мультимедийные технологии, интегрирующие аудио, видео, графику и интерактив, предлагают уникальные возможности для создания аутентичных, мотивирующих и персонализированных условий практики устной речи, что делает изучение данной проблемы своевременным и практически значимым.

Современное образование ставит в приоритет интерактивность и результативность, активно внедряя новейшие технологические решения. Преподаватели иностранных языков, особенно французского, используют передовые образовательные технологии для повышения интерактивности и эффективности учебного процесса. Наиболее важным аспектом является развитие умений говорения у учащихся. Мультимедийные средства, включая видео, аудиоматериалы и интерактивные программы, способствуют этому, предоставляя возможности для коммуникации и языковой практики.

Мультимедийные технологии – это инструменты, позволяющие создавать, обрабатывать и представлять информацию в комплексном цифровом формате, объединяющем текст, звук, видео, анимацию, графику и интерактивные элементы. В контексте обучения французскому языку к ключевым видам относятся:

1. Видеоуроки и аутентичные видеоматериалы (отрывки из фильмов, новостные сюжеты, блоги).
2. Аудиозаписи (подкасты, интервью, радиопередачи, песни).
3. Интерактивные приложения и образовательные платформы (например, Quizlet, LearningApps, специальные тренажеры для говорения).
4. Онлайн-платформы для синхронного и асинхронного общения (видеоконференции в Zoom, дискуссионные форумы).

Мультимедиа играют решающую роль в формировании речевых навыков, выступая катализатором учебной активности. Они создают эффект присутствия в языковой среде, предоставляя модели реального общения на французском языке. Как отмечает О.И. Кривенко, «мультимедийные технологии значительно

повышают эффективность и мотивацию обучения» [Кривенок, 4:245-247]. Благодаря этому стимулируется речевая деятельность учеников.

Интерактивность мультимедийных заданий (например, диалоги с виртуальным персонажем, запись и анализ собственной речи) способствует переходу от репродуктивных высказываний к продуктивным. Т.В. Карамышева подчеркивает, что такие средства «стимулируют учащихся к совершенствованию своей речи» [Карамышева 3:181]. Кроме того, визуальная и аудиальная поддержка снимает напряжение, помогает лучше понять контекст и способствует непроизвольному запоминанию лексико-грамматических конструкций. А.Б. Соболева указывает, что «школьники получают в распоряжении богатейший арсенал для самовыражения изучаемого материала» [Соболева, 6:119-123], что критически важно для старшеклассников.

Современные мультимедийные технологии предоставляют широкие возможности для повышения эффективности и увлекательности уроков французского языка.

На уроках французского языка преподаватели могут использовать разнообразные мультимедийные ресурсы, чтобы сделать обучение более увлекательным и эффективным.

Примеры включают:

1. Видеоролики с фрагментами французских фильмов для анализа диалогов.
2. Аудиозаписи для развития навыков восприятия на слух.
3. Интерактивные игры и приложения, которые стимулируют учащихся к общению.

Эффективное внедрение технологий в уроки требует хорошо продуманного методического подхода.

Преподавателям следует учитывать уровень подготовки учащихся и их интересы. Важно использовать материалы, которые будут актуальны и интересны для старшеклассников. Как отмечает Е.И. Пассов, «индивидуализация является главным средством создания мотивации и активности» [1, с. 223].

По мнению О.В. Новиковой, «коллективное обсуждение, приближающееся к естественному, активизирует устную речь, так как требует быстрой реакции и затрагивает «эго» учащихся» [3, с. 45]. Она подчеркивает важность вовлечения обучающихся в самостоятельную работу, подчеркивая, что

«самостоятельное приобретение знаний формирует сознательность, активность, ответственность студентов и адекватную их самооценку» [5].

Таким образом, современные педагоги сходятся во мнении, что ключ к успешному обучению кроется в активном участии учеников. Эффективность образовательного процесса значительно повышается, когда учащиеся вовлечены в процесс, уроки проходят в разных форматах и учитывают индивидуальные особенности каждого. Внедрение таких подходов не только способствует лучшему усвоению материала, но и развивает у учащихся мотивацию к обучению, делая процесс более увлекательным и результативным. Активная позиция ученика формирует у него ответственность за собственные знания и стимулирует его к самообразованию.

Использование мультимедийных ресурсов позволяет преподавателю адаптировать занятия в соответствии с предпочтениями и уровнем подготовки старшеклассников, что способствует более эффективному усвоению информации. Важно подчеркнуть, что применение технологий должно не заменять традиционные подходы к обучению, а обогащать их, формируя более увлекательную и многогранную образовательную среду. Следовательно, мультимедийные технологии становятся важным инструментом в работе современного учителя, способствуя более активному вовлечению учеников в процесс изучения французского языка.

Мультимедиа, помимо развития умений говорения, служат эффективным инструментом поддержки неуспевающих учеников.

Интерактивные задания, визуализация, индивидуальный темп обучения и быстрая обратная связь – все это адаптирует учебный процесс к потребностям учащихся, испытывающих трудности.

Поддержка неуспевающих может осуществляться через предоставление доступа к специализированным онлайн-курсам и платформам, разработанным с учетом разных уровней подготовки. Эти ресурсы предлагают адаптивные программы обучения, которые подстраиваются под индивидуальный темп и потребности каждого учащегося.

Важно, чтобы преподаватель не только рекомендовал такие ресурсы, но и помогал в их использовании, консультировал по выбору подходящего курса и предоставлял обратную связь по результатам обучения. Это создаст гибкую и персонализированную систему поддержки, обеспечивающую успех каждого ученика.

Развитие цифровых решений открывает новые горизонты для повышения результативности обучения французскому языку. Технологии виртуальной реальности, системы на основе искусственного интеллекта, адаптивные образовательные программы обладают значительным потенциалом для реформирования образовательной среды.

Активное развитие таких технологий, как виртуальная реальность, ИИ и игровые платформы, предоставляет новые возможности для образовательной деятельности, но и ставит перед педагогами новые задачи.

Учёные, включая Ж.А. Кенжабаева, прогнозируют изменения: «Потенциал электронных образовательных ресурсов создает предпосылки для его практической реализации» [2, с. 73-76]. Необходимо освоить новые инструменты, разработать эффективные методики их применения и обеспечить доступ к ним для всех учащихся.

Таким образом, систематическое и методически обоснованное использование мультимедийных технологий является высокоэффективным средством развития умений говорения у старшеклассников на уроках французского языка. Мультимедиа решают ключевые задачи: создают аутентичный и мотивирующий контекст общения, обеспечивают индивидуализацию обучения, предлагают инструменты для преодоления психологических и языковых барьеров. Будущие шаги требуют продолжения научных исследований и тесного сотрудничества между учеными, педагогами-практиками и разработчиками мультимедийных продуктов для максимального удовлетворения потребностей современной системы образования.

Список литературы

1. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностранных языков. — М.: Просвещение, 1991. — 223 с.

2. Кенжабаев, Ж. А. Применение информационно-коммуникационных средств и электронных образовательных ресурсов в обучении английскому языку. — Журнал «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2016. — С. 73-76.

3. Карамышева, Т. В. Изучение иностранных языков с помощью компьютера. В вопросах и ответах / Т. В. Карамышева. — Санкт-Петербург : Союз, 2001. — 181 с.

4. Кривенок, О. И. Мультимедийные технологии в преподавании иностранных языков. — Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2008. — С. 245–247.

5. Новикова О.В. Система упражнений по обучению говорению// Научный вестник воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – Воронеж. – 2012. - № 8.

6. Соболева, А. В. Использование мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Международной научной конференции (Челябинск, декабрь 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 119–123.

© Курносова А.А.

**СЕКЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Самсонова Анна Владимировна

старший преподаватель

Петрушенко Игорь Константинович

курсант

ФГКОУ ВО «МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя»

Аннотация: Авторы изучают особенности перевода английской юридической терминологии на русский язык. Сравнительно-сопоставительный анализ юридических терминологических систем русского и английского языков необходим, поскольку английский язык остается языком международного общения, а юридические термины не должны толковаться двояко. Особое внимание в работе уделяется сохранению смысловой однозначности юридических терминов.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, общее право, английское право, юридическая терминология, заимствования, смысловая однозначность.

TECHNICAL COMPLEXITY OF TRANSLATION OF ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY

Samsonova Anna Vladimirovna

Petrushenko Igor Konstantinovich

Abstract: The authors study the complexities of translating English legal terminology into Russian. A comparative analysis of the legal terminological systems of Russian and English is necessary, since English remains the language of international communication, and one should not interpret legal terms in two ways. Special attention in the paper is paid to preserving the semantic uniqueness of legal terms.

Key words: professional communication, Common law, English law, legal terminology, borrowings, semantic uniqueness.

В современных условиях активного развития международных правовых отношений возрастает значение изучения юридического английского языка как основного средства профессиональной коммуникации в правовой сфере. Юридический английский язык, который представляет специализированный стиль профессиональной коммуникации и сохраняет статус языка международного общения, оставаясь глобальным языком бизнеса, юриспруденции и делопроизводства. Юридическая терминологическая система, как и любая другая, обладает присущими ей особенностями, характеризуется упорядоченностью и структурными элементами. Юридические термины не должны толковаться двояко, а значит, к их использованию предъявляются строгие и очень четкие требования. Смысловая однозначность юридического термина обеспечивает ему выполнение важной номинативной функции – обозначения специального понятия [1].

В настоящее время существенно расширился круг проблем, которые регулируются сферой международных отношений. Эти проблемы становятся все более сложными и многообразными, поскольку напрямую связаны с вопросами обеспечения безопасности, политического и экономического сотрудничества. Важными аспектами международной жизни любого современного общества являются внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность, что требует проведения сравнительно-сопоставительного анализа юридических терминологических систем различных языков. В последние годы предпринимаются попытки унификации правовых норм субъектов международного права, в том числе Российской Федерации. Как известно, международные договоры суверенной страны представляют собой составную часть ее правовой системы. При этом в международном правовом поле и правовых системах стран общего – английского права (Common Law), - существуют понятия и концепции, которые отсутствуют в правовых системах других стран, относящихся к романо-германской правовой семье, в том числе и в Российской Федерации. Это закономерно, так как политико-правовая система каждой страны имеет свою специфику, отражающую особенности ее социально-исторического развития, а в языке заключен не только культурный код народа – носителя языка, но и особенности соответствующей правовой системы.

Отличия, существующие в нормативной базе правоприменительной практики отдельных государств, создают определенные трудности для участников международных форумов и торговых сделок, в первую очередь, при

выборе языка и составлении текста договора. Эти трудности связаны с переводом, прежде всего, юридической терминологии, отражающей специфику правовой системы страны. В ряде случаев полнота и точность содержания правового текста иных правовых систем не всегда может быть выражена с помощью языковых средств отечественной правовой системы.

Различия, существующие между правовыми системами, уходят в далекое историческое прошлое, и различия эти существуют не только между мировыми правовыми системами, но и между правовыми системами стран, входящих в какую-либо одну мировую систему. Хотя Соединенное Королевство и его бывшие колонии и доминионы входят в англо-американскую правовую систему, основанную на прецедентном праве, между правовыми системами этих стран имеются различия. Так, в политико-правовой системе Соединенного Королевства существуют элементы монархической формы правления; в США органы государственной власти в лице Президента, Конгресса и губернаторов избираются, и особенности эти накладывают отпечаток на юриспруденцию, терминологию и даже на язык права. Еще больше отличий наблюдается при сравнении языков стран, входящих в разные правовые системы.

Переводчикам-практикам хорошо известно о несовпадении терминологических систем русского, английского (британского и американского вариантов) и французского языков. Значительную проблему составляет наличие нескольких переводных юридических терминосистем, предлагающих разную интерпретацию британских и американских терминов. Следует упомянуть, что на фоне этих особенностей бросается в глаза проблема терминологической вариантности, суть которой в том, что одни и те же термины приобретают различные значения в разных правовых системах. Это можно проиллюстрировать на примерах перевода универсальных политико-правовых понятий в британском и американском вариантах английского языка [2].

Приведенные ниже примеры показывают существенные различия между британским и американским вариантами юридической терминологии: апелляционный суд в британском варианте обозначается как *Court of appeal*, в американском – *Court of error*; единоличный судья – соответственно *Single judge* и *Sole judge*; министр внутренних дел – *Home Secretary* и *Secretary of the Interior*; министерство иностранных дел – *Foreign Office* и *State Department*; министерство финансов – *Exchequer* и *Department of the Treasury*; министр финансов – *Chancellor of the Exchequer* и *Secretary of the Treasury*; неприкосновенность – *Privilege* и *Immunity*; суд по делам о наследстве – *Probate*

court и *Surrogate court* или, в некоторых штатах США, *Orphan court*; труп – *Corpse* и *Cadaver*; уголовное право – *Crown Law* и *Criminal Law*.

Несмотря на различия, имеющиеся между правовыми системами, они имеют одноименные институты и понятия, обозначаемые одинаковыми, на первый взгляд, юридическими терминами, но по существу и по смыслу они различаются, а иногда имеют совершенно противоположное значение. При этом в англо-американском и российском законодательствах встречается единое словесное оформление названий субъектов гражданского и предпринимательского права, например, понятие «аффилированные лица», то есть юридические и физические лица как хозяйствующие субъекты.

Особые проблемы у переводчиков возникают в связи с отсутствием терминологического аппарата при переводе правовых понятий и явлений, существующих в какой-либо одной правовой системе и отсутствующих в другой. Рассмотрим понятия *affidavit* и *trust*, которые относятся к англо-американской правовой системе. *Affidavit* - аффидевит - это письменные показания, свидетельство, письменное показание под присягой или торжественным заявлением; письменное, нотариально заверенное, с указанием даты и с подписью свидетеля заявление относительно фактов, касающихся какой-либо финансовой сделки или гражданского дела. Подобное заявление должно включать в себя имя и адрес свидетеля, его подпись, а также подпись заверяющего заявление официального лица, например нотариуса.

Понятие доверительной собственности *trust* – траст - определяется следующим образом: доверие; доверительная собственность; распоряжение имуществом на началах доверительной собственности; управление имуществом доверительным собственником. Траст (доверительная собственность) представляет собой сложную систему отношений, при которой учредитель траста – собственник (*settler/settlor*) наделяет своими правами управляющего – трасти (*trustee*), который, выступая в имущественном обороте в роли собственника, должен отдавать полученный доход выгодоприобретателю (бенефициару), действуя в его интересах. При этом считается, что каждый из названных участников отношений траста в определенном объеме имеет полномочия собственника, то есть каждый из них является субъектом права собственности.

Наличие синонимических парадигм является одним из качественных показателей богатства и живучести любого языка как основополагающего элемента культуры каждого народа. Наличие синонимических рядов в английской юридической лексики и отсутствие их аналогов в российской –

явление достаточно распространенное. Они не только разнятся в количественном, но и преобладают в качественно-смысловом отношении. Шкала синонимов в английском юридическом языке шире, чем в русском, что объясняется влиянием на юридический английский латинского и французского языков. Например, слово «республика» в русском языке синонимов не имеет, тогда как в некоторых языках у этого термина, заимствованного из латыни, есть синоним национального происхождения.

Показательными примерами синонимических рядов в английской юридической терминологии являются следующие: термин «движимость» в английском языке представлен несколькими вариантами – *movable property*, *movable things*, *movables*, *legacy* (движимое имущество, наследуемое по завещанию), *distribution* (движимое имущество, наследуемое по закону); термин «недвижимость» – *real estate*, *immovable property*, *immovable things*, *devise* (недвижимое имущество, наследуемое по завещанию), *descent* (недвижимое имущество, наследуемое по закону); термин «завещатель» – *bequeather* (завещатель движимого имущества), *devisor* (завещатель недвижимого имущества), *legator* (завещатель движимого имущества), *testate* (завещатель недвижимого имущества), *testator* (завещатель недвижимого имущества); термин «завещание» – *will* (завещание недвижимости), *testament* (завещательное распоряжение об отчуждении движимого имущества); термин «наследник» – *devisee* (наследник недвижимости по завещанию), *heir* (наследник недвижимости по закону), *legatee* (наследник движимости по завещанию), *next of kin* (ближайший родственник, к которому переходит наследство при отсутствии завещания).

Несмотря на продолжающийся процесс унификации международных правовых норм, некоторые институты и понятия, укоренившиеся в течение нескольких столетий, связанные с культурно-историческими традициями разных стран, видимо, и в последующем сохранятся в их правовых системах. Останутся и проблемы юридического перевода, с которыми будут сталкиваться при переводе юридической терминологии, отражающей специфику правовых явлений, присутствующих в правовых системах одних стран и отсутствующих в других. При переводе юридической терминологии переводчики с юридического английского иногда заходят в тупик ввиду отсутствия в указанных правовых системах необходимых соответствий на понятийном уровне.

Зачастую, в случае если правовые реалии в языке перевода не совпадают, и в языке перевода не существует соответствующего эквивалента, исходный термин приходится переводить описательным оборотом. Использование терминологии способствует точности в процессе коммуникации, так как специальное слово или словосочетание нередко включает в себя информацию, для передачи которой потребовалось бы несколько страниц текста, отражающего историческое развитие данного правового понятия. С этим связана и проблема отсутствия терминологического аппарата для перевода на язык правовой системы, в которой отсутствуют те или иные правовые явления, что требует от переводчиков глубоких знаний как лингвистического, так и юридического характера для обеспечения адекватной межкультурной профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Беспалова А. И. Историческое развитие юридической терминологической системы английского языка // Вестник науки. 2020. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-yuridicheskoy-terminologicheskoy-sistemy-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Гамзатов М. Г. Английская и русская юридическая терминология в сравнительно-сопоставительном аспекте // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. №2-II. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-i-russkaya-yuridicheskaya-terminologiya-v-sravnitelno-sopostavitelnom-aspekte-1> (дата обращения: 16.11.2025).
3. Löfstedt L. Notes on the beginning of Law French. Romance Philology. Vol. 78- No. 3(July) – Oakland: University of California press, 2014.
4. Mellinkoff D. The language of the Law- Boston: Little Brown and Company, 1963.
5. Ormrod W.M. The Use of English: Language, Law, and Political Culture in Fourteenth-Century England. Speculum. Vol. 78 – No 3 (July) – Chicago: The university of Chicago press, 2003.
6. Tiersma P.M. The Oxford Handbook of Language and Law - New York: OUP Oxford; Reprint edition, 2012.

© Самсонова А.В., Петрушенко И.К., 2026

УДК: 347

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КВАЗИСУБЪЕКТ
ЧАСТНОГО ПРАВА: ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВЫЕ
ПРАВООТНОШЕНИЯ И ИНСТИТУТ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Фаррахова Камила Разимовна

студент

Научный руководитель: **Баранова Екатерина Сергеевна**

кандидат юридических наук,

доцент кафедры теории государства и права

Институт права УУНИТ

Аннотация: В данной статье проводится анализ влияния искусственного интеллекта на частноправовые отношения, где искусственный интеллект является квазисубъектом права. В особенности рассматривается неумалимое и неоднозначное влияние нейросетей на трудовые отношения, так же на институт интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, частное право, нейросеть, трудовые правоотношения.

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A QUASI-SUBJECT
OF PRIVATE LAW: IMPACT ON LABOR RELATIONS
AND THE INSTITUTE OF INTELLECTUAL PROPERTY**

Farrakhova Kamila Razimovna

Scientific adviser: **Baranova Ekaterina Sergeevna**

Abstract: This article analyzes the impact of artificial intelligence on private legal relations, where artificial intelligence is a quasi-subject of law. In particular, it examines the undeniable and ambiguous influence of neural networks on labor relations, as well as on the institution of intellectual property.

Key words: artificial intelligence, intellectual property, private law, neural network, labor relations.

Искусственный интеллект – неотъемлемая составляющая частнопрововых отношений в цифровую эпоху. Он помогает специалистам осуществлять работу с большими объемами информации и оперативно получать желаемый результат, экономя время. Учёные неоднообразно рассматривают искусственный интеллект в сфере частнопрововых отношений, потому что наравне с положительными последствиями возникает немало отрицательных.

Нейросети воспринимаются некоторыми юристами в качестве квазисубъектов права. О.А. Ястребова, рассуждая о правосубъектности искусственного интеллекта, отмечает: «Роботизированная система с ИИ ни при каких обстоятельствах не будет обладать полным спектром прав и обязанностей, она будет юридической фикцией и её собственник – создатель будет осуществлять над её действиями полный контроль в своих материальных интересах» [1, с. 64]. Благодаря её анализу мы можем понять, что нейросети не рассматриваются в качестве полноценных субъектов права, потому что они не могут существовать отдельно от собственника на данной стадии развития цифровизации. Квазисубъект права – участник общественных отношений, который не обладает всеми признаками субъекта права, полной дееспособностью; его не стоит ассоциировать с юридической фикцией, потому что фикция – это приём законодательной техники, когда несуществующий факт признаётся существующим: факт является событием, а субъект обозначает носителя информации.

Анализируя положительные аспекты влияния искусственного интеллекта на частнопрововые отношения, мы можем, в первую очередь, рассмотреть его роль в трудовых правоотношениях. Если говорить о позитивных сторонах, то, как отмечает Н.Т. Хайдарова, нейросети способны оказывать «значительное влияние на различные аспекты трудовых отношений, включая подбор персонала, управление кадрами, производительность и безопасность труда» [2, с. 208]. Действительно, нельзя отрицать повышение эффективности работы благодаря выполнению рутинных и монотонных задач искусственным интеллектом, что может снижать нагрузку на сотрудников и уменьшать количество возможных совершаемых ошибок. Рассуждая о негативном влиянии нейросетей на трудовые правоотношения, стоит обратиться к мнению Ю.А. Михайленко, который относит к отрицательным последствиям «риск замены рабочей силы искусственным интеллектом и роботами; реструктуризацию ряда отраслей экономики, связанную с развитием 3D-принтинга и прочих прорывных технологий, в результате которых последует массовое

высвобождение трудящихся» [3, с. 141]. Обратимся к правоприменительной практике: в 2024 году арбитражный суд одного из крупных городов РФ удовлетворил иск правообладателя о защите исключительных прав на 3-D-модель объекта. Ответчик – общество с ограниченной ответственностью – реализовывал игрушечную модель типа «шарнирный дракон» без разрешения правообладателя. Всего был зафиксирован 181 факт продажи. Суд взыскал с ответчика компенсацию в размере 374 772 рублей [4]. На основании этого примера можно сделать вывод, что с появлением 3-D принтинга стало труднее контролировать объекты интеллектуальной собственности, потому что модели легко воспроизводимы. Неоднозначность влияния нововведений в трудовые правоотношения проявляется в том, что мы не можем говорить лишь о преимущественно негативном или, наоборот, позитивном влиянии на работников, важно уметь рассматривать различные аспекты, сохраняя сбалансированность.

Рассмотрим влияние искусственного разума на институт интеллектуальной собственности подробнее. Авторское право является одной из важнейших составляющих этого института. Чтобы понять позитивное влияние, можем поразмышлять над точкой зрения Е.П. Сотулы, считающего, что «Генеративный ИИ имеет широкое применение в различных областях, включая искусство, развлечение, дизайн, музыку, медицину и науку» [5, с. 7]. Безусловно, это упрощает и ускоряет творческий процесс. Более того, расширяются возможности для самовыражения, так как появляются новые методы, которые были бы невозможны без появления искусственного разума и высоких технологий. К сожалению, ИИ способен негативно влиять на авторское право, и эта проблема освещается с каждым разом всё чаще. Чтобы понять, обратимся к мнению Гуровой М. Е., считающей, что «работы искусственного интеллекта не могут иметь автора» [6, с. 232]. Такие произведения считаются общественным достоянием, потому что они не были созданы посредством исключительно субъективного воздействия человека. Необходимо формально определять разделение деятельности отдельных лиц и деятельность искусственного интеллекта.

Нельзя умалять значимость вопроса: «Кто несёт ответственность за вред, причинённый действиями ИИ?». В статье 1064 Гражданского Кодекса Российской Федерации [7] определены общие основания ответственности за причинение вреда. Требуется обозначить конкретное лицо, что является затруднительным в современном мире развития нейросетей. Рассмотрим

различные точки зрения на проблему определения на законодательном уровне круга субъектов, которые будут ответственны за причинение ущерба искусственным интеллектом. М.А. Мельничук и Д.В. Ченцова в своей научной работе повествуют о том, что необходимо возлагать ответственность на производителей робота (или программного обеспечения для него) [8, с. 67]. Существует и иная позиция – ответственность должна быть коллективной: изготовитель, оператор, собственник и пользователь робота будут нести её в зависимости от степени вины [9]. Необходимо отметить резолюцию Европарламента [10], где определено: «Будущие нормативные правовые акты должны разрабатываться на основе глубокого анализа, проведенного Комиссией, с целью установить, какой из подходов к ответственности должен применяться: основанный на принципе объективной ответственности или на принципе управления рисками». Учитывая актуальность вопроса в современном мире, можно полагать, что в скором времени будет представлен конкретизированный ответ на вышеставленный вопрос.

Заключение

Искусственный интеллект является одной из важнейших частей развития концепции частного права в сфере цифровизации, не воспринимаемой как полноценный субъект права. Он способен упрощать рабочий процесс в трудовых правоотношениях, но негативные последствия нельзя отрицать. В области авторского права искусственный разум, несомненно, облегчает процесс создания новых произведений, но также является источником проблем, разрешение которых находится на рассмотрении на законодательном уровне.

Список литературы

1. Ястребова О. А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения 2021. № 2. С. 64–72.
2. Хайдарова Н. Т. Основы искусственного интеллекта и его роль в трудовых отношениях. // Central Asian journal of education and innovation 2024. С.207-212.
3. Михайленко Ю. А. Основные тенденции развития трудового законодательства в условиях цифровизации общественных отношений // Правоприменение в публичном и частном праве: Материалы Международной научной конференции. Омск, 2020. С. 140–144.

4. Дело о нарушении исключительных прав на 3D-модель шарнирного дракона: решение Арбитражного суда г. Москвы от 03.09.2024 по делу № А40-215155 /2024. ИП Бабужев И. Н. против ООО «ИГОЛЬ». Москва, 2024. Текст: электронный // Картоoteca арбитражных дел: официальный сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A40-212155/2024> (дата обращения: 18.03.2026).

5. Сотула Е.П. Авторские права в контексте использования искусственного интеллекта / научн.рук. А. В. Полищук, к.ист.н., доцент кафедры «Международное, морское и таможенное право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» // Океанский менеджмент. 2023. №4(22). С. 5-8.

6. Гурова М. Е. Право интеллектуальной собственности: авторское право на труды искусственного интеллекта. // Вопросы студенческой науки. №6 (58), июнь 2021.С.231-234.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

8. Мельничук М. А., Ченцова Д. В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. №6. С. 66-68.

9. Юридическая концепция роботизации: монография / Под ред. Ю.А.Тихомирова, С.Б.Намба. М: Проспект, 2019. (Электронный ресурс). URL:https://izak.ru/upload/iblock/399/YUridicheskaya-kontseptsiya-robotizatsii_Blok.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

10. European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL)). Debates, 15 February 2017. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A52017IP0051>.

© Фаррахова К.Р.

**СЕКЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 338.48:502.131.1

РАЗВИТИЕ ЭКОТУРИЗМА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Лагкуев Вадим Заурович

студент 2 курса

Научный руководитель: **Возиянова Ирина Станиславовна**

к.и.н., доцент

ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова»

Аннотация: В статье рассматривается экотуризм как один из ключевых инструментов обеспечения устойчивого экономического развития на региональном и глобальном уровнях. На основе анализа актуальных статистических данных и международных докладов исследуются динамика роста мирового и российского рынков экотуризма, механизмы его влияния на местную занятость, пополнение региональных бюджетов и сохранение природного капитала. Выявлены основные проблемы, сдерживающие развитие отрасли, и определены перспективные направления их решения. Сделан вывод о том, что при грамотном государственном регулировании и вовлечении местных сообществ экотуризм способен стать значимым драйвером «зеленого» роста экономики.

Ключевые слова: экотуризм, устойчивое развитие, экономический рост, особо охраняемые природные территории, зеленая экономика, региональное развитие, природный капитал.

THE DEVELOPMENT OF ECOTOURISM AS A FACTOR OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

Lagkuev Vadim Zaurovich

Scientific advisor: **Voziyanova Irina Stanislavovna**

Abstract: The article examines ecotourism as one of the key instruments for ensuring sustainable economic development at the regional and global levels. Based on an analysis of current statistical data and international reports, the article studies the growth dynamics of global and Russian ecotourism markets, as well as the mechanisms through which ecotourism influences local employment, regional budget

revenues, and natural capital preservation. The main problems constraining the development of the sector are identified, and promising directions for their solution are outlined. It is concluded that with competent state regulation and community engagement, ecotourism has the potential to become a significant driver of green economic growth.

Key words: ecotourism, sustainable development, economic growth, specially protected natural areas, green economy, regional development, natural capital.

Глобальные тенденции последних десятилетий демонстрируют устойчивый сдвиг в потребительских предпочтениях туристов: все больший интерес вызывают путешествия, ориентированные на взаимодействие с природой и осознанное отношение к окружающей среде. Экотуризм, возникший как относительно узкая практика в конце 1980-х годов, превратился в один из наиболее динамично развивающихся сегментов мировой туристической индустрии. По данным Программы развития ООН (ПРООН), прогнозируемый среднегодовой темп роста рынка экотуризма в период 2023–2028 годов составит 16,1% [1], что существенно превышает темпы роста традиционных секторов туризма.

Исследование данной темы приобретает особую актуальность в контексте глобальной повестки устойчивого развития. Концепция устойчивого туризма отражена в ряде ключевых международных документов – в частности, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2020 года «О содействии развитию устойчивого туризма, включая экотуризм, в интересах ликвидации нищеты и охраны окружающей среды» [2]. Для России этот вопрос также не является абстрактным: согласно национальным целям развития, к 2030 году доля туризма в ВВП страны должна достичь 5%, тогда как в 2023 году этот показатель составлял лишь 2,8% [3].

Цель настоящей статьи - проанализировать экономические механизмы воздействия экотуризма на устойчивый рост, оценить современное состояние отрасли и обозначить проблемные зоны, требующие внимания со стороны государства и бизнеса.

В академической литературе экотуризм определяется как ответственное путешествие в природные территории, способствующее охране окружающей среды, поддержанию благополучия местного населения и включающее элементы образования и интерпретации природного и культурного наследия [4]. Принципиальное отличие экотуризма от массового туризма заключается не

только в локации поездки, но и в модели потребления: минимизация экологического следа, реинвестирование доходов в охрану природы и поддержка местных экономик.

Теоретическая связь между экотуризмом и устойчивым экономическим ростом строится на нескольких ключевых механизмах. Во-первых, природные территории, будучи «производительным активом» - источником экосистемных услуг, - при грамотном управлении генерируют доходы без истощения ресурсной базы. Это соответствует концепции «зеленого роста», принятой ОЭСР, согласно которой экономическое развитие возможно при одновременном сохранении природного капитала [4]. Во-вторых, экотуристические проекты создают мультипликативный эффект для местной экономики: расходы туристов стимулируют спрос на услуги проживания, питания, транспорта, гидов, производство сувенирной и продовольственной продукции.

В-третьих, экотуризм выполняет функцию экономического стимула для охраны природы. Местные сообщества, получая доход от привлечения туристов, обретают финансовую заинтересованность в сохранении экосистем, что снижает браконьерство и несанкционированное изъятие природных ресурсов. Данная модель наглядно реализована в Коста-Рике, где доходы от туризма направляются на охрану национальных парков и поддержание биоразнообразия [5].

Объем мирового рынка экотуризма в 2022 году был оценен в 215,76 млрд. долларов США [1]. Несмотря на существенный удар, нанесенный пандемией COVID-19, отрасль демонстрирует уверенное восстановление: по данным Всемирной туристической организации ООН, в 2024 году мировой туризм в целом достиг 99% допандемийного уровня с объемом в 1,4 млрд. поездок, что на 11% больше показателя 2023 года [3].

Среди ключевых факторов роста рынка экотуризма следует выделить: рост экологической осознанности потребителей, изменение структуры спроса в пользу «аутентичных» впечатлений, государственную поддержку в форме налоговых льгот и сертификационных программ, а также расширение международного финансирования. Так, правительство Германии инвестировало 17 млн. евро в глобальную инициативу поддержки экотуризма в развивающихся странах, реализуемую совместно с Международным союзом охраны природы [5]. Примечательно, что, по данным опроса 2024 года, 65% британских туристов при выборе поездки отдают предпочтение экологически устойчивым решениям, а 45% готовы доплачивать за сертифицированное проживание [5].

На сектор природного туризма и наблюдения за дикой природой приходится более 50% совокупной выручки индустрии экотуризма [5]. Географически лидирующие позиции по развитию данного направления занимают США (более 14 млрд. долларов рынка), Австралия (3,5 млрд. долларов) и Кения (450 млн. долларов) [4].

Экономический эффект от развития экотуризма проявляется прежде всего на региональном уровне. Туристические расходы формируют доходы местного населения, занятого в гостиничном, транспортном, торговом и сервисном секторах. Показательно, что экотуристы в среднем готовы платить больше, чем потребители массового туризма, воспринимая стоимость поездки как «инвестицию в опыт и ценности» [4]. Это обстоятельство обуславливает повышенную доходность экотуристических продуктов при ограниченном числе посетителей - принципиально важное качество для хрупких природных экосистем.

Вовлечение местных жителей в логистические цепочки экотуризма снижает их зависимость от ресурсодобывающих отраслей и сокращает случаи незаконного использования природных ресурсов [1]. В Карелии и Пермском крае реализуются проекты, в рамках которых местные школьники формируют туристические тропы и проводят экскурсии, формируя как экономический, так и социальный капитал территорий [5]. Таким образом, экотуризм создает диверсифицированную занятость, снижает сезонность и структурные риски моноотраслевых экономик.

Реинвестирование доходов от экотуризма в охрану экосистем формирует обратную положительную связь: сохранение природного капитала повышает привлекательность территории, что ведет к росту турпотока и доходов. Именно эта логика закреплена в «Хартии устойчивого туризма ЮНЕСКО», «Глобальном этическом кодексе туризма» и «Квебекской декларации по экотуризму» [5].

Россия располагает исключительным природным потенциалом для развития экотуризма. По данным Росстата, в 2023 году в стране насчитывалось 11 930 особо охраняемых природных территорий (ООПТ) общей площадью около 244 млн. га [3]. В 2024 году функционировало 107 заповедников, 70 национальных парков, 63 федеральных заказника [4]. Вместе с тем, несмотря на очевидный потенциал, доля экологического туризма в обороте всей туристической отрасли страны составляла в 2023 году лишь около 2% [3].

Тем не менее динамика роста отрасли весьма впечатляющая. Число посетителей ООПТ федерального значения увеличилось с 6,7 млн. человек в 2020 году до 14,5 млн в 2023 году и до 17,5 млн в 2024 году - прирост составил 161% за четыре года [3]. По оценкам Центра устойчивого развития Россельхозбанка, суммарный экологический поток на ООПТ и сельские территории уже превышает 25 млн человек в год, а ежегодный прирост прогнозируется на уровне 15% [4]. Спрос на экотуристические форматы в 2024–2025 годах вырос на 30% относительно предшествующего периода [4].

Государство активно поддерживает это направление в рамках Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». В 2023 году на ООПТ было построено 20 визит-центров и оборудовано более 60 новых экотроп [4]. Лидерами по развитию экотуристической инфраструктуры являются Республика Алтай, Северный Кавказ, озеро Байкал, Камчатка и арктические регионы. Национальный парк «Кисловодский» в 2024 году принял около 5 млн. посетителей [3].

Несмотря на очевидные успехи, развитие экотуризма в России и мире сопряжено с рядом системных ограничений.

Первая и наиболее острая проблема - недостаточность инфраструктуры. В России разрыв с развитыми странами по объему рынка объясняется именно дефицитом качественных объектов размещения, смотровых площадок, транспортной доступности природных территорий [4]. Хотя ситуация меняется, темп строительства инфраструктуры пока не соответствует росту спроса.

Вторая проблема носит методологический характер: на сегодняшний день отсутствует единая методика учета экотуристического потока. В 80% случаев экотуризм не выделяется в отдельный статистический сегмент, что существенно затрудняет оценку реального масштаба отрасли и препятствует принятию обоснованных управленческих решений [4].

Третья проблема - противоречие между коммерческими интересами и экологической емкостью территорий. Неконтролируемый рост турпотока способен нанести серьезный ущерб тем самым экосистемам, которые составляют основу туристической привлекательности. Для ее решения необходимы обоснованные лимиты посещаемости, системы экологического мониторинга и стандарты «зеленой» сертификации для субъектов экотуристической деятельности [2].

Наконец, недостаточная вовлеченность местных сообществ в управление экотуристическими проектами снижает устойчивость достигаемых результатов.

Эффективный экотуризм требует партнерства между природоохранными институтами, органами власти и жителями прилегающих территорий [1].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что экотуризм обладает значительным потенциалом как инструмент устойчивого экономического роста. Его уникальность состоит в способности одновременно генерировать доходы, создавать занятость и обеспечивать сохранение природного капитала - то есть реализовывать на практике принципы «зеленой» экономики, а не лишь декларировать их.

Мировой рынок экотуризма демонстрирует среднегодовые темпы роста в 16%, а в России число посетителей природных территорий за четыре года выросло на 161%. Эти цифры свидетельствуют не о конъюнктурном всплеске, а о долгосрочном структурном сдвиге в потребительских предпочтениях.

Вместе с тем реализация данного потенциала требует системных усилий: преодоления инфраструктурного дефицита, разработки единых стандартов учета и сертификации, законодательного регулирования нагрузки на экосистемы и расширения механизмов участия местных сообществ. При выполнении этих условий экотуризм способен стать одним из значимых факторов достижения национальной цели по увеличению доли туризма в ВВП России до 5% к 2030 году.

Список литературы

1. UNDP. Экотуризм открывает новые экономические возможности для сохранения биоразнообразия и устойчивого местного развития [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.undp.org/ru/belarus/stories/ekoturizm-otkryvaet-novye-ekonomicheskie-vozmozhnosti-dlya-sokhraneniya-bioraznoobraziya-i-ustoychivogo-mestnogo-razvitiya> (дата обращения: 20.03.2025).

2. Организация Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/75/222 «Содействие развитию устойчивого туризма, включая экотуризм, в интересах ликвидации нищеты и охраны окружающей среды» от 21.12.2020. - Нью-Йорк: ООН, 2020.

3. Шальнова О. А. Перспективы и проблематика развития экотуризма в России // Экономика, предпринимательство и право. - 2025. - № 6. - URL: <https://1economic.ru/lib/123097> (дата обращения: 20.03.2025).

4. Коваленко Д. Почему экотуризм может стать новым драйвером экономики // РБК Тренды. - 2024. - URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/67484c299a7947aceb966738> (дата обращения: 18.03.2025).

5. Экологический туризм в России: тренды 2024 года // Hotelier.pro. - 2024. - URL: <https://hotelier.pro/news/item/trendy-ekoturizma-v-2024-godu/> (дата обращения: 19.03.2025).

© Лагкуев В.З.

УДК 338.48:330.35

ВЛИЯНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СТРАНЫ

Лагкуев Вадим Заурович

студент 2 курса

Научный руководитель: **Возиянова Ирина Станиславовна**

к.и.н., доцент

ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова»

Аннотация: В статье исследуется роль туристической отрасли в формировании экономического роста на национальном уровне. На основе данных Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), Всемирной туристской организации ООН (ЮНВТО) и отечественных исследований рассматриваются прямые и косвенные каналы влияния туризма на ВВП, занятость, бюджетные доходы и смежные отрасли. Анализируется феномен мультипликативного эффекта туристических расходов. Особое внимание уделяется российскому рынку: оцениваются достигнутые показатели 2024 года, структурные проблемы и перспективы достижения целевого ориентира по доле туризма в ВВП до 5% к 2030 году. Делается вывод о стратегической значимости отрасли как одного из ключевых драйверов экономического роста при условии целенаправленного государственного регулирования.

Ключевые слова: туризм, экономический рост, ВВП, мультипликативный эффект, занятость, туристическая индустрия, внутренний туризм, национальная экономика.

THE IMPACT OF THE TOURISM INDUSTRY ON THE ECONOMIC GROWTH OF A COUNTRY

Lagkuev Vadim Zaurovich

Scientific advisor: **Voziyanova Irina Stanislavovna**

Abstract: This paper examines the role of the tourism industry in shaping economic growth at the national level. Drawing on data from the World Travel and Tourism Council (WTTC), the UN World Tourism Organization (UNWTO), and domestic research, the article analyses the direct and indirect channels through which

tourism affects GDP, employment, budget revenues, and related industries. The phenomenon of the tourism expenditure multiplier effect is explored in detail. Special attention is paid to the Russian market: the article evaluates the performance indicators achieved in 2024, structural constraints, and the prospects of reaching the target share of tourism in GDP of 5% by 2030. The conclusion emphasises the strategic importance of the sector as one of the key drivers of economic growth, subject to purposeful state regulation.

Key words: tourism, economic growth, GDP, multiplier effect, employment, tourism industry, domestic tourism, national economy.

В числе ведущих отраслей современной мировой экономики туризм занимает особое место, демонстрируя на протяжении десятилетий опережающие темпы роста. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), вклад сектора путешествий и туризма в мировой ВВП в 2024 году составил 10,9 трлн. долларов США – на 10,1% больше, чем в 2023 году, и на 5,8% выше рекордного значения 2019 года. Эта сумма соответствует ровно 10% глобального ВВП [1].

Актуальность темы определяется двойственной природой туризма: с одной стороны, он формирует самостоятельный рынок услуг, с другой – запускает цепные реакции в транспорте, строительстве, торговле, сфере питания и культуре, которые в совокупности многократно превышают его прямой экономический эффект. Для России, нацеленной на диверсификацию экономики и снижение сырьевой зависимости, развитие туристической отрасли приобретает стратегическое измерение.

Цель настоящей работы – систематизировать основные каналы влияния туризма на экономический рост, оценить современное состояние отрасли на мировом и российском уровнях, а также обозначить ключевые ограничения и точки роста, требующие внимания со стороны государства.

В экономической теории воздействие туризма на рост принято рассматривать через три канала: прямое, косвенное и индуцированное влияние. Прямое воздействие фиксируется в момент потребления: туристы оплачивают проживание, питание, транспорт, экскурсии и развлечения – все эти расходы немедленно пополняют доходы предприятий и бюджеты разного уровня [2].

Косвенное воздействие охватывает отрасли, не контактирующие с туристами напрямую, но получающие дополнительный импульс спроса от субъектов туристической индустрии: гостиница заказывает продукты у местных поставщиков,

нанимает строительную компанию для ремонта, приобретает коммунальные услуги. Каждое из этих звеньев, в свою очередь, создает собственную цепочку доходов и расходов. Индуцированный эффект складывается из роста потребительских расходов работников туристической и смежных отраслей, доходы которых увеличились вследствие притока туристов.

Суммарное воздействие трех каналов описывается через мультипликатор туризма. Согласно совместному исследованию Комитета по туризму Москвы и НИУ ВШЭ, мультипликатор валовой добавленной стоимости для туристической отрасли России составляет 3,40, то есть прирост ВДС туризма на 1 млн. руб. порождает дополнительные 2,4 млн. руб. в смежных секторах [3]. Мультипликатор занятости при этом достигает 3,55: каждое прямое рабочее место в туризме создает еще 2,55 рабочих места в экономике [3]. Отрасль стимулирует не менее 53 смежных секторов - от строительства до производства сувениров, - что делает ее одним из наиболее широких по охвату генераторов роста.

Туристическая отрасль завершила постпандемийное восстановление к 2024 году, что само по себе свидетельствует о ее структурной устойчивости. По данным WTTC, в 2024 году общее число рабочих мест в секторе составило 357 млн. человек - на 8,1% больше, чем в 2023 году, и на 6,9% выше уровня 2019 года [1]. На долю туризма приходилось каждое десятое рабочее место в мире. Кроме того, по оценкам WTTC, к 2035 году отрасль может создать еще 91 млн. рабочих мест в глобальном масштабе: практически каждое третье новое рабочее место следующего десятилетия будет связано с путешествиями и гостеприимством [4].

Помимо занятости, туризм формирует значительные экспортные доходы. По данным ЮНВТО, экспортные поступления от международного туризма в 2023 году составили 1,6 трлн. долларов, что соответствует 95% значения рекордного 2019 года [5]. Для многих государств туризм является ведущей экспортной статьёй, опережая промышленные товары и продовольствие. Показательна страновая асимметрия: доля туризма в ВВП Испании достигает 14,3%, Китая - 11,3%, Франции - 8,5%, тогда как в России в 2024 году этот показатель составил лишь 2,9% [2]. Столь существенный разрыв отражает различия в уровне инфраструктурного развития, государственной политике и международном позиционировании страны как туристической дестинации.

Темп роста отрасли устойчиво опережает динамику мировой экономики в целом. По данным WTTC и Oxford Economics, в 2023 году глобальный ВВП

вырос на 2,6%, тогда как вклад туристической отрасли в мировой ВВП увеличился на 5,1% [4]. Эта закономерность подтверждает гипотезу о туризме как «опережающем индикаторе» экономического здоровья: спрос на путешествия растет быстрее среднеэкономических показателей как на подъеме, так и при восстановлении после шоков.

Рассмотрим подробнее, как именно туризм воздействует на конкретные параметры национальной экономики.

Первый и наиболее очевидный канал – бюджетообразующий. Предприятия туристической индустрии уплачивают НДС, налог на прибыль, налог на имущество, страховые взносы. Туристы-нерезиденты, расходуя валюту внутри страны, эффективно осуществляют «валютный вклад» в экономику, не требующий обслуживания долга. По прогнозам, к 2030 году только московский бюджет от развития туристической отрасли может получать до 500 млрд. руб. ежегодно - против 235 млрд. руб. в 2024 году [3].

Второй канал – влияние на платежный баланс. Международный туризм представляет собой экспорт услуг: расходы иностранного гостя в принимающей стране учитываются как экспортная выручка, улучшая счет текущих операций. В 2024 году расходы иностранных туристов во всем мире увеличились на 11,6% и достигли 1,9 трлн. долларов [1]. Для стран с хроническим дефицитом торгового баланса приток иностранных гостей может стать весомым инструментом частичного выравнивания внешних расчетов.

Третий канал – инвестиционный мультипликатор. Строительство гостиниц, аэропортов, туристических кластеров и объектов досуга привлекает как государственные, так и частные средства, стимулируя рост строительного сектора и создавая долгосрочные активы с широким кругом пользователей. Деловые туристы дополнительно усиливают эффект: они в среднем расходуют в 1,5–2 раза больше, чем обычные путешественники, а около 40% из них впоследствии возвращаются на это же направление уже в частных целях [3].

Для России туризм приобрел особое стратегическое значение после 2022 года, когда сокращение выездного турпотока повлекло перераспределение спроса в пользу внутренних маршрутов. По данным вице-премьера Дмитрия Чернышенко, число туристических поездок по стране в 2024 году составило около 92 млн. – рекордный показатель за всю историю отечественного туризма [4]. Российский союз туристической индустрии оценивает эту цифру в 96 млн. поездок, что примерно на четверть превышает уровень 2023 года [4].

Доля туризма в ВВП России по итогам 2024 года достигла 2,9%, инвестиции в отрасль впервые превысили 1 трлн. рублей, а число иностранных гостей составило 9,7 млн. человек [4]. Эти результаты свидетельствуют о качественном переломе в развитии отрасли, хотя до целевого ориентира – 5% ВВП к 2030 году в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» - еще предстоит пройти значительный путь.

Наиболее популярными внутренними направлениями остаются Краснодарский край (48% всех организованных туров), Кавказские Минеральные Воды (11%), Москва и Подмосковье (8,5%), Санкт-Петербург (7,5%) [4]. Концентрация потока на нескольких полюсах отражает как неравномерность развития инфраструктуры, так и значительный нереализованный потенциал регионов, пока остающихся на периферии туристической карты страны.

Ключевые структурные ограничения включают: дефицит качественного номерного фонда в ряде регионов (несмотря на привлечение свыше 400 млрд. руб. льготного финансирования и создание 27,5 тыс. новых гостиничных номеров); методологическую проблему учета вклада туризма в ВВП, когда Росстат учитывает в группировке предприятия, лишь частично ориентированные на туристов [2]; а также ограниченную транспортную доступность многих перспективных дестинаций.

Международный опыт показывает, что высокий вклад туризма в национальный ВВП не возникает стихийно, а является результатом системной государственной работы. Страны-лидеры применяют комплексный набор инструментов: налоговые льготы для инвесторов в гостиничную инфраструктуру, субсидирование авиамаршрутов в малые города, государственное продвижение национального туристического бренда, системы сертификации качества.

В России с 2021 года реализуется национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». Эффект уже ощутим: за первые девять месяцев 2024 года инвестиции в отрасль выросли на 44%, достигнув 652 млрд рублей [3]. Совместное исследование Комитета по туризму Москвы и НИУ ВШЭ зафиксировало, что каждый рубль, вложенный в туристическую отрасль столицы, обеспечивает совокупный экономический эффект в 3,12 рубля – благодаря цепным реакциям в смежных секторах [3].

По прогнозам WTTC, к 2033 году вклад мирового туристического сектора в глобальный ВВП достигнет 15,5 трлн. долларов, а в отрасли будет занято около 430 млн. человек – почти 12% работающего населения планеты [5]. Россия, располагающая выдающимся природным, историческим и культурным потенциалом, имеет все объективные предпосылки занять в этой системе координат значительно более весомую позицию, чем сегодня.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что туристическая отрасль представляет собой один из наиболее действенных инструментов стимулирования экономического роста. Ее отличительная черта состоит в одновременном решении нескольких макроэкономических задач: формирование ВВП и экспортных доходов, создание широкого круга рабочих мест, пополнение бюджетов всех уровней и привлечение инвестиций в инфраструктуру.

Мировые данные 2024 года подтверждают стратегический статус отрасли: 10,9 трлн. долларов вклада в мировой ВВП, 357 млн. рабочих мест и каждое десятое рабочее место в глобальной экономике. Россия на этом фоне демонстрирует позитивную, но неполную динамику: рекорд внутреннего турпотока в 92–96 млн поездок, доля в ВВП 2,9% и инвестиции свыше 1 трлн рублей по итогам 2024 года свидетельствуют о реальности, но не о предрешенности достижения целевого ориентира в 5% к 2030 году.

Для реализации этого потенциала необходим комплекс согласованных мер: системное наращивание туристической инфраструктуры в регионах, совершенствование методологии статистического учета, развитие транспортной доступности, повышение квалификации отраслевых кадров и активная работа по привлечению иностранных туристов. При выполнении этих условий туризм способен стать полноценным структурообразующим сектором российской экономики, обеспечивая диверсифицированный и инклюзивный рост.

Список литературы

1. Alta.ru. Решение Высшего совета ЕАЭС от 21.12.2025 № 19 «О Концепции развития туризма в рамках ЕАЭС» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/25vr0019/> (дата обращения: 20.03.2025). - Содержит данные WTTC о вкладе туризма в мировой ВВП в 2024 году.
2. Ведомости. Росстат раскрыл новый способ оценки доли туризма в ВВП [Электронный ресурс]. - 25 января 2022. - URL: <https://www.vedomosti.ru/>

economics/articles/2022/01/25/906393-otsenki-turizma (дата обращения: 20.03.2025).

3. РБК Отрасли. Как событийный туризм стимулирует бизнес в столице: мультипликативный эффект отрасли [Электронный ресурс]. - 2025. - URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/68e8c0639a79477622dd1bb5> (дата обращения: 21.03.2025). - Данные совместного исследования Комитета по туризму Москвы и НИУ ВШЭ.

4. Ведомости. Внутренний турпоток в России в 2024 году достиг исторического максимума [Электронный ресурс]. - 19 января 2025. - URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyu_plan/articles/2025/01/19/1087103-vnutrennii-turpotok-v-rossii-v-2024-godu-dostig-istoricheskogo-maksimuma (дата обращения: 19.03.2025).

5. Новости ООН. Международный туризм в 2024 году достигнет допандемийного уровня [Электронный ресурс]. - 19 января 2024. - URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448742> (дата обращения: 18.03.2025).

© Лагкуев В.З.

УДК 338.48(470+571)

**РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Лагкуев Вадим Заурович

студент 2 курса

Научный руководитель: **Возиянова Ирина Станиславовна**

к.и.н., доцент

ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова»

Аннотация: В статье исследуется современное состояние внутреннего туризма в Российской Федерации, анализируются основные факторы его роста, ключевые проблемы и перспективные направления развития. На основе официальных статистических данных, материалов Ассоциации туроператоров России (АТОР), Российского союза туриндустрии (РСТ) и публикаций в деловых изданиях рассматривается динамика туристического потока с 2019 по 2024 год, оценивается роль государственных программ поддержки отрасли, в том числе национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Выявлены системные ограничения – дефицит качественного номерного фонда, опережающий рост цен на авиаперевозки и слабость транспортной доступности ряда регионов. Определены стратегические ориентиры: достижение 140 млн. туристических поездок и 5% доли туризма в ВВП к 2030 году. Сделан вывод о том, что реализация этих ориентиров требует не только наращивания инвестиций, но и устранения структурных дисбалансов между спросом и предложением на туристическом рынке страны.

Ключевые слова: внутренний туризм, туристический поток, номерной фонд, национальный проект, туристическая инфраструктура, региональное развитие, государственная поддержка туризма, Россия.

**THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM
IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS**

Lagkuev Vadim Zaurovich

Scientific advisor: **Voziyanova Irina Stanislavovna**

Abstract: The article examines the current state of domestic tourism in the Russian Federation, analyses the key drivers of its growth, main challenges, and promising development directions. Drawing on official statistical data, materials from the Association of Tour Operators of Russia (ATOR), the Russian Union of Travel Industry (RST), and business publications, the paper traces the dynamics of tourist flow from 2019 to 2024 and assesses the role of state support programmes, including the national project «Tourism and the Hospitality Industry». Systemic constraints are identified – a deficit of quality hotel accommodation, above-average growth in airfare prices, and limited transport accessibility to a number of regions. Strategic targets are outlined: reaching 140 million tourist trips and a 5% share of tourism in GDP by 2030. The conclusion is drawn that achieving these targets requires not only increased investment, but also the elimination of structural imbalances between supply and demand in the country's tourism market.

Key words: domestic tourism, tourist flow, hotel accommodation, national project, tourist infrastructure, regional development, state support for tourism, Russia.

Внутренний туризм в России переживает период, который без преувеличения можно назвать переломным. Еще в 2019 году, по данным Российского союза туриндустрии, число туристических поездок по стране составляло порядка 62 млн. – уровень, на котором рынок находился несколько лет подряд. Пандемия 2020–2021 годов нанесла отрасли ощутимый удар, однако уже в 2022 году началось стремительное восстановление, а начиная с 2023 года отрасль вступила в фазу динамичного роста, не имеющего прецедентов в современной истории страны [1].

По данным вице-премьера Дмитрия Чернышенко, в 2024 году число туристических поездок по России составило около 92 млн. – рекордный показатель за всю историю ведения отраслевой статистики, тогда как Российский союз туриндустрии оценивает этот показатель в 96 млн поездок, что на четверть превышает уровень 2023 года [1]. По расчетам СберАналитики, оборот внутреннего туризма только за летний сезон 2024 года составил 917 млрд рублей – на 24% больше, чем годом ранее [2].

Столь значительный рост обусловлен совокупностью факторов: ослаблением рубля, сделавшим зарубежные поездки менее доступными, активной государственной поддержкой отрасли через механизмы нацпроекта, ростом доходов населения, а также заметным расширением туристического предложения в самых разных регионах страны [1]. Вместе с тем за рекордными

цифрами скрывается ряд острых системных проблем, способных затормозить дальнейшее развитие сектора. Их изучению и посвящена настоящая работа.

Цель статьи – выявить и систематизировать основные проблемы развития внутреннего туризма в России, а также определить ключевые перспективные направления, позволяющие достичь установленных государством целевых показателей к 2030 году.

Чтобы оценить нынешнее положение дел, необходимо рассмотреть его в более широком временном контексте. Согласно данным РСТ, в 2019 году – последнем доковидном году – внутренний турпоток составил около 62 млн. поездок. В 2020 году из-за ограничений он существенно сократился, однако уже в 2021 году вернулся к отметке 62 млн. В 2022 году, после начала периода геополитической турбулентности, закрытия ряда зарубежных направлений и усложнения выездного туризма, внутренний поток скачкообразно вырос до 68,5 млн., а в 2023 году – до 78 млн, установив исторический (на тот момент) рекорд [1].

Особенно показательна ежемесячная динамика 2024 года: по данным Министерства экономического развития, в июле и августе было совершено по 10 млн туристических поездок каждый – абсолютный рекорд за всю историю статистических наблюдений [1]. За период с мая по октябрь 2024 года число путешественников, останавливавшихся в коллективных средствах размещения, выросло на 11% год к году и составило 49 млн. человек [1].

Структура турпотока при этом остается весьма сконцентрированной. По данным АТОР, пятерку самых востребованных направлений в 2024 году составили: Краснодарский край (48% всех организованных туров), Кавказские Минеральные Воды (11%), Москва и Подмосковье (8,5%), Санкт-Петербург (7,5%) и Крым (6,5%) [2]. Именно на эти же пять регионов приходится 65% всего качественного номерного фонда страны [3]. Фактически речь идет о замкнутом круге: туристы едут туда, где есть инфраструктура, а инфраструктура строится там, где уже есть туристы.

Отдельного внимания заслуживают регионы с нестандартно высокими темпами роста. Согласно данным OneTwoTrip, в 2024 году вдвое вырос спрос на поездки на Алтай, на треть увеличился турпоток в волжские регионы и Кавминводы [1]. Крым, несмотря на логистические сложности, показал прирост организованного турпотока в 60% год к году [2]. Эти данные свидетельствуют о реальном расширении туристической географии, хотя и от значительно более низкой базы.

Государство последовательно наращивает поддержку туристической отрасли. Ключевым инструментом стал нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства», действовавший в 2021–2024 годах и продленный в обновленной редакции с января 2025 года. За период реализации нацпроекта число туристических поездок по стране увеличилось с 45 млн. в 2020 году до 84 млн. в 2023 году – рост почти вдвое за три года [4].

В рамках нацпроекта активно применялась программа льготного кредитования строительства гостиниц: по состоянию на конец 2024 года в ее рамках реализовывались 239 проектов с суммарным объемом инвестиций 1,2 трлн рублей [4]. По программе субсидирования строительства модульных отелей и глэмпингов поддержано более 600 проектов в 61 регионе с номерным фондом около 14,5 тыс. единиц [4]. Общий объем инвестиций в туристическую отрасль за первые девять месяцев 2024 года составил 652 млрд. рублей – почти в полтора раза больше, чем за тот же период 2023 года [4].

Обновленный нацпроект структурирован в пять федеральных проектов: «Создание номерного фонда, инфраструктуры и точек притяжения»; «Пять морей и озеро Байкал» – амбициозная программа развития круглогодичных морских курортов, рассчитанная на привлечение 10 млн. дополнительных туристов в год; «Производство отечественной продукции для туристской индустрии»; «Туристическая привлекательность страны» и «Кадры для туризма» [4]. Бюджетные расходы на нацпроект запланированы на уровне 44 млрд. рублей в 2025 году с последующим увеличением до 82 млрд. к 2027 году [4].

Важную роль сыграли и налоговые меры. С 1 июля 2023 года туроператоры, занимающиеся развитием внутреннего туризма, были освобождены от уплаты НДС, что позитивно сказалось на ценовой доступности внутренних туристических продуктов. Поставленная Президентом цель – довести долю туризма в ВВП страны до 5% и обеспечить 140 млн. поездок по России к 2030 году – задает долгосрочные ориентиры для всех участников отрасли [4].

Рекордный рост турпотока не должен создавать иллюзию того, что отрасль развивается без серьезных затруднений. Напротив, именно быстрый рост спроса обнажил структурные диспропорции, накапливавшиеся годами.

Ключевая проблема – острый дефицит качественного номерного фонда. По данным государственной корпорации «Туризм.РФ», в пределах от 10 до 50 тыс. номеров недостает в 13 регионах страны, а наиболее острый дефицит

фиксируется в регионах, резко набравших популярность в последние годы, – в Дагестане, Калининградской области, Крыму и на Дальнем Востоке [3]. Качественный номерной фонд по всей России на август 2025 года составлял лишь 156 тыс. номеров, при этом темп ввода нового фонда – 5–6% в год – явно не успевает за темпом роста турпотока [3].

Следствием этого дисбаланса стал стремительный рост цен. По данным РСТ, средняя стоимость проживания в российских отелях в летнем сезоне 2024 года выросла на 20%, а в контрактах на сезон 2025 года туроператоры уже зафиксировали подорожание на 15–17% [5]. Показательный пример привел Forbes: корреспондент издания, планировавший поездку в Тверь в июле, обнаружил, что единственный подходящий отель в центре города предлагал номера по 60 тыс. рублей за ночь – при том, что более доступных вариантов на агрегаторах не было [3].

Второй по значимости проблемой является опережающий рост цен на авиаперевозки. По данным РСТ, средняя цена авиабилета в одну сторону по внутренним маршрутам в 2024 году составила 16 199 рублей против 13 300 рублей годом ранее – рост на 22%. По отдельным популярным туристическим направлениям, таким как Сочи, удорожание достигло 30%, а на ряде маршрутов – 50–60% [5]. При этом количество выставленных кресел на внутренних рейсах в 2024 году практически не изменилось по сравнению с предыдущим годом, оставшись на уровне 37 млн [5]. Закономерный результат – основной прирост турпотока обеспечивается не авиацией, а автопутристами, что ставит вопрос о качестве придорожной инфраструктуры.

Третья проблема – неравномерность территориального распределения туристического потока. Топ-5 регионов-лидеров практически не меняется из года в год: за ними по-прежнему закреплено подавляющее большинство организованных туристических поездок, тогда как регионы Сибири, Арктики и Дальнего Востока, обладающие уникальным природным и культурным потенциалом, остаются труднодоступными для массового туриста прежде всего из-за транспортных и инфраструктурных ограничений [4].

Наконец, серьезным вызовом является кадровая проблема. По данным Совета Федерации, малые туристические города страдают от оттока населения и дефицита квалифицированных специалистов в сфере гостеприимства, что напрямую сказывается на качестве сервиса [4]. Отчет Счетной палаты, проверявшей эффективность бюджетных вложений в туристические кластеры, зафиксировал задержки в строительстве: на 1 января 2024 года не было введено

в эксплуатацию 25 объектов обеспечивающей инфраструктуры из числа запланированных [3].

Вместе с тем имеющиеся данные свидетельствуют о том, что потенциал дальнейшего роста внутреннего туризма в России далеко не исчерпан. По прогнозам Минэкономразвития, при сохранении темпов инвестирования и координации усилий государства и бизнеса рынок к 2026 году может достичь 97–110 млн поездок, а к 2030 году – приблизиться к стратегическому ориентиру в 140 млн [3].

Приоритетным направлением остается расширение номерного фонда. До 2030 года в России планируется ввести в эксплуатацию 60–70 тыс. качественных номеров [3]. Программа льготного кредитования в 2024 году была расширена: поддержку получают 167 гостиниц – 110 объектов категории 3–4 звезды на 27 тыс. номеров и 57 пятизвездочных отелей на 11 тыс. номеров, – а также 10 аквапарков, 9 горнолыжных комплексов и 3 круглогодичных парка развлечений в 55 регионах [4].

Стратегически важным становится диверсификация туристической географии. Стремительный рост интереса к Алтаю, Дагестану, волжским регионам и Арктике создает запрос на опережающее развитие инфраструктуры именно в этих зонах роста. Концепция развития автотуризма до 2035 года, утвержденная в 2024 году, предусматривает строительство придорожных комплексов и улучшение маршрутной сети для автопутешественников – направление, которое уже сегодня обеспечивает значительную часть прироста турпотока [3].

Перспективным вектором развития является и диверсификация туристических форматов. Исследование группы Б1, Минэкономразвития и АСИ показало, что 71% представителей туристического бизнеса называют культурно-познавательный туризм наиболее востребованным в своих регионах. Около половины потенциальных туристов выразили интерес к гастрономическим и иммерсивным форматам, участию в мастер-классах и реконструкциях [2]. Развитие этих направлений позволяет снизить сезонность туристического потока и вовлечь в оборот малые города и нетиражные достопримечательности.

Самостоятельным драйвером роста может стать деловой туризм. Его участники в среднем расходуют в 1,5–2 раза больше, чем обычные путешественники, и нередко возвращаются к понравившимся направлениям уже в качестве частных туристов, обеспечивая устойчивый повторный спрос.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что внутренний туризм в России вступил в качественно новую фазу развития. Рекорды 2024 года – 92–96 млн. туристических поездок, оборот отрасли свыше 2 трлн. рублей, рост инвестиций до 652 млрд. рублей за три квартала – не являются случайными всплесками, а отражают устойчивые структурные сдвиги: изменение потребительских предпочтений россиян, активную государственную политику и появление новых туристических продуктов.

Вместе с тем рекорды обнажили и хронические болевые точки отрасли: острую нехватку качественного номерного фонда в большинстве популярных регионов, опережающий рост цен на авиаперевозки, географическую концентрацию турпотока в пяти субъектах Федерации и дефицит квалифицированных кадров. Без целенаправленного решения этих проблем стратегическая цель – 140 млн. поездок и 5% ВВП к 2030 году – рискует остаться декларацией.

Ключом к успеху представляется комплексный подход: ускорение строительства отельной инфраструктуры в регионах с дефицитом номерного фонда, развитие транспортной доступности новых туристических дестинаций, поддержка нестандартных туристических форматов и опережающая подготовка кадров для сферы гостеприимства. Реализация этого комплекса мер при сохранении достигнутого темпа роста способна превратить внутренний туризм в один из ключевых драйверов устойчивого экономического развития страны.

Список литературы

1. Ведомости. Внутренний турпоток в России в 2024 году достиг исторического максимума [Электронный ресурс]. — 19 января 2025. — URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyu_plan/articles/2025/01/19/1087103-vnutrennii-turpotok-v-rossii-v-2024-godu-dostig-istoricheskogo-maksimuma (дата обращения: 20.03.2025).

2. Ассоциация туроператоров России (АТОР). АТОР: внутренний туризм в 2024 году показал органический рост на 8% [Электронный ресурс]. — 25 декабря 2024. — URL: <https://www.atorus.ru/article/ator-vnutrenniy-turizm-v-2024-godu-pokazal-organicheskiy-rost-na-8-60120> (дата обращения: 20.03.2025).

3. Forbes Russia. Рай в шалаше: почему внутренний туризм становится недоступной роскошью [Электронный ресурс]. — 2024. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/542197-raj-v-salase-pocemu-vnutrennij-turizm-stanovitsa-nedostupnoj-roskos-u> (дата обращения: 21.03.2025).

4. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Круглый стол «Проблемы развития туризма в регионах России» [Электронный ресурс]. — 2025. — URL: http://region.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/163937/ (дата обращения: 19.03.2025).

5. Российский союз туриндустрии (РСТ). РСТ: рост внутреннего туризма начинает упираться в ограничения [Электронный ресурс]. — 2024. — URL: <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/rst-rost-vnutrennego-turizma-nachinaet-upirat-sya-v-ogranicheniya.html> (дата обращения: 21.03.2025).

© Лагкуев В.З.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

УДК 101:316.77

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕДИАТЕКСТА И ЕГО СМЫСЛОВЫХ СТРУКТУР

Иргашева Севара Баходировна

студент

Научный руководитель: **Джаббарова Хабиба Кувандиковна**

доцент, доктор философии по философским наукам

Самаркандский государственный институт

иностранных языков

Аннотация: в статье рассматривается медиатекст как философский феномен современной коммуникационной среды и анализируются механизмы формирования, интерпретации и трансформации смысла в медиапространстве. Исследование направлено на выявление онтологических, эпистемологических и культурных аспектов медиатекста, а также его роли в формировании общественного сознания, мышления и системы ценностей. В работе применяются философский, герменевтический, семиотический и дискурсивный подходы, позволяющие раскрыть многослойную природу медиатекста в условиях цифровизации. Обосновывается, что смысл в медиатексте формируется не только автором, но и в процессе активного взаимодействия текста, аудитории и цифровой среды.

Ключевые слова: медиатекст, смысл, философская интерпретация, герменевтика, семиотика, дискурс, цифровые медиа, медиапространство.

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF MEDIA TEXT AND ITS SEMANTIC STRUCTURES

Irgasheva Sevara Bahodirovna

Scientific advisor: **Dzhabbarova Khabiba Kuvandikovna**

Abstract: the article examines media text as a philosophical phenomenon of the modern communication environment and analyzes the mechanisms of formation, interpretation and transformation of meaning in the media space. The study is aimed at identifying the ontological, epistemological and cultural aspects of media text, as well as its role in shaping public consciousness, thinking and the system of values.

The work applies philosophical, hermeneutic, semiotic and discursive approaches, which make it possible to reveal the multilayered nature of media text in the context of digitalization. It is substantiated that meaning in media text is formed not only by the author, but also in the process of active interaction between the text, the audience and the digital environment.

Key words: media text, meaning, philosophical interpretation, hermeneutics, semiotics, discourse, digital media, media space.

Введение

Современный этап общественного развития характеризуется стремительным ростом цифровых технологий, глобализацией информационных потоков и расширением медиапространства. В этих условиях медиатекст становится одной из важнейших форм социальной коммуникации, оказывающей непосредственное влияние на мышление человека, формирование общественного мнения и трансформацию культурных ценностей. Сегодня медиатекст уже не может рассматриваться исключительно как средство передачи информации, поскольку он выступает особым феноменом, в котором создаются, интерпретируются и переосмысливаются смыслы.

Актуальность философского анализа медиатекста обусловлена тем, что современная коммуникация становится все более сложной, многослойной и интерактивной. Информация, распространяемая через средства массовой информации, социальные сети, интернет-платформы и цифровые каналы, не только отражает реальность, но и активно участвует в ее конструировании. В связи с этим медиатекст следует понимать как пространство смыслообразования, в котором пересекаются языковые, визуальные, символические и культурные структуры.

В философии проблема смысла традиционно разрабатывалась в рамках онтологии, эпистемологии, герменевтики и философии языка. Однако в условиях цифровой эпохи смысл все чаще возникает не как нечто устойчивое и завершенное, а как динамический результат взаимодействия текста, автора, интерпретатора и медиасреды. Это требует нового теоретического осмысления медиатекста как особого объекта философского анализа.

Цель статьи заключается в раскрытии философской сущности медиатекста и анализе механизмов интерпретации смысла в условиях современного цифрового медиапространства.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий философский анализ, герменевтический, семиотический и дискурсивный методы. Такой выбор обусловлен многослойной природой медиатекста, который существует одновременно как форма языкового выражения, как система знаков, как инструмент социального воздействия и как пространство интерпретации.

Основу исследования составляет философский анализ, направленный на выявление онтологических и эпистемологических оснований медиатекста, а также на раскрытие его сущности как особой формы конструирования социальной реальности. В данном контексте текст понимается не только как носитель информации, но и как форма смыслопорождения. В этой связи методологически значимой является мысль П. Рикёра о том, что «текст есть фиксация смысла посредством письма» [1]. Данное положение особенно важно для анализа медиатекста, поскольку он выходит за пределы простой передачи сведений и становится частью более широкого культурного и интерпретационного пространства.

Важное место в исследовании занимает герменевтический подход, позволяющий раскрыть процессы понимания и интерпретации медиатекста. Герменевтика исходит из того, что смысл текста не является раз и навсегда данным, а раскрывается в процессе диалога между текстом и интерпретатором. Х.-Г. Гадамер подчеркивал, что «понимание есть не столько метод, сколько способ бытия человека» [2]. Эта идея позволяет рассматривать интерпретацию медиатекста не как техническую процедуру расшифровки сообщения, а как живой процесс соотнесения текста с историческим, культурным и личностным опытом воспринимающего субъекта.

Для выявления механизмов формирования смысла в медиатексте используется семиотический анализ, рассматривающий медиатекст как систему знаков, символов и кодов. Существенное методологическое значение здесь имеет мысль Р. Барта о том, что «текст представляет собой не линию слов, производящих единственный смысл, а многомерное пространство, где сочетаются и спорят различные виды письма» [3]. Это особенно актуально для медиатекста, который соединяет в себе вербальные, визуальные, аудиальные и цифровые компоненты, формируя открытую и многозначную структуру.

Неотъемлемой частью исследования является дискурсивный анализ, позволяющий выявить социальные, культурные и идеологические условия функционирования медиатекста. В рамках данного подхода текст

рассматривается не изолированно, а как элемент более широкой системы властных отношений, норм и общественных практик. Методологически значимым является положение М. Фуко о том, что «дискурс – это не просто то, что переводит борьбу или системы господства, но то, ради чего и посредством чего ведется борьба» [4]. Это означает, что медиатекст не только отражает реальность, но и участвует в ее формировании, закрепляя определенные способы интерпретации мира.

Дополнительную значимость для исследования имеет идея Ю.М. Лотмана о том, что «текст есть устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и породить новые» [5]. В применении к медиатексту это означает, что он выступает не пассивным носителем информации, а активным механизмом смыслообразования, в котором взаимодействуют культурная память, символические структуры и коммуникативные стратегии.

Сочетание философского анализа, герменевтического подхода, семиотического и дискурсивного методов позволяет всесторонне исследовать медиатекст как сложное многомерное явление современной цифровой культуры и раскрыть специфику формирования, интерпретации и трансформации смысла в медиапространстве.

Результаты и обсуждение

Прежде всего, необходимо уточнить содержание понятия интерпретации. Интерпретация представляет собой процесс объяснения, осмысления и толкования текста, знака, события или явления. Она связана с деятельностью человеческого мышления, направленной на выявление явных и скрытых смыслов. В этом отношении интерпретация выступает не просто методом анализа, а важнейшим механизмом познания, посредством которого человек устанавливает отношение к миру, культуре и самому себе.

В философской традиции проблема интерпретации наиболее полно раскрыта в герменевтике. Герменевтический подход подчеркивает, что понимание текста никогда не бывает абсолютно нейтральным, поскольку всегда осуществляется через призму исторического опыта, культурной принадлежности и индивидуального мировоззрения интерпретатора. Следовательно, смысл текста не задается окончательно автором, а раскрывается и переосмысливается в процессе его восприятия.

В современном медиапространстве данное положение приобретает особую значимость. Медиатекст существует в условиях высокой скорости распространения информации, постоянного обновления контекста и активного

участия аудитории в создании новых смыслов. Это означает, что интерпретация медиатекста становится не единичным актом прочтения, а непрерывным процессом смысловой трансформации.

Медиатекст отличается от традиционного текста своей мультимодальной природой. Он объединяет словесные, визуальные, аудиальные и символические компоненты, образующие сложную семиотическую структуру. В медиатексте слово взаимодействует с изображением, цветом, звуком, монтажом и цифровыми эффектами, благодаря чему создается многослойная система значений. Именно поэтому медиатекст нельзя свести к вербальному сообщению: он представляет собой целостную форму культурной репрезентации реальности.

С философской точки зрения медиатекст выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он отражает события и явления действительности, а с другой – моделирует и конструирует их восприятие. Например, подача одной и той же новости в различных медиаформатах способна вызывать у аудитории различные эмоциональные и оценочные реакции. Тем самым медиатекст не просто сообщает о событии, но и задает рамки его понимания.

Особое значение в исследовании медиатекста имеет семиотический подход. В рамках семиотики любой медиатекст может быть рассмотрен как совокупность знаков, организованных в определенную систему. Значение в таком тексте возникает не изолированно, а в процессе взаимодействия элементов. Слово, изображение и звук усиливают или изменяют друг друга, создавая новые уровни интерпретации. Например, визуальный образ может придать нейтральному сообщению эмоциональную окраску, а музыкальное сопровождение – изменить общий модус восприятия.

Не менее важным является дискурсивный аспект медиатекста. Каждый медиатекст включен в определенный социальный и идеологический контекст. Он несет в себе не только информацию, но и ценности, установки, культурные нормы и формы власти. Через медиатексты общество транслирует представления о допустимом и недопустимом, значимом и второстепенном, истинном и ложном. Поэтому философская интерпретация медиатекста предполагает анализ не только его содержания, но и тех дискурсивных структур, в которых он функционирует.

Смысл в медиатексте формируется в результате взаимодействия трех основных компонентов: автора, текста и аудитории. Автор задает исходную интенцию и формирует структуру сообщения, текст выступает материальным носителем знаков и значений, а аудитория осуществляет активный процесс

интерпретации. Однако в цифровую эпоху к этой модели добавляется еще один значимый элемент – сама медиасреда. Алгоритмы платформ, комментарии пользователей, репосты, мемы, визуальные переработки и иные формы сетевого участия существенно влияют на динамику смыслообразования.

В цифровом пространстве смысл становится подвижным и открытым. Сообщение, изначально воспринимавшееся как нейтральное, может получить совершенно иное значение в результате общественной реакции. Комментарии, цитирование, монтаж, контекстуальное переосмысление и ироническое использование текста способны изменить его первоначальную направленность. Таким образом, медиатекст в цифровой среде существует не как завершенная структура, а как открытый процесс, постоянно включенный в новые интерпретационные практики.

Особую роль здесь играет субъективный фактор восприятия. Один и тот же медиатекст может быть прочитан по-разному представителями различных возрастных, профессиональных, культурных и социальных групп. Это свидетельствует о том, что смысл не является однозначной и универсальной данностью. Он формируется на пересечении объективной структуры текста и субъективного опыта интерпретатора. Следовательно, медиатекст становится пространством диалога между культурой, обществом и личностью.

Вместе с тем нельзя игнорировать и объективные условия формирования смысла. Технические платформы, медиаполитика, редакционные стратегии, господствующие идеологии и социокультурные нормы во многом определяют, какие именно смыслы будут доминировать в общественном сознании. Это позволяет сделать вывод о том, что философская интерпретация медиатекста должна учитывать как субъективное измерение понимания, так и объективные механизмы смыслового производства.

Таким образом, медиатекст представляет собой сложный феномен, в котором пересекаются язык, культура, технологии и общественные отношения. Его смысл не сводится к буквальному содержанию, а раскрывается через многоуровневую систему интерпретаций. Именно поэтому философский анализ медиатекста приобретает особую значимость в условиях цифровизации, когда коммуникация становится не только средством передачи информации, но и способом конструирования социальной реальности.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что медиатекст в современном обществе выступает не только как средство передачи информации, но и как важный философский феномен, связанный с процессами производства,

интерпретации и трансформации смысла. Его природа определяется многослойностью знаковых систем, включенностью в культурный и социальный контекст, а также активным взаимодействием автора, аудитории и цифровой среды.

Философская интерпретация медиатекста позволяет глубже понять механизмы формирования общественного сознания, трансформации ценностей и способов восприятия реальности в условиях цифровой эпохи. Установлено, что смысл в медиатексте носит открытый, динамичный и многозначный характер, а его интерпретация зависит как от субъективного опыта воспринимающего, так и от объективных дискурсивных и технологических условий.

Следовательно, исследование медиатекста имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку способствует более глубокому осмыслению современных коммуникационных процессов и роли цифровых медиа в формировании культурной и социальной реальности.

Список литературы

1. Рыскельдиева Л. Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований // *Философский журнал*. – 2017. – Т. 10. – №. 1. – С. 136-153.
2. Морозова М. В. Чтение художественной литературы как парадигмальная модель опыта в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. – 2017. – №. 3. – С. 79-93.
3. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2016. – №. 122. – С. 867-887.
4. Русаков С. С. Соотношение понятий «Субъект», «Объект» и «Дискурс» в анализе власти М. Фуко // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2015. – Т. 11. – №. 1. – С. 38-44.
5. Полякова Т. А. Текст как смыслопорождающее устройство в концепции Ю.М. Лотмана // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2013. – №. 3. – С. 72-79.

© Иргашева С.Б.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ПОСЕМЬЯ:
ДРЕВНЕЙШИЕ ГИДРОНИМЫ И ОЙКОНИМЫ КУРСКОЙ ЗЕМЛИ
КАК ХРАНИТЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Гаврилова Елизавета Витальевна

студент

Научный руководитель: **Малыхина Татьяна Михайловна**

к.ф.н., доцент

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена комплексному этимологическому анализу четырёх гидронимов Курской области (Паники, Слезня, Слизень, Синяк), объединённых ситуацией «семантического разрыва» – отсутствием прямой связи между современной формой названия и реалиями объекта при кажущейся прозрачности. Для гидронима Паники восстанавливается славянская этимология от древнерусского глагола поникати («исчезать, скрываться»). Пара гидронимов Слезня и Слизень рассматривается в связи с индоевропейским корнем slei- («влага, скольжение»). Для гидронима Синяк предлагается типологическая параллель с башкирским гидронимом Иһәнәк («источник, ручей»), что позволяет говорить о возможном тюркском субстрате. Исследование демонстрирует многослойность топонимической системы региона.

Ключевые слова: топонимика, гидроним, этимология, Посемье, славянские языки, тюркский субстрат, лингвогеография.

**THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE FAMILY:
ANCIENT HYDRONYMS AND OIKONYMS OF THE KURSK
LAND AS GUARDIANS OF REGIONAL IDENTITY**

Gavrilova Elizaveta Vitalievna

Scientific adviser: **Malykhina Tatyana Mikhailovna**

Abstract: The article is devoted to a comprehensive etymological analysis of four hydronyms in the Kursk region (Paniki, Slezya, Slizen, and Sinyak), united by the phenomenon of a "semantic gap" – the absence of a direct connection between the modern form of a name and the characteristics of the object, despite its apparent

transparency. For the hydronym Paniki, a Slavic etymology is reconstructed from the Old Russian verb ponikati ("to disappear, to hide"). The pair of hydronyms Slezya and Slizen are considered in connection with the Indo-European root slei- ("moisture, sliding"). For the hydronym Sinyak, a typological parallel with the Bashkir hydronym Iñanäk ("source, stream") is proposed, which suggests a possible Turkic substrate. The study demonstrates the multilayered nature of the region's toponymic system.

Key words: toponymy, hydronym, etymology, Posemye, Slavic languages, Turkic substrate, linguogeography.

Топонимическая система Курского края формировалась в условиях длительного взаимодействия славянского населения с ландшафтом, что породило пласт ясных, описательных именовании. Однако не менее диагностичными для историка языка оказываются случаи «семантического разрыва» – когда между современной формой названия и реалиями объекта нет очевидной связи, а общепринятое объяснение оказывается народно-этимологическим. Статья посвящена комплексному этимологическому и лингвогеографическому анализу топонимов Курской области – гидронима и ойконима Паники и гидронима Синяк. Цель работы — продемонстрировать, как последовательное применение методов сравнительно-исторического анализа и лингвогеографии позволяет в первом случае восстановить утраченный славянский смысл, а во втором – выдвинуть и обосновать гипотезу о возможном тюркском субстрате, выходя тем самым за рамки тривиальной цветовой интерпретации.

Село Паники Медвенского района Курской области имеет типичную для многих славянских поселений географическую привязку к водной артерии. Как фиксируют современные картографические источники, населённый пункт расположен в 5 км к западу от посёлка Медвенка на одноимённом ручье Паники, являющемся левым притоком реки Полная (бассейн Сейма) [1]. Гидрографическая система села не ограничивается лишь ручьём: в его окрестностях существует пруд, также носящий имя *Паникинский*. Согласно данным полевого экологического исследования, этот водоём имеет естественное происхождение, а его питание обеспечивается, в том числе, родниками, выходящими на дне [2, с. 5].

Расположение села на ручье прямо указывает на то, что его название, т.е. ойконим, является производным от гидронима. Эта модель номинации, при которой поселение получает имя по водному объекту, служащему его

географической основой, архетипична для славянской топонимии Восточной Европы. Таким образом, логика именования изначально определялась конкретным и значимым географическим соседством, а не отвлечённым признаком.

Чтобы установить первичное значение гидронима *Паники* (варианты названия *Пані́к*, *Пані́ка*) необходимо обратиться к сравнительно-историческому анализу и данным лингвогеографии. Как отмечает А.В. Барандеев, названия рек и ручьев *Паника* широко представлены в центральных областях России и имеют ряд фонетических вариантов: *Паниковец*, *Поникля*, *Пониколь*, *Поникша* [3, с. 92].

Лингвистическую основу гидронима составляет древнерусский глагол *поникати* (*поничати*), который, согласно исследованиям А.И. Попова, употреблялся в значении 'опускаться, скрываться' [4, с. 87]. В древнерусском языке параллельно существовали формы *поникати* и *поникнути*. Первый глагол непосредственно обозначал процесс исчезновения: «Суть же и ины многы и великы рѣкы, яже овы въ море въливаются, овы въ земли поничуть», имел значение 'скрываться, исчезать'. Второй – уже конкретизировал это действие применительно к воде, что иллюстрирует запись 1604 года: «А рѣчка Кадаришь... поникла въ землю» [5, с. 215].

Эта лексема, также восходящая к идее непостоянства и исчезновения водного потока, подтверждает живую связь корня с гидрологической реальностью. Убедительным доказательством общеславянского характера модели являются прямые соответствия: словацкое *ponikva* ('место, где исчезает поток'), польское *ponik* ('ключ, ручей; подземное русло'). Широкий ареал распространения идентичных названий исключает случайность и доказывает существование общеславянской словообразовательной формулы для именования водотоков с подобными характеристиками.

Критически важным является указание на правильное ударение: местное население произносит этот гидроним как *Пані́ка*, что сразу отделяет его от слова «пáника» (страх) и фонетически сближает с глаголом *ні́кнуть* в значении 'ослабевать, исчезать' [3, с. 93].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля одним из значений глагола *никнуть* является 'хилеть, упадать, погибать, изводиться': *Лед изникъ весь*; прилагательное *никлый* имеет значение 'вялый', *нищый* – 'низкий, низменный' [6, с. 546].

Эту семантическую связь подтверждает словарная статья Э. М. Мурзаева: «Паниква, пониква, пониковец – тип рек, вода которых «поникает», иссякает вниз по течению; ручей, теряющий течение и местами переходящий в болото, трясину» [7, с. 412].

Заболоченный характер поймы ручья Паники, отражённый в его названии, хорошо прослеживается и в современном ландшафте, что наглядно демонстрирует фотография пруда.

Рис. 1. Паникинский пруд

Таким образом, перед нами не случайное название, а устоявшийся географический термин, описывающий конкретный гидрологический признак – свойство водотока терять воду, «проваливаться» в карстовые пустоты или заболачиваться, превращаясь в пруд, трясину, болото [8, с. 128].

В контексте исследования «проблемных» гидронимов Курского края стоит также обратить внимание на пару названий - *Слезня* и *Слизень*. Несмотря на принадлежность к разным водным системам, их фонетическое сходство и общая «неочевидность» семантики заставляют рассматривать их совместно, что может пролить свет на механизмы народной этимологии в регионе.

Слезня (ист. *Селезнёв*) - правый приток Обмети, протекающий по территории Рыльского района Курской области. А.И. Яценко возводит гидроним к диалектному *слезня* - ‘ключ на болотистых лугах’ [9, с. 91].

Апеллятив *слезня* / *слезёнка* в значении ‘ключ, родник на болотистом лугу’ не обнаруживается в основном корпусе СРНГ, что ставит под сомнение распространённость данного термина. Однако в говорах Курской, Орловской и Брянской областей известен продуктивный корень *слез-* с семантикой ‘влага, просачивание’ (ср. *слеза* / *слёза* не только как ‘слёзная жидкость’, но и как ‘капля, сочащаяся влага’) [10, с. 671].

Важнейшим лексикографическим подтверждением данной гипотезы служит прямая фиксация гидронима в «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева. Словарная статья «Слезня» гласит: «ключ на болотистых лугах, обычно обрамленный высокой болотистой травой, иногда даже скрытый ею (Курская обл.)» - и сопровождается указанием на ручей Слезня в бассейне Сейма [7, с. 354]. Таким образом, термин, реконструированный А.И. Яценко на полевом материале, получил безусловное признание в академической лексикографии.

М. Фасмер указывает на праславянское *slъza* и индоевропейский корень *sleid-* / *slei-* со значением 'скользящий, мокрый, слизистый', что роднит его со словами *слизь* и *слизкий* [10, с. 672]. Важным для нашей реконструкции является наличие в южнорусских говорах географического апеллятива *слезь* в значении 'место выхода грунтовых вод на поверхность' (ср. метафорическое *слёзы земли* - ключи, выбивающиеся из склона). В СРНГ (вып. XXXVIII) также фиксируется глагол *слезить* - 'сочиться, выделять влагу' (о почве, стенке колодца), что характерно именно для южнорусской диалектной зоны. Всё это позволяет реконструировать вероятный диалектный апеллятив *слезня* - 'место выклинивания грунтовых вод, мочажина, ключ в заболоченной пойме'.

Продуктивность данной словообразовательной модели подтверждается гидронимическими параллелями: например, река Слезня в Одинцовском районе Московской области (правый приток Москвы-реки), а также многочисленные гидронимы типа *Слезни*, *Слезнёвки*, *Слезянки* в бассейнах Десны и Оки. Все эти водотоки приурочены к участкам интенсивного выхода грунтовых вод [1].

Географическая верификация для курского случая также подтверждает эту семантику. Река Обметь (Обеста, Обисту), левым притоком которой является Слезня, протекает в западной части Курской области; её пойма характеризуется заболоченными лугами и обилием мочажин. Правый приток Слезня берёт начало в зоне контакта суглинков и подстилающих меловых отложений - типичное место формирования нисходящих источников, «плачущий» склон [11, с. 512]. Таким образом, диалектная этимология А.И. Яценко, возводящая название, к слову, *слезня*, по сути верна, однако нуждается в смысловом уточнении: *слезня* в данном контексте - это не просто ключ, а место сосредоточенного выделения грунтовых вод в пойме, мочажинный участок, что точно соответствует физико-географическим особенностям объекта.

Что касается формы *Селезнёв*, она, по-видимому, является результатом более поздней народной этимологии (переосмысление через антропоним) и не может считаться исходной для гидронима.

Слизень (совр. *Верхняя Хила*) - правый рукав Сейма у с. Будки Глушковского района. Гидрографическая характеристика объекта исключительно выразительна: русло сильно заилено, заросло водной растительностью (ряска, рогоз), скорость течения в межень близка к нулю, вода стоит; водоток представляет собой цепочку старичных озёр или сильно меандрирующую канаву без выраженного продольного уклона. Питание осуществляется за счёт грунтовых вод и паводкового затопления со стороны основного русла Сейма; сколько-нибудь заметное течение возникает лишь в период весеннего половодья [12, с. 45–47].

Слизень А.И. Яценко вслед за В.И. Далем связывает с диалектным *слизкий* - 'покрытый слизью, скользкою жижей' [9, с. 91]. Эта мотивировка абсолютно точна и прямо вытекает из современного состояния водотока. Однако семантическое поле корня *слиз-* в народных говорах не исчерпывается пассивной характеристикой субстрата («покрытый илом»). В курских говорах зафиксирован глагол *слизнуть* - 'двигаться бесшумно, незаметно' и наречие *слизью* - 'тихо, украдкой' [6, с. 228], что вносит в название динамический оттенок: медленное, скользящее, едва заметное движение воды.

Этимологический анализ М. Фасмера позволяет утверждать, что праславянский корень *slizь* (и восходящий к нему индоевропейский **slei-*) объединяет семантику влажности/илистости и семантику скольжения в единый архаический комплекс. Данное единство убедительно подтверждается лексическими параллелями:

С одной стороны: ср.-нж.-нем. *slīk*, д.-в.-н. *slīh* - 'ил', рус. диал. *слизь*, *слизкий*; с другой: др.-исл. *slīkr* — 'гладкий, скользкий', д.-в.-н. *slīthan* — 'красться' (двигаться бесшумно, скользяще), польск. *ślizgać się* — 'скользить', рус. диал. *слизи* (мн. ч.) — 'волокуша' [10, с. 672].

Ил представляет собой тонкодисперсный осадок, содержащий не менее 30% частиц размером менее 0,01 мм; во влажном состоянии он текуч и пластичен, что обуславливает его семантическую связь со скольжением [13, с. 56]. В архаической картине мира илистость дна и медленное, «скользящее» движение воды не противопоставлялись: гидроним *Слизень* фиксирует именно этот нерасчленённый комплекс признаков.

Не менее важен и сам факт переименования: его мотивация раскрывается через современное название рукава - *Верхняя Хи́ла*. Компонент *хи́ла*, как указывает А.И. Яценко, восходит к диалектному *хилый* в значении 'плохой, слабый' [6, с. 547]. Этимологически слово *хилый* происходит от праславянского *chylъ* (от *chyliti* - 'склонять, сгибать'; ср. лит. *šulti* - 'хромать, ковылять'), с развитием семантики «согнутый» → «слабый, болезненный» → «плохой, негодный». В гидронимическом контексте *хи́ла*, таким образом, означает 'слабая, хилая протока' — то есть рукав с периодически иссякающим течением.

Переименование *Слизня* в *Верхнюю Хилу* не является сменой смысла. Это -диахроническое уточнение средствами живого диалекта, тот случай, когда, по точному замечанию Э.М. Мурзаева, народный географический термин «более точно и предметно информирует о содержании объекта» [7, с. 3]. Архаичный *слизень* («медленно скользящий») и более поздняя *хи́ла* («слабая, хилая протока») описывают одну и ту же гидрологическую реальность - незаметное, перемежающееся течение, обусловленное заилением и зарастанием русла.

Рассмотрение пары *Слезня* — *Слизень* позволяет сделать два вывода. Во-первых, оба гидронима получают непротиворечивую этимологию в рамках праславянского корневого гнезда *slei-* / *sliz-*, семантика которого органично соединяет значения влажности, илистости и скользящего движения. Во-вторых, переименование *Слизня* в *Верхнюю Хилу* демонстрирует типичный для народной топонимии механизм «перекодировки»: устаревающий, утративший прозрачность корень заменяется живым диалектным синонимом при полном сохранении исходного смысла. Случай, подобные курским, убедительно свидетельствуют: так называемые «тёмные», «неясные», «субстратные» гидронимы сплошь и рядом оказываются точнейшими славянскими описаниями, затемнёнными лишь позднейшими фонетическими или лексическими сдвигами.

Отдельного рассмотрения требует гидроним *Синяк* - ручей, правый приток Мужицы, берущий начало в Сумской области и текущий по границе Кореневского и Глушковского районов.

Первичная, навязываемая самим звучанием слова ассоциация – с цветом синий или бытовым понятием «синяк» – закреплена в языке [9, с. 91]. Но, как и ранее, прямое перенесение этой бытовой семантики на географический объект оказывается научно несостоятельным. Маловодность ручья, типичная для подобных водотоков Курской области, не создаёт условий для интенсивного

синего оттенка, который мог бы стать устойчивым ономастическим признаком [8, с. 134]. Более того, цветовые гидронимы в славянской традиции обычно указывают на контрастные характеристики (Белая, Чёрная), а не на промежуточные оттенки. Перед нами вновь встаёт этимологическая загадка, где поверхностное народное осмысление, вероятно, скрывает иной, возможно, уже забытый лингвистический источник.

Поиск альтернативной этимологии заставляет обратить внимание на лингвогеографические параллели. На территории Башкортостана (Белорецкий район) зафиксирована река *Синяк*, официально известная под башкирским названием *Иһәнәк* [14]. Сама по себе эта географическая пара представляет значительный научный интерес, однако её главная ценность для нашего исследования заключается в предоставлении эталонной тюркской формы *Иһәнәк*, которая может служить надёжным исходным пунктом для реконструкции фонетической адаптации в славянской среде.

Фонетическая адаптация тюркского гидронима *Иһәнәк* в славянской языковой среде могла протекать по следующей цепочке трансформаций: башкирский согласный *h* путем адаптации перешел в согласный *с*. Как отмечает Н.К. Дмитриев, при заимствовании тюркизмов *h* часто замещается русским «с» или «х» [15, с. 78]. В данном случае реализация *h* → *с* является закономерной, особенно в позиции перед гласным переднего ряда. Гласный башкирского языка *э* (близкий к редуцированному *э*) в безударной позиции подвергается качественной редукции и воспринимается носителями русского языка как [и] или [е]. Конечный элемент *-әк* — продуктивный суффикс в башкирском языке, используемый при образовании существительных со значением уменьшительности или характеризующего признака [16, с. 142]. При адаптации в славянских языках тюркские суффиксы типа *-ак/-әк* регулярно трансформируются в *-ак/-як*, что соответствует русской фонотактике [17, с. 156]. В результате, фонетическая цепочка *Иһәнәк* → *Синяк* представляется лингвистически обоснованной и соответствует законам межъязыковых контактов.

Данное лексическое совпадение перестаёт быть случайным, когда мы обращаемся к семантике башкирского этимона. Ключевая морфема *әнә* (вариант *ән*) в диалектах башкирского языка имеет конкретное значение: 'источник, мать-ручей' — то есть первичный выход воды из-под земли или скальных трещин [18, с. 28]. Это не абстрактный термин, а прямое отражение географической реальности: башкирская река *Синяк* (*Иһәнәк*) берёт начало на северных склонах горы Большой Иремель, где её истоки формируются водами,

вытекающими непосредственно из трещин кварцитовых пород хребта Аваляк [14]. Таким образом, в своей исходной форме гидроним является точным описанием типа истока.

Убедительность этой связи подкрепляется исключительной исторической глубиной. Лексема энэ восходит к древнему индоиранскому (авестийскому) субстратному корню ан-/нар- со значением 'вода, исток', что фиксируется в архаичном пласте уральской гидронимии [19, с. 187]. Это позволяет рассматривать энэ не как случайное диалектное слово, а как устойчивый термин из древнейшего слоя географической лексики региона, связанный с визуальным феноменом «вытекания воды из скалы». А значит, перед нами не просто созвучие, а законченная ономастическая модель: башкирская форма Иһәнәк представляет собой семантически прозрачное сложение, где корень указывает на характер истока, а суффиксальное оформление определяет объект как водоток. Это даёт ключ к интерпретации курского гидронима: перед нами, вероятно, типологическая параллель. Башкирский Иһәнәк демонстрирует, как тюркский географический термин со значением «исток» мог быть адаптирован в форме Синяк. Не исключено, что курский Синяк восходит к сходному субстратному источнику - возможно, иного, но семантически эквивалентного тюркского корня, фонетически переоформленного по тем же законам.

Список литературы

1. Публичная кадастровая карта Росреестра [Электронный ресурс]. – URL: <https://pkk.rosreestr.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Махт У. Исследовательская работа «Определение сапробности водоема Малого пруда с. Паники Курской области» / У. Махт, А.А. Федяева. – с. Паники, Медвенский район, 2022. – 17 с.
3. Барандеев А.В. Этимологии «необычных» топонимов // Русский язык в школе. – 2019. – № 2. – С. 92–96.
4. Попов А.И. Географические названия (Введение в топонимику) / А.И. Попов. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 181 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф.П. Филин. – М. : Наука, 1991. – Вып. 16. – 296 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1989. – Т. 2. – 779 с.
7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.

8. Мурзаев Э.М. Топонимика и география / Э.М. Мурзаев. – М. : Наука, 1995. – 304 с.
9. Яценко А.И. Топонимика Курской области / А.И. Яценко. – Курск, 1974. – 124 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
11. Пospelов Е.М. Географические названия мира : Топонимический словарь / Е.М. Пospelов. – М. : Русские словари ; Астрель ; АСТ, 2002. – 512 с.
12. Бабкин В.Л. Реки Курской области (гидрографический обзор) / В.Л. Бабкин. – Курск : Курский филиал Географического общества СССР, 1995. – 108 с.
13. Ломтадзе В.Д. Инженерная геология. Инженерная петрология / В.Д. Ломтадзе. – Л. : Недра, 1984. – 511 с.
14. Государственный водный реестр [Электронный ресурс]. – Сияк. – URL: <https://textual.ru/gvr/index.php?card=182204> (дата обращения: 02.02.2026).
15. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков / Н.К. Дмитриев. – М. : Издательство восточной литературы, 1962. – 607 с.
16. Билалова Л.Г. Суффиксальное словообразование в башкирском языке / Л.Г. Билалова. – Уфа : [б.и.], 2016. – 142 с.
17. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков / А.М. Щербак. – СПб. : Наука, 1997. – 192 с.
18. Диалектологический словарь башкирского языка / сост. Ф.Г. Хисамитдинова, Р.З. Шакуров. – Уфа : Китап, 2002. – 432 с.
19. Гарипова Н.Д. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии // Топонимика Востока. Новые исследования. – М. : Наука, 1964. – С. 185–189.

© Гаврилова Е.В.

**СЕКЦИЯ
МЕДИЦИНСКИЕ
НАУКИ**

**СТРАТЕГИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИН И ЛЕЧЕНИЕ
ДЕТСКОГО ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПАРАЛИЧА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Обидов Хусейн Хошимович

ординатор-невролог

Научный руководитель: **Ахмадеева Лейла Ринатовна**

к.м.н., профессор

ФГБОУ ВО «БГМУ»

Аннотация: Цель исследования: Изучить основные этиологические факторы и клинико-патогенетические особенности детского церебрального паралича в Республике Таджикистан, а также оценить эффективность комплексных методов лечения и реабилитации, включая ботулинотерапию.

Материалы и методы: Проведено клинико-обсервационное исследование с участием 50 пациентов в возрасте от 2 до 12 лет с подтверждённым диагнозом детского церебрального паралича. Оценка состояния проводилась с использованием шкалы GMFCS, шкалы Ашворта, данных магнитно-резонансной томографии и анализа перинатального анамнеза. Всем пациентам проводилась комплексная реабилитационная программа, включающая медикаментозную терапию, физиотерапию, лечебную физкультуру и ботулинотерапию.

Результаты: Спастическая форма ДЦП выявлена у 60% пациентов. Наиболее значимыми факторами риска являлись перинатальная гипоксия (44%) и преждевременные роды (20%). После курса комплексной терапии отмечено статистически значимое снижение уровня спастичности и улучшение двигательной активности. Использование ботулинического токсина типа А позволило значительно уменьшить выраженность локальной спастичности и повысить эффективность реабилитационных мероприятий.

Заключение: Комплексный междисциплинарный подход, включающий медикаментозную терапию, ботулинотерапию и интенсивную нейрореабилитацию, является эффективной стратегией лечения детей с ДЦП и способствует улучшению функциональных исходов.

Ключевые слова: детский церебральный паралич, патогенез, клиническая характеристика, ранняя диагностика, комплексная реабилитация, факторы риска, дети младшего возраста, моторные нарушения, когнитивные нарушения, социальная адаптация, междисциплинарная терапия.

STRATEGY FOR IDENTIFYING CAUSES AND TREATMENT OF CEREBRAL PALSY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Obidov Husein Hoshimovich

Scientific adviser: **Akhmadeeva Leyla Rinatovna**

Abstract: Study Objective: To study the main etiological factors and clinical and pathogenetic characteristics of cerebral palsy in the Republic of Tajikistan and to evaluate the effectiveness of comprehensive treatment and rehabilitation methods, including botulinum toxin therapy.

Materials and Methods: A clinical observational study was conducted involving 50 patients aged 2 to 12 years with a confirmed diagnosis of cerebral palsy. Assessment was conducted using the GMFCS scale, the Ashworth scale, magnetic resonance imaging data, and perinatal history analysis. All patients underwent a comprehensive rehabilitation program, including medication therapy, physiotherapy, exercise therapy, and botulinum toxin therapy.

Results: Spastic cerebral palsy was detected in 60% of patients. The most significant risk factors were perinatal hypoxia (44%) and preterm birth (20%). Following a course of comprehensive therapy, a statistically significant reduction in spasticity and improvement in motor activity were observed. The use of botulinum toxin type A significantly reduced the severity of local spasticity and increased the effectiveness of rehabilitation measures.

Conclusion: A comprehensive, interdisciplinary approach, including drug therapy, botulinum toxin, and intensive neurorehabilitation, is an effective treatment strategy for children with cerebral palsy and contributes to improved functional outcomes.

Key words: cerebral palsy, pathogenesis, clinical characteristics, early diagnosis, comprehensive rehabilitation, risk factors, young children, motor impairment, cognitive impairment, social adaptation, multidisciplinary therapy.

Введение

Детский церебральный паралич представляет собой группу стойких нарушений движения и позы, обусловленных повреждением развивающегося головного мозга в пренатальном, перинатальном или раннем постнатальном периоде [1, с. 8]. ДЦП является одной из ведущих причин хронической инвалидности в детском возрасте. По данным международных эпидемиологи-

ческих исследований, распространённость детского церебрального паралича составляет в среднем **2–3 случая на 1000 живорождённых** [2]. Клиническая картина заболевания характеризуется значительным полиморфизмом и включает:

- спастичность
- нарушение координации движений
- когнитивные расстройства
- эпилептические приступы
- нарушения речи и сенсорных функций.

Одной из ведущих причин развития заболевания является гипоксически-ишемическое поражение головного мозга в перинатальном периоде [8]. Несмотря на значительный прогресс в области перинатальной медицины, проблема ранней диагностики и эффективной реабилитации детей с ДЦП остаётся актуальной, особенно в странах с ограниченными ресурсами системы здравоохранения. В Республике Таджикистан данная проблема приобретает особую социальную и медицинскую значимость вследствие недостаточной доступности специализированной реабилитационной помощи.

Цель исследования

Изучить основные этиологические факторы и клинико-патогенетические особенности детского церебрального паралича в Республике Таджикистан, а также оценить эффективность комплексной междисциплинарной реабилитации.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на базе ГУ «Национальный медицинский центр «Шифобахш» в период с 2023 по 2025 годы.

В исследование включено 50 пациентов ($n = 50$) в возрасте от 2 до 12 лет с установленным диагнозом детского церебрального паралича.

Критерии включения

- подтверждённый диагноз детского церебрального паралича
- возраст пациентов от 2 до 12 лет
- согласие родителей на участие в исследовании.

Критерии исключения

- острые инфекционные заболевания
- генетические синдромы
- тяжёлые соматические заболевания, влияющие на двигательную функцию.

Методы исследования

Использовались следующие методы:

- клиническое неврологическое обследование
- оценка двигательной активности по шкале GMFCS
- оценка мышечного тонуса по шкале Ашворта
- магнитно-резонансная томография головного мозга
- анкетирование родителей
- анализ перинатального анамнеза.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS (версия 26.0). Для количественных показателей использовались средние значения ($M \pm SD$). Статистическая значимость различий принималась при $p < 0,05$.

Современные подходы к лечению ДЦП.

Лечение детского церебрального паралича требует комплексного междисциплинарного подхода, направленного на снижение выраженности двигательных нарушений и улучшение функционального состояния пациентов.

Основные направления терапии включают:

- медикаментозное лечение
- ботулинотерапию
- лечебную физкультуру
- нейрореабилитацию
- физиотерапию.

Медикаментозная терапия направлена на снижение патологического мышечного тонуса и улучшение нейрометаболических процессов. Для коррекции локальной спастичности широко применяется ботулинический токсин типа А, который вызывает временное расслабление спастических мышц и способствует повышению эффективности реабилитационных мероприятий. Реабилитационные мероприятия включают лечебную физкультуру, нейроразвивающие методики (Bobath-терапию, метод Войта), а также физиотерапевтические процедуры.

Клиническое наблюдение пациента с детским церебральным параличом

Клиническое наблюдение №1

Пациент: мальчик, 5 лет.

Диагноз: детский церебральный паралич, спастическая диплегия. Уровень двигательных нарушений по шкале Gross Motor Function Classification System (GMFCS) — III. Из анамнеза известно, что ребёнок родился от 1 беременности,

протекавшей с осложнениями. В перинатальном периоде отмечалась гипоксия плода. Роды преждевременные, на 34-й неделе гестации. В раннем неонатальном периоде наблюдались признаки гипоксически-ишемического поражения центральной нервной системы. По данным магнитно-резонансной томографии головного мозга выявлены признаки перивентрикулярной лейкомаляции, что характерно для гипоксически-ишемического повреждения белого вещества головного мозга. При неврологическом обследовании отмечались следующие изменения:

- повышение мышечного тонуса в нижних конечностях
- выраженная спастичность приводящих мышц бедра
- ограничение объёма активных движений
- нарушение координации движений
- формирование патологического двигательного стереотипа при ходьбе.

Уровень спастичности по модифицированной шкале Ашворта составлял 3 балла. Пациенту была назначена комплексная реабилитационная программа, включающая:

- лечебную физкультуру
- физиотерапевтические процедуры
- нейрореабилитационные методики (Bobath-терапия)
- ботулинотерапию.

Ботулинический токсин типа А (препарат Dysport) вводился в спастические мышцы нижних конечностей в дозировке 6 ЕД/кг массы тела.

Через 4 месяца после лечения отмечалась выраженная положительная динамика:

- снижение спастичности до 2 баллов по шкале Ашворта
- увеличение объёма активных движений в нижних конечностях
- улучшение устойчивости при ходьбе
- уменьшение патологических двигательных паттернов.

Комплексная терапия позволила улучшить функциональное состояние пациента и повысить эффективность реабилитационных мероприятий. Данный клинический случай демонстрирует эффективность комбинированного применения ботулинотерапии и нейрореабилитационных методик при лечении спастических форм детского церебрального паралича.

Результаты исследования

Анализ результатов показал следующее распределение форм детского церебрального паралича среди обследованных пациентов.

Distribution of Cerebral Palsy Forms Among Patients (n=50)

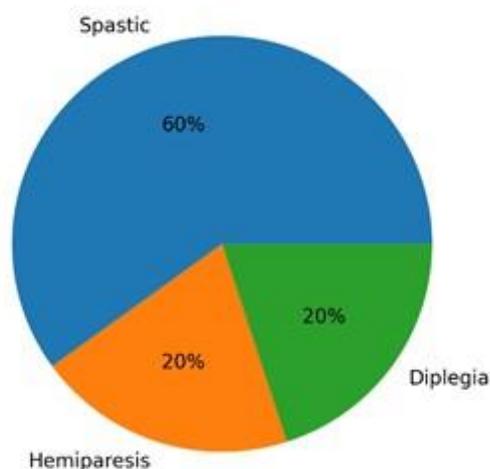

Рис. 1. Распределение форм церебрального паралича среди пациентов

Наиболее распространённой формой заболевания оказалась спастическая форма, которая составила 60% всех случаев. Также была выявлена статистически значимая корреляция между уровнем функциональной активности по шкале GMFCS и степенью спастичности по шкале Ашворта ($r = 0,65$; $p < 0,01$). Это свидетельствует о прямой зависимости между тяжестью двигательных нарушений и выраженностью мышечной спастичности.

Таблица 1

Основные факторы риска развития детского церебрального паралича

Фактор риска	Количество пациентов	%
Перинатальная гипоксия	22	44
Преждевременные роды	10	20
Осложнения родов	8	16
Внутриутробные инфекции	6	12
Другие причины	4	8
Итого	50	100

Спастическая форма ДЦП выявлена у 60% пациентов. Основными факторами риска являлись перинатальная гипоксия (44%) и преждевременные роды (20%). Полученные результаты соответствуют данным международных исследований [8].

Эффективность комплексной реабилитации

Показатель	До лечения	После лечения
Средний уровень GMFCS	3.2	2.6
Спастичность (шкала Ашворта)	3.0	2.1
Уровень двигательной активности	низкий	умеренный

После проведения комплексной реабилитационной программы отмечено снижение выраженности спастичности и улучшение двигательной активности у большинства пациентов.

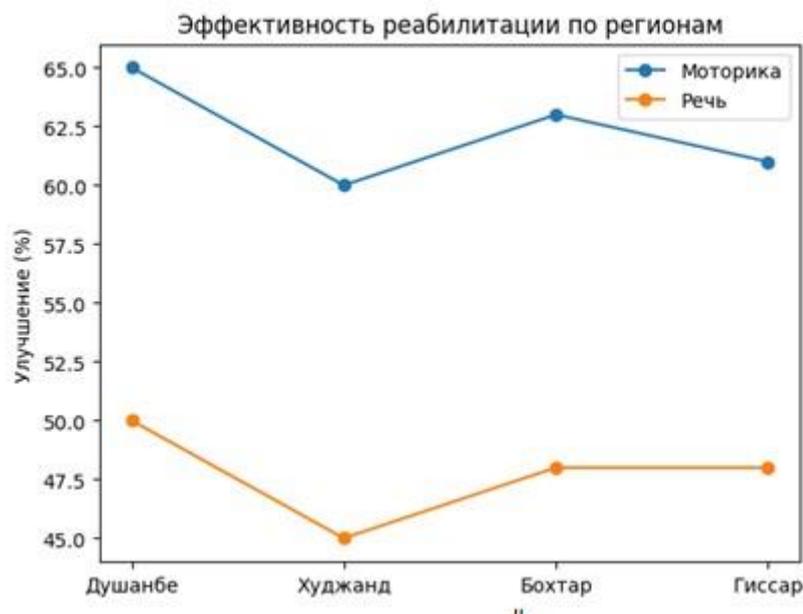

Рис. 2. Эффективность комплексной реабилитации по регионам

Обсуждение

Полученные результаты исследования согласуются с данными международных эпидемиологических исследований, согласно данным международных исследований, спастическая форма является наиболее распространённым вариантом детского церебрального паралича. Выявленное преобладание перинатальной гипоксии подтверждает ведущую роль гипоксически-ишемического повреждения головного мозга в формировании двигательных нарушений. Наличие статистически значимой корреляции между показателями GMFCS и шкалой Ашворта свидетельствует о тесной

взаимосвязи между степенью мышечной спастичности и тяжестью функциональных нарушений. Комплексная терапия, включающая ботулинотерапию и нейрореабилитацию, продемонстрировала положительную клиническую динамику у большинства пациентов. Полученные данные подтверждают необходимость раннего начала реабилитационных мероприятий и внедрения мультидисциплинарного подхода в лечении пациентов с ДЦП.

Заключение

Проведённое исследование показало, что детский церебральный паралич в Республике Таджикистан характеризуется клинико-эпидемиологическими особенностями, сопоставимыми с мировыми тенденциями. Наиболее распространённой формой заболевания является спастическая форма, основным фактором риска которой является перинатальная гипоксия. Комплексный междисциплинарный подход, включающий медикаментозную терапию, ботулинотерапию и интенсивную нейрореабилитацию, способствует снижению выраженности спастичности и улучшению двигательной активности пациентов.

Полученные результаты могут служить научной основой для разработки национальных программ ранней диагностики и реабилитации детей с детским церебральным параличом.

Список литературы

1. Rosenbaum P., Paneth N., Leviton A. et al. Definition and classification of cerebral palsy. *Developmental Medicine & Child Neurology*. 2007. Vol. 49. P. 8–14.
2. Oskoui M., Coutinho F., Dykeman J. et al. An update on the prevalence of cerebral palsy: a systematic review. *Developmental Medicine & Child Neurology*. 2013. Vol. 55. P. 509–519.
3. Novak I. Early intervention for children with cerebral palsy. *Pediatrics*. 2017. Vol. 140(6). P. e20171690.
4. Volpe J.J. Brain injury in premature infants: a complex amalgam of destructive and developmental disturbances. *The Lancet Neurology*. 2009. Vol. 8(1). P. 110–124.
5. Odding E., Roebroek M.E., Stam H.J. The epidemiology of cerebral palsy: incidence, impairments and risk factors. *Disability and Rehabilitation*. 2006. Vol. 28(4). P. 183–191.
6. Ахмадеева Л.Р. Аффективные коморбидности при заболеваниях нервно-мышечной системы: кросс-секционное обсервационное исследование в

Республике Башкортостан, Россия. West Kazakhstan Medical Journal. 2021. № 2 (63). С. 82–89.

7. Ахмадеева Л.Р., Магжанов Р.В., Закирова Э.Н. и др. Качество жизни пациентов с первичными цефалгиями, инсультами и миотонической дистрофией. Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2008. Т. 108. № 11. С. 72–75.

8. Ахмадеева Л.Р., Ижбулдина Э.В., Хайруллин А.Т. Нервно-мышечные проявления и осложнения инфекции COVID-19. Медико-фармацевтический журнал «Пuls». 2021. Т. 23. № 7. С. 108–113.

© Обидов Х.Х.

**СЕКЦИЯ
ХИМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 308.25

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПИЩЕВЫХ ПРИВЫЧЕК И УРОВНЯ
ОСВЕДОМЛЕННОСТИ О ПИЩЕВЫХ ДОБАВКАХ
СРЕДИ ПОДРОСТКОВ**

Николаева София Андреевна

Научный руководитель: **Денисова Елена Павловна**

учитель химии

ГБОУ «Гимназия г.о. Макеевка»

Аннотация: В работе представлены результаты исследования пищевых привычек и уровня осведомленности о пищевых добавках среди учащихся 6-11 классов. Обнаружено преобладание продуктов глубокой переработки в рационе учащихся (конфеты, сладкие йогурты, колбасные изделия, соусы), наблюдается низкий уровень осведомленности о значении маркировки «Е». Определено, что выбор продуктов преимущественно определяется вкусом и ценой. Выявлен высокий уровень готовности подростков к изменению пищевых привычек при наличии вкусной и доступной альтернативы, а также ключевая роль семьи в формировании пищевого поведения.

Ключевые слова: пищевые добавки, маркировка «Е», пищевые привычки, продукты глубокой переработки, здоровое питание, подростки, осведомленность, анкетирование, пищевое поведение, просветительская работа.

**A STUDY OF DIETARY HABITS AND AWARENESS
OF DIETARY SUPPLEMENTS AMONG ADOLESCENTS**

Nikolaeva Sofia Andreevna

Scientific adviser: **Denisova Elena Pavlovna**

Abstract: The paper presents the results of a study of dietary habits and awareness of dietary supplements among students in grades 6-11. The predominance of highly processed products in the diet of students (sweets, sweet yoghurts, sausages, sauces) has been found, and there is a low level of awareness about the meaning of the «E» label. It is determined that the choice of products is mainly determined by taste and price. The high level of readiness of adolescents to change their eating

habits in the presence of a tasty and affordable alternative, as well as the key role of the family in shaping eating behavior, has been revealed.

Key words: food additives, labeling «E», eating habits, processed foods, healthy eating, adolescents, awareness, questionnaires, eating behavior, educational work.

В современном мире пищевые привычки человека формируются под влиянием множества факторов: доступности продуктов, их маркетингового продвижения, вкусовых предпочтений и уровня осведомленности о влиянии пищи на здоровье. Особенно уязвимой группой являются подростки, у которых активно формируются модели пищевого поведения, сохраняющиеся нередко на всю жизнь.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, в структуре питания современных школьников наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли продуктов глубокой переработки, содержащих большое количество сахара, соли, насыщенных жиров и пищевых добавок. Во-вторых, недостаточный уровень знаний о значении маркировки «E» и о критериях выбора безопасных продуктов делает подростков уязвимыми перед агрессивным маркетингом производителей. В-третьих, существующее противоречие между осознанием подростками важности здорового питания и их реальными пищевыми предпочтениями требует выявления причин этого разрыва и поиска эффективных путей его преодоления.

Таким образом, исследование пищевых привычек и уровня осведомленности о пищевых добавках среди учащихся является своевременным и востребованным, поскольку его результаты могут стать основой для разработки профилактических и просветительских мероприятий, направленных на формирование ответственного отношения к собственному здоровью.

Объектом исследования являются пищевые привычки учащихся 6-11 классов, рассматриваемые как совокупность регулярно воспроизводимых действий, связанных с выбором, покупкой и потреблением продуктов питания.

Предмет исследования: частота потребления продуктов глубокой переработки; предпочтения и критерии выбора продуктов питания; уровень осведомленности учащихся о пищевых добавках и маркировке «E»; самооценка пищевого поведения и готовность к его изменению.

Целью исследования является выявление особенностей пищевых привычек учащихся, определение уровня их информированности о пищевых добавках, а также выявление факторов, влияющих на выбор продуктов питания, для последующего обоснования необходимости просветительской работы в области здорового питания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать частоту потребления основных групп продуктов, содержащих пищевые добавки и ингредиенты глубокой переработки.
2. Выявить критерии, которыми руководствуются учащиеся при выборе продуктов питания (вкус, цена, состав, польза и др.).
3. Определить уровень осведомленности школьников о значении маркировки «Е» и об опасных пищевых добавках.
4. Провести самооценку учащимися собственного питания и их готовность к изменению пищевых привычек.
5. Установить ключевые факторы, влияющие на выбор продуктов (семья, реклама, личные предпочтения и др.).
6. Сформулировать рекомендации по повышению пищевой грамотности учащихся и их родителей.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что:

- учащиеся имеют устойчивые пищевые привычки, характеризующиеся высокой долей продуктов глубокой переработки;
- уровень осведомленности о пищевых добавках и умение читать этикетки находятся на низком уровне;
- подростки осознают нездоровый характер своего питания и выражают готовность изменить его при наличии вкусной, эстетически привлекательной и доступной альтернативы, а также при условии повышения их компетентности в вопросах безопасности продуктов.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы:

- для разработки и проведения просветительских мероприятий среди учащихся (уроки химии, биологии, классные часы, факультативы, лектории) по вопросам здорового питания и распознавания вредных пищевых добавок;
- для организации тематических родительских собраний с целью повышения компетентности родителей в вопросах формирования «продуктовой корзины» семьи;

- для подготовки методических материалов (памяток, буклетов, презентаций) по правилам чтения этикеток и выбору безопасных продуктов;
- в работе классных руководителей, педагогов-психологов и социальных педагогов при проведении индивидуальных консультаций с подростками, имеющими нарушения пищевого поведения;
- как основа для дальнейших, более масштабных исследований пищевых привычек среди учащихся образовательных учреждений Донецкой Народной Республики;
- использовании выводов и предложений для совершенствования молодежной политики в г.о. Макеевка.

Теоретической основой работы послужили публикации по вопросам использования пищевых добавок и их влияния на жизнь человека, а также роль семьи в этом процессе.

Методы исследования. При проведении исследования применялись общенаучные и специальные методы исследования: опрос (анкетирование), анализ, сравнение, обобщение.

Анкета структурирована по четырем тематическим блокам, что позволило провести системный анализ проблемного поля и выявить не только отдельные трудности, но и их иерархию и взаимосвязи:

Блок 1 – Частота потребления продуктов (вопросы 1-9), в рамках которых предлагаются на выбор 9 групп продуктов (газированные напитки; чипсы, сухарики (в пачках); лапша или пюре быстрого приготовления; сосиски, сардельки, вареная колбаса; йогурты, творожки (сладкие, с долгим сроком хранения); майонез, кетчуп, готовые соусы; мороженое, глазированные сырки; конфеты, шоколадные батончики; фастфуд (бургеры, картошка фри, пицца) и частота их употребления - каждый день, 2-3 раза в неделю, раз в неделю, 1 раз в месяц и реже, никогда.

Блок 2 – Предпочтения и выбор продуктов (вопросы 10-14).

Блок 3 – Знание опасных добавок (вопросы 15-16).

Блок 4 – Самооценка и привычки (вопросы 17-20).

Объем выборки – 30 учащихся 6-11 классов по 5 человек от каждого класса. Из них в опросе принимало участие 11 лиц мужского пола (36,7%) и 19 лиц женского пола (63,3%) (рис. 1). Выборка является пилотажной и отражает специфику локальной группы.

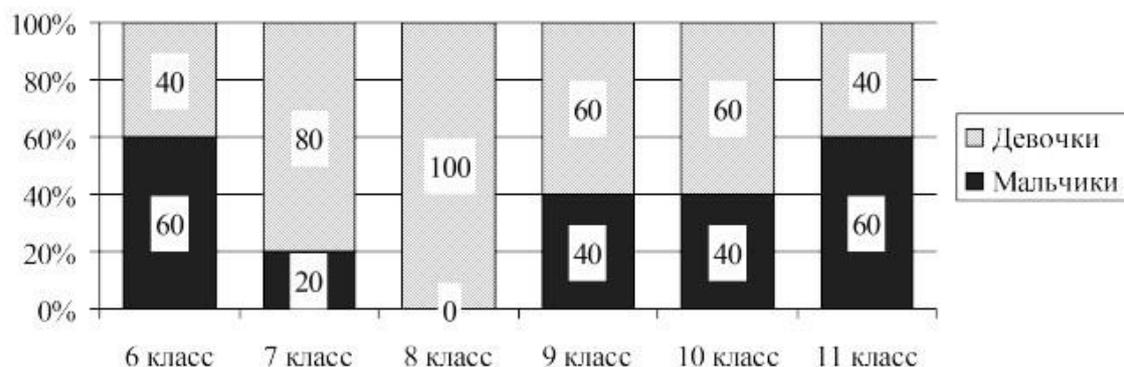

Рис. 1. Структура опрошенных по половому признаку, %

Рассмотрим более подробно.

На вопрос «Как часто ты употребляешь следующие продукты?» ответы обучающихся распределились следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Характеристика частоты потребления продуктов учащимися

Анализ показал, что наибольшую частоту потребления (суммарно «каждый день» и «2-3 раза в неделю») демонстрируют следующие продукты:

1. Конфеты и шоколадные батончики (20 из 30 чел.) – лидер по регулярности употребления. Это свидетельствует о высокой тяге к быстрым углеводам и «сладкому поощрению» среди подростков.

2. Сладкие йогурты и творожки с долгим сроком хранения (20 из 30 чел.) – воспринимаются учащимися как «полезный» перекус, хотя наличие длительного срока хранения указывает на высокое содержание консервантов и сахара.

3. Сосиски, сардельки, вареная колбаса (17 из 30 чел.) – являются основой для быстрых завтраков или бутербродов, что указывает на высокую долю переработанного мяса в рационе.

4. Майонез и соусы (13 из 30 чел.) – показывают привычку улучшать вкус блюд с помощью готовых соусов, которые часто содержат усилители вкуса, жиры и консерванты.

Анализ показывает «скрытую угрозу», заключающуюся в продуктах, которые родители и дети считают условно полезными (йогурты, колбаса). Учащиеся редко употребляют фастфуд и лапшу быстрого приготовления, но делают это систематически («раз в месяц и реже»). Это говорит о том, что вредная пища присутствует в рационе не эпизодически, а как часть привычного меню.

Рис. 3-11 дают представление о предпочтениях и особенностях выбора продуктов.

На вопрос «Что для тебя важнее всего при выборе еды? (Выбери НЕ БОЛЕЕ двух вариантов)» приоритетом для учащихся является вкус – 20 человек (две трети от общего количества). Составом интересуется чуть больше трети участников анкетирования (12 человек, или 40%). На третьем месте выбора - фактор цены (8 человек, или 26,7%).

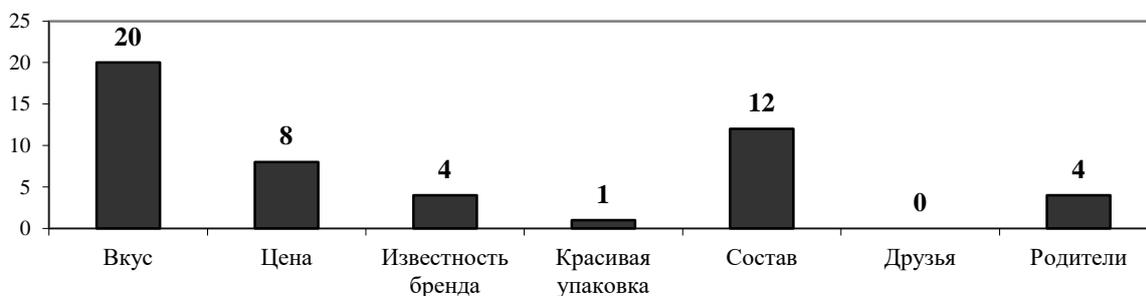

Рис. 3. Характеристика ответов респондентов на вопрос «Что для тебя важнее всего при выборе еды? (Выбери НЕ БОЛЕЕ двух вариантов)»

В целом можно сделать вывод, что мотивация к здоровому питанию среди подростков низкая. Пока продукт вкусный и доступный по цене, подросток готов игнорировать его качество и состав.

Рис. 4 и рис. 5 дают представление о внимании к составу и знании маркировки «Е» среди учащихся.

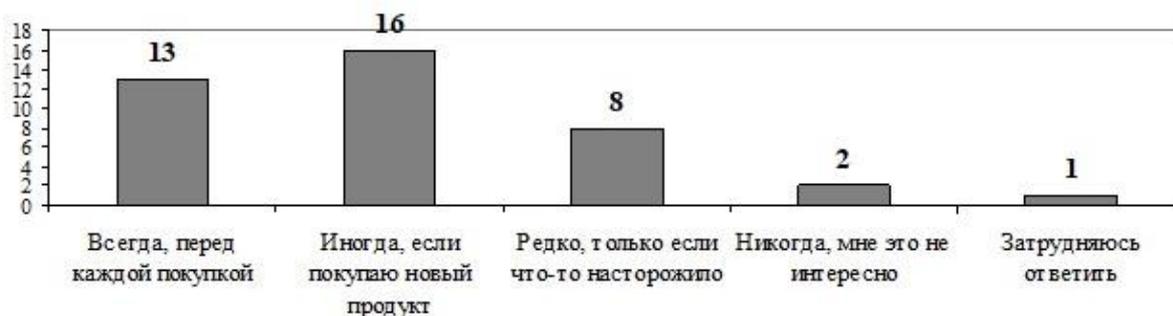

Рис. 4. Визуализация ответов респондентов на вопрос «Как часто ты обращаешь внимание на состав продукта (мелкий текст на упаковке)?»

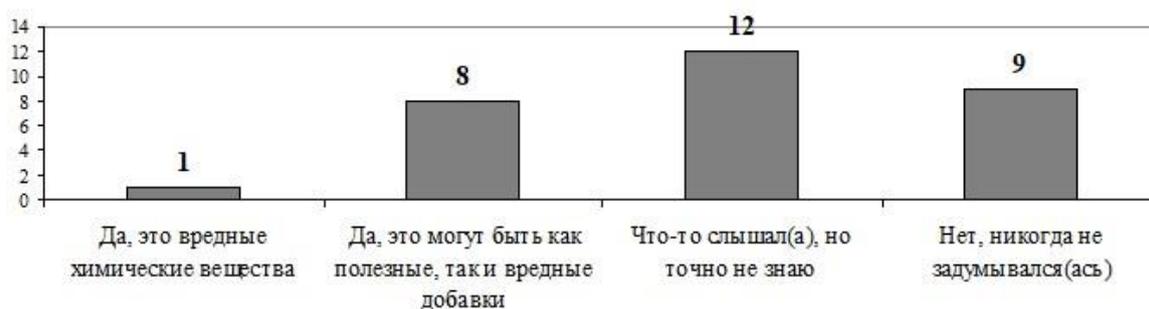

Рис. 5. Графическое представление ответов респондентов на вопрос «Знаешь ли ты, что означают буквы «Е» с цифрами на этикетках (например, E330, E621)?»

Треть опрошенных никогда или редко читают состав. Две трети подростков точно не знают и не задумывались, что означают индексы «Е».

Это позволяет сделать вывод, что наблюдается низкая осведомленность о пищевых добавках. Учащиеся являются уязвимой группой для маркетинговых уловок, так как не умеют идентифицировать вредные компоненты по этикетке.

На вопрос «Как ты думаешь, какой цвет у качественной вареной колбасы?» две трети респондентов (21 чел.) ответили правильно – бледно-серовато-розовый (натуральный цвет мяса) (рис. 6).

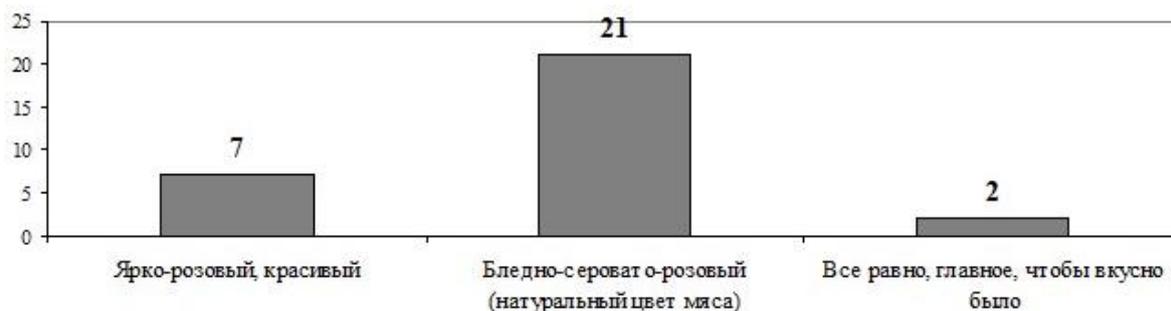

Рис. 6. Графическое отображение ответов учащихся на вопрос «Как ты думаешь, какой цвет у качественной вареной колбасы?»

Вместе с тем треть участников (9 человек) считают, что качественная вареная колбаса должна быть розовой или ярко-розовой. Это говорит о том, что учащиеся попадают в ловушку «эстетичного» вида продукта, не знают, что естественное мясо после термообработки имеет сероватый или серо-розовый оттенок, а ярко-розовый цвет достигается за счет нитрита натрия (E250) и красителей.

На рис. 7 отражены ответы на вопрос «Если в магазине лежат два одинаковых йогурта: один стоит 50 рублей и хранится 15 дней, а второй – 30 рублей, но хранится 6 месяцев. Какой ты выберешь?».

Данные рис. 7 показывают, что 60% респондентов выберут йогурт с малым сроком хранения. Но 40% опрошенных выбрали более дешевый продукт, или показали безразличие к продукту («куплю оба, чтобы попробовать»), или безразличие к выбору в целом («все равно»).

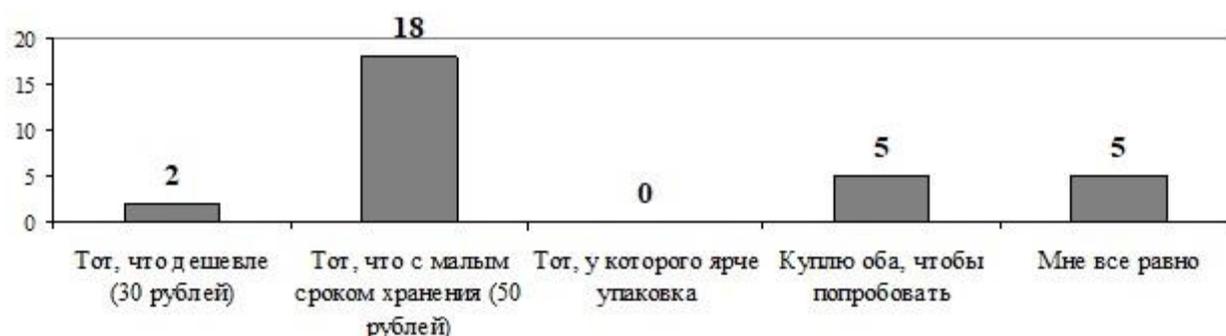

Рис. 7. Визуализация ответов опрошенных на вопрос «Если в магазине лежат два одинаковых йогурта: один стоит 50 рублей и хранится 15 дней, а второй – 30 рублей, но хранится 6 месяцев. Какой ты выберешь?»

Можно сделать вывод, что часть учащихся выбирает дешевый, но долгохранящийся продукт, не понимая, что 6 месяцев хранения – признак большого количества консервантов, часть – дорогой с малым сроком хранения. Ценовой фактор часто перевешивает здравый смысл, даже когда речь идет о детском питании.

На вопрос «Отметь галочкой те продукты, которые, на твой взгляд, содержат больше всего «химии» (вредных добавок) 24 респондента верно указали такие продукты, как газировка, чипсы, жевательная резинка, лапша быстрого приготовления.

Однако, на вопрос «Слышал(а) ли ты о таких веществах? Если да, то где?» приблизительно половина опрошенных не слышали и не знают о предлагаемых к рассмотрению пищевых добавках (рис. 8).

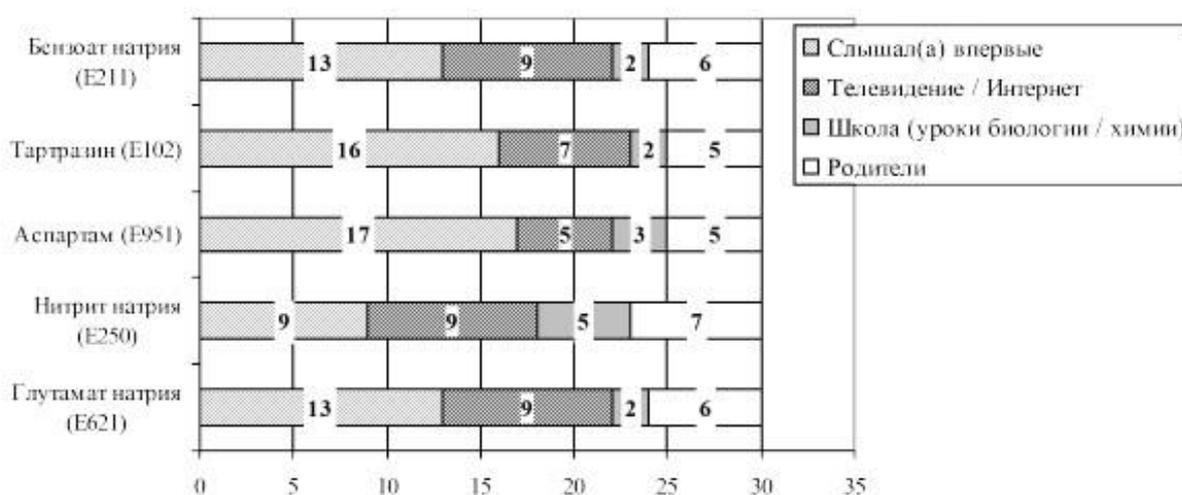

Рис. 8. Наглядное представление на вопрос «Слышал(а) ли ты о таких веществах? Если да, то где?»

Рис. 9 и рис. 10 показывают готовность опрошенных к изменениям.

Треть учащихся признают, что не придерживаются здорового питания и почти две трети считают его «здоровым лишь отчасти»).

При этом более 90% ответили, что выбрали бы красиво оформленное натуральное блюдо вместо чипсов и газировки.

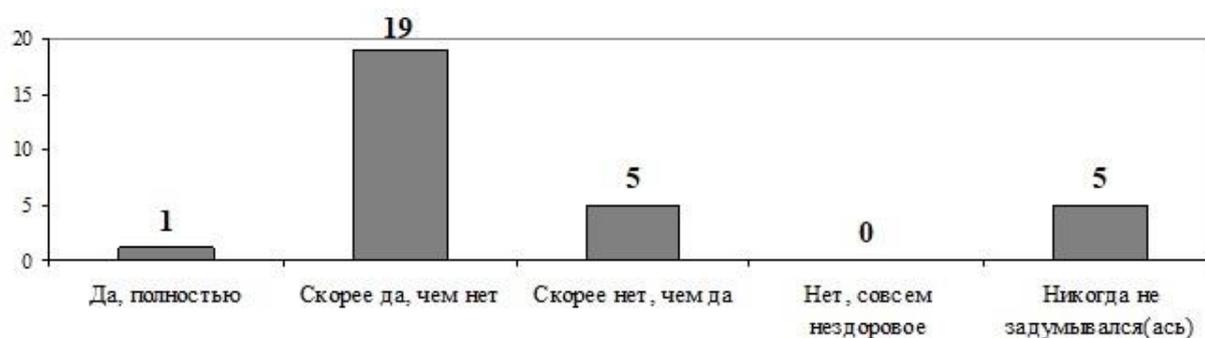

Рис. 9. Ответы на вопрос «Считаешь ли ты свое питание здоровым?»

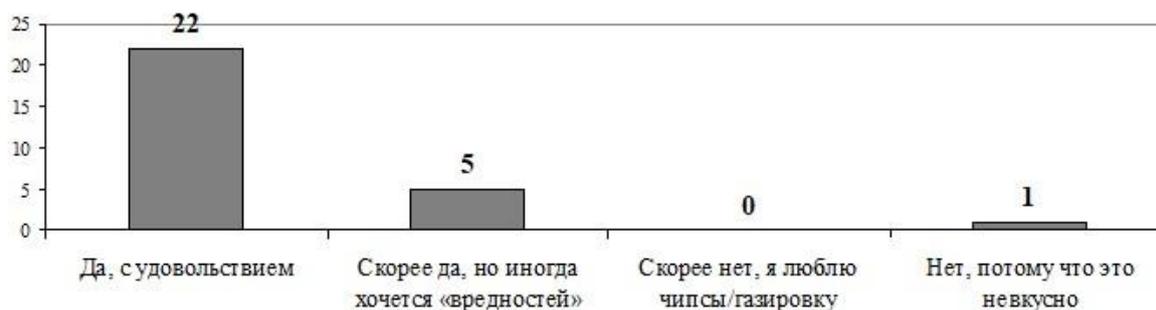

Рис. 10. Графическое отображение ответов на вопрос «Если бы тебе предложили на обед вместо чипсов и газировки вкусное и красиво оформленное блюдо из натуральных продуктов (овощи, мясо, фрукты), ты бы выбрал(а) его?»

Можно сделать вывод, что существует так называемый «разрыв между намерением и действием». Подростки осознают вредность текущего рациона и хотели бы питаться лучше, но им не хватает знаний, навыков приготовления или доступной альтернативы. Запрос на здоровую, но при этом аппетитно выглядящую еду крайне высок.

На вопрос «Что (или кто), по-твоему, больше всего влияет на твой выбор еды?» учащиеся сами формулировали ответы, которые можно систематизировать и представить следующим образом (рис. 11).

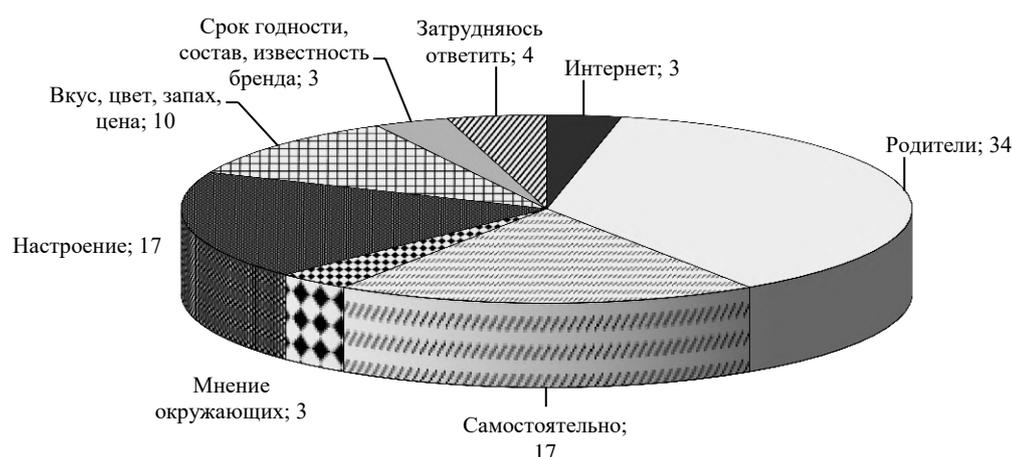

Рис. 11. Структура ответов на вопрос «Что (или кто), по-твоему, больше всего влияет на твой выбор еды?»

Ключевым фактором выбора еды является семья (родители) (34%), на втором месте (17%) – собственные предпочтения и реклама.

Можно сказать, что работа по формированию пищевых привычек должна вестись не только среди детей, но и среди родителей, так как именно они формируют «продуктовую корзину» дома и транслируют пищевые стереотипы.

Ответы на вопрос «Хотел(а) бы ты узнать больше о том, какие добавки в продуктах действительно опасны, а какие нет?» мнения разделились пополам: 50% учащихся показали заинтересованность в изучении данного вопроса, еще 50% выявили безразличие (ответы «мне все равно» и «нет, не хочу портить аппетит») (рис. 12).

Тем не менее, можно сделать вывод, что учащиеся испытывают информационный голод. Проект имеет высокую практическую значимость, так как отвечает на актуальный запрос аудитории.

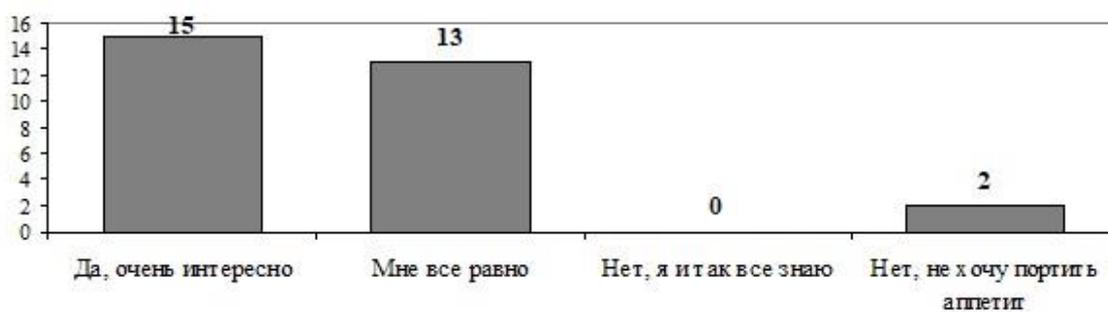

Рис. 12. Наглядное отображение ответов на вопрос «Хотел(а) бы ты узнать больше о том, какие добавки в продуктах действительно опасны, а какие нет?»

Подводя итог, можно сформулировать общие выводы.

1. Распространенность вредных привычек, о чем свидетельствует преобладание продуктов глубокой переработки с длительным сроком хранения в рационе учащихся. Регулярное потребление этих продуктов формирует риск развития заболеваний ЖКТ, ожирения и эндокринных нарушений в долгосрочной перспективе.

2. Ключевой проблемой является отсутствие у школьников (и, вероятно, их семей) навыков «пищевой безопасности». Учащиеся не ориентируются в индексах пищевых добавок (Е), доверяют внешнему виду продукта вместо состава.

3. Мотив выбора продуктов базируется на вкусовых предпочтениях (вкусно) и экономических причинах (дешево). Здоровье как ценность при выборе еды не является приоритетом для данной возрастной группы.

4. Исследование выявило высокий уровень готовности к изменениям: учащиеся хотят питаться лучше (90% выбрали бы натуральное блюдо); знать больше о добавках (85%); родители остаются авторитетом, что делает возможным внедрение коррекционных программ через институт семьи.

Таким образом, результаты диктуют необходимость разработки просветительской программы (семинары, классные часы, родительские собрания), направленной на обучение простым правилам выбора продуктов (чтение этикеток, определение безопасных и опасных добавок, формирование «здоровой тарелки») с учетом эстетических предпочтений подростков (красивая подача, вкусная альтернатива).

Список литературы

1. Степанова А.М., Плутницкий А.Н., Гамеева Е.В. Обзор пищевых добавок: регулирование, тенденции рынка, использование и влияние на здоровье. *ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология.* 2024; 17 (3): 396–408. <https://doi.org/10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2024.270>.

© Николаева С.А., 2026

**СЕКЦИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
НАУКИ**

БИОСТИМУЛЯЦИЯ ОВОЩНЫХ КУЛЬТУР ЗАЩИЩЕННОГО ГРУНТА ФОТОТРОФАМИ

Батаева Анна Дмитриевна

студент

Научный руководитель: **Батаева Юлия Викторовна**

д.б.н., профессор

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»

Аннотация: В работе исследовано влияние зеленых микроводорослей рода *Scenedesmus* и цианобактерий р. *Anabaena* на культуру огурца в закрытом грунте. Установлено, что исследуемые водоросли и цианобактерии оказывают стимулирующее действие на ростовые процессы растений в теплицах. Выявленные свойства позволяют рекомендовать эти микроорганизмы для разработки новых безопасных биопрепаратов, повышающих продуктивность сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: микроводоросли, цианобактерии, фитостимуляция, огурцы, закрытый грунт.

BIOSTIMULATION OF VEGETABLE CROPS IN PROTECTED SOIL BY PHOTOTROPHS

Bataeva Anna Dmitrievna

Scientific adviser: **Bataeva Yulia Viktorovna**

Abstract: The effect of green microalgae of the genus *Scenedesmus* and cyanobacteria of the genus *Anabaena* on cucumber culture in the closed ground was investigated. It has been established that the studied algae and cyanobacteria have a stimulating effect on plant growth processes in greenhouses. The revealed properties make it possible to recommend these microorganisms for the development of new safe biological products that increase crop productivity.

Key words: microalgae, cyanobacteria, phytostimulation, cucumbers, indoor soil.

Введение

Применение пестицидов в сельском хозяйстве приводит к деградации почвенных экосистем и ухудшению качества продукции, что диктует необходимость перехода к экологически безопасным биопрепаратам. Перспективной альтернативой могут стать микроводоросли и цианобактерии — неотъемлемые обитатели почв, активно влияющие на их структуру и состав [1, с. 3]. Взаимодействуя с другими микроорганизмами и растениями, эти фототрофные микроорганизмы выделяют фитогормоны, фиксируют азот и синтезируют биологически активные вещества, повышая тем самым плодородие и защитные функции агроценозов [2, с. 1; 3, с. 1; 4, с. 3; 5, с. 2].

Целью исследования являлась оценка фитостимулирующих свойств зеленых водорослей и цианобактерий на растениях огурца в условиях тепличного грунта.

Объекты и методы исследования

Эксперимент по оценке воздействия цианобактерий рода *Anabaena* sp. и микроводорослей *Scenedesmus* sp. на рост и всхожесть огурцов (*Cucumis sativus*) проводился на базе филиала ФГБУ «Россельхозцентр». Объектом исследования выступил гибрид огурца сорта Форвард — партенокарпический, устойчивый к болезням, со сроком созревания 60–65 суток. Культура возделывалась с марта по август. Регистрацию показателей температуры и влажности осуществляли с помощью гигрометра психрометрического ВИТ-2.

Эксперимент был заложен в двукратной повторности с шестикратным проведением обработок. Учетная площадь включала по 16 растений в каждом варианте. Схема опыта предусматривала четыре варианта: контроль- (вода), контроль+ (Фитоспорин-М, *B. subtilis*), обработку суспензией зеленых водорослей *Scenedesmus* (10 мл/раст.) и обработку суспензией цианобактерий *Anabaena* (10 мл/раст.).

В эксперименте применяли комбинированный способ обработки: первые три раза суспензию вносили под корень, затем трижды переходили к опрыскиванию растений. Объем каждой обработки составлял 10 мл на растение. Сроки внесения были строго привязаны к фенологическим фазам: первый полив проводили на следующий день после высадки рассады (стадия 2–3 листьев), второй — через 8 дней в фазе активного роста, третий — еще через 8 дней в период цветения. Далее, с интервалом в 14 дней, выполняли опрыскивание в фазы образования завязей, активного плодоношения и, наконец, в период сбора урожая.

Учет таких показателей, как высота растений, количество листьев, число цветков и бутонов, проводили в фазу цветения и бутонизации. Цианобактерии рода *Anabaena* выращивали на среде BG-11. Сухая биомасса цианобактерий, использованная в опыте, составила 4,6 г/л. Зеленые водоросли рода *Scenedesmus* культивировали на среде Прата [9]. Концентрацию клеток определяли методом прямого подсчета в камере Горяева, а также спектрофотометрически (длина волны 560 нм). Плотность суспензии составила $2,75 \times 10^6$ кл/мл, оптическая плотность — 0,422. Фитоспорин-М разводили водопроводной водой строго по инструкции производителя.

Тепличный грунт под огурцы, предшественником которых были томаты, предварительно обработали раствором медного купороса. Рассадку выращивали в кассетах при +25°C на светоустановке до появления 2–3 настоящих листьев, после чего высаживали на постоянное место. Густота стояния составила 2–3 растения/м² с шириной междурядий 65–70 см, температура почвы при этом была +16–17°C. Уход за посадками включал регулярный капельный полив водой, подогретой до 26°C (4,5–5 литров на куст). Урожай собирали в период с 1 июня по 31 августа, всего было проведено 13 сборов.

Массу созревших плодов суммировали для определения урожайности в каждом варианте. Статистический анализ результатов выполняли в среде Microsoft Excel.

Результаты

Анализ морфометрических данных показал неоднозначное влияние обработок. Максимальные значения высоты растений (173,3 см) и количества листьев (23,3 шт.) зафиксированы в отрицательном контроле (полив водой). При этом наименьшая высота отмечена в варианте с микроводорослями *Scenedesmus* — 154,2 см. Однако по числу бутонов на третьем учете лидировала обработка этими же зелеными водорослями, где показатель достиг 13,3 шт.

Таблица 1

Морфометрические показатели растений

Варианты опыта	Высота растения (см)	Количество листьев (шт.)	Количество бутонов (шт.)
Контроль- (водопроводная вода)	173,3±0,1	23,3±5,7	7,4±2,1
Контроль+ (фитоспорин-М)	171,2±0,1	20,4±4,3	12,1±2,6
<i>Anabaena</i>	167,1±0,1	19,9±6,9	11,8±3,9
<i>Scenedesmus</i>	154,2±0,1	18,3±6,2	13,3±4,8

Максимальные показатели высоты растений и количества листьев, зафиксированные в отрицательном контроле, не привели к росту урожайности: напротив, в этом варианте опыта она была минимальной. Наибольшая продуктивность огурцов отмечена при обработке цианобактериями — 47,2 кг, что существенно превышает показатели как отрицательного (16,5 кг), так и положительного (31,1 кг) контроля (рис. 1).

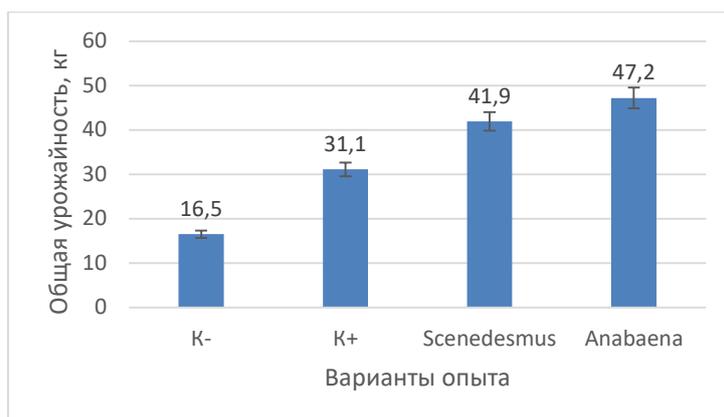

Рис. 1. Урожайность растений огурца

Полученные данные свидетельствуют, что обработка цианобактериями *Anabaena* и зелеными водорослями *Scenedesmus* стимулирует бутанообразование, цветение и созревание плодов огурца в теплице. Предположительно, данный эффект обусловлен продукцией фитогормонов этими микроорганизмами, что согласуется с известными данными об их положительном влиянии на рост и урожайность сельхозкультур [6, с. 5]. Кроме того, цианобактерии проявляют антагонистическую активность в отношении фитопатогенных микромицетов, включая возбудителей фузариоза. Особо значима роль азотфиксирующих цианобактерий в повышении плодородия почв, что хорошо изучено на примере рисовых полей тропической зоны [7, с. 5]. Выступая доминирующим компонентом микробиоты, цианобактерии обеспечивают растения углеродом и азотом, участвуют в трансформации фосфорных соединений, синтезируют фитогормоны и полисахариды, тем самым способствуя росту культур и улучшению почвенного плодородия [6, с. 8].

В ходе работы установлено, что исследуемые водоросли и цианобактерии оказывают стимулирующее действие на ростовые процессы растений в теплицах. Выявленные свойства позволяют рекомендовать эти микроорганизмы для разработки новых биопрепаратов, повышающих продуктивность сельскохозяйственных культур.

Список литературы

1. Батаева Ю.В., Григорян Л.Н. Экологические особенности и адаптационные возможности цианобактерий пустынных экосистем (обзор) // Почвоведение. 2024. № 3. С. 451-469. DOI 10.31857/S0032180X24030069
2. Ramakrishnan B., Maddela N.R., Venkateswarluc K., Megharaj M. Potential of microalgae and cyanobacteria to improve soil health and agricultural productivity: a critical view Environ. Sci.: Adv. 2023. № 2. P. 586-611.
3. Батаева Ю.В., Григорян Л.Н. Оценка фитостимулирующих свойств цианобактерий *Anabaena constricta* IPPAS B-2020 в микроделяночном опыте // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № S2(63). С. 139-142.
4. Батаева Ю.В., Магзанова Д.К., Григорян Л.Н. Возделывание хлопчатника с применением цианобактерий для биологизации агросистем // Экологические системы и приборы. 2022. № 11. С. 18-25. DOI 10.25791/esip.11.2022.1331.
5. Батаева Ю.В., Григорян Л.Н., Яковлева Л.В. [и др.] Особенности развития томатов при инокуляции циано-бактериальными сообществами / // АгроЭкоИнфо. 2020. № 2(40). С. 15.
6. Bataeva Yu.V., Sinetova M.A., Kurashov E.A., Krylova J.V., Kolombet L.V., Grigoryan L.N. Characterization of biological activity and evaluation of exogenous metabolites of cyanobacteria '*Anabaena*' sp. IPPAS B-2020 // Microbiology. 2024. Vol. 93. № 5. P. 537-550. DOI 10.1134/S0026261724604871.
7. Elhafiz A., Gaur A.E., Osman N.H., Lakshmi T.R. *Chlorella vulgaris* and *Chlorella pyrenoidosa* live cells appear to be promising sustainable biofertilizer to grow rice, lettuce, cucumber and eggplant in the UAE soils // Rec. Res. Sci. Technol. 2015. № 7. P. 14–21.

© Батаева А.Д.

КОРМОВЫЕ АДСОРБЕНТЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ПРОДУКТИВНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В БРОЙЛЕРНОМ ПТИЦЕВОДСТВЕ

Кухарев Вячеслав Олегович

магистрант

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
аграрный университет»

Аннотация: в работе изучена эффективность включения адсорбирующих кормовых добавок в рационы цыплят-бройлеров кросса «Росс-308». Эксперимент проведён на трёх группах птицы (n=50): контрольная группа получала основной рацион, опытные - рацион с адсорбентами. Установлено, что применение добавок достоверно повышает живую массу (на 5-10%), сохранность поголовья (на 2-8 п.п.) и убойный выход (на 1-1,2%) относительно контроля. Экономический анализ показал снижение расхода корма на 1 кг прироста до 10% и рост рентабельности на 5-11% в опытных группах. Полученные данные подтверждают целесообразность использования адсорбентов в условиях риска контаминации кормов микотоксинами.

Ключевые слова: цыплята-бройлеры, адсорбирующие кормовые добавки, живая масса, сохранность поголовья, мясная продуктивность, конверсия корма, экономическая эффективность.

FEED ADSORBENTS AS A FACTOR FOR INCREASING PRODUCTIVITY AND ECONOMIC EFFICIENCY IN BROILER POULTRY FARMING

Kukharev Vyacheslav Olegovich

Abstract: The study examines the effectiveness of incorporating adsorbing feed additives into the diets of Ross-308 broiler chickens. The experiment was conducted on three groups of birds (n=50): the control group received the basic diet, while the experimental groups were fed the diet supplemented with adsorbents. It was found that the use of additives significantly increases live weight (by 5-10%), flock survival rate (by 2-8 percentage points), and dressing percentage (by 1-1.2%) compared to the control. Economic analysis revealed a reduction in feed consumption

per 1 kg of weight gain by up to 10% and an increase in profitability by 5-11% in the experimental groups. The obtained data confirm the feasibility of using adsorbents under conditions of risk of feed contamination with mycotoxins.

Key words: broiler chickens, adsorbing feed additives, live weight, flock survival rate, meat productivity, feed conversion, economic efficiency, dressing percentage, feed consumption per weight gain, production profitability.

Из-за нестабильности рынка кормов они часто содержат отклонения по питательным веществам, микроэлементам, витаминам и микотоксинам, что снижает иммунитет и увеличивает риск инфекций. В условиях быстрого роста птицы необходимы биологически активные добавки для поддержания генетического потенциала. Одними из таких добавок являются сорбенты, которые нужно тщательно изучать, определять их дозировку и влияние на физиологию, продуктивность и резистентность птицы [1, с. 174; 2, с. 88; 3, с. 50].

Целью исследования являлось проведение сравнительной оценки продуктивности цыплят-бройлеров при включении в состав комбикорма адсорбирующих кормовых добавок «Микосорб» и «Элитокс».

В задачу исследования входило:

- изучить энергию роста, развитие и сохранность цыплят-бройлеров при использовании в рационе адсорбирующих кормовых добавок;
- изучить влияние адсорбирующих кормовых добавок на мясную продуктивность и качество мяса подопытных цыплят-бройлеров;
- дать экономическую оценку выращивания цыплят-бройлеров с использованием адсорбирующих кормовых добавок.

Для проведения экспериментов из суточных цыплят-бройлеров кросса «Росс-308» сформировали три группы (50 голов в каждой). Цыплята I (контрольная) группы получали основной рацион. Птице II (опытной) группы на фоне основного рациона вводили препарат Микосорб в дозе 100 г на 100 кг комбикорма, цыплятам III (опытной) группы препарат Элитокс в дозе 130 г на 100 кг комбикорма (табл. 1).

Таблица 1

Схема опыта

Группа	Количество голов	Особенности кормления
I (контрольная)	50	Основной рацион кормления (ОР): полнорационный комбикорм ПК-5, ПК-6.

Продолжение таблицы 1

II (опытная)	50	OP + Микосорб (100 г на 100 кг комбикорма)
III (опытная)	50	OP + Элитокс (130 г на 100 кг комбикорма)

Элитокс представляет собой набор фитодобавок, витамина С, оксидо-редуктазы, Микосорб – глюко-маннановый комплекс на основе дрожжевой стенки.

В ходе эксперимента были изучены изменения живой массы цыплят-бройлеров при использовании в рационе адсорбирующих кормовых добавок Элитокс и Микосорб (табл. 2).

Таблица 2

Живая масса цыплят-бройлеров и сохранность поголовья за период выращивания ($X \pm S_x$, n=50)

Возраст, сут.	Группа		
	I	II	III
1	36,39±0,21	36,89±0,11	36,48±0,24
7	122,48±0,83	138,79±2,57***	135,56±1,95***
14	402,33±4,03	439,57±3,38***	431,25±4,47***
21	797,78±5,35	833,76±3,59***	847,17±3,53*
28	1 265,13±13,52	1 288,10±11,62	1 363,69±8,05***
35	1 809,01±20,77	1 819,57±20,15	1 972,10±11,27***
42	2 154,30±14,31	2 127,32±19,05	2 341,74±23,12***
Абсолютный прирост, г	2 117,90±14,36	2 089,45±19,02	2 304,26±23,15***
Сохранность поголовья, %	90,0	92,0	98,0

Здесь и далее : * - $P < 0,05$; ** - $P < 0,01$; *** - $P < 0,001$

Анализ данных показывает следующую динамику живой массы относительно I группы (контрольной). На 7-е сутки II группа превосходит контроль на 12,9%, а III группа - на 10,0%. К 14-м суткам разрыв сохраняется: II группа лидирует с преимуществом в 8,8%, III группа - в 6,6%. На 21-й день картина меняется: III группа выходит вперёд с приростом 5,7% против 4,1% у II группы. К 28-м суткам разница между группами становится более выраженной: II группа сохраняет небольшое преимущество в 1,4%, тогда как III группа значительно опережает контроль - на 7,2%. На 35-й день эффективность «Микосорба» (II группа) резко снижается: её показатели лишь на 0,1% выше контрольных, в то время как III группа с «Элитоксом» демонстрирует существенный отрыв - 8,3%. К финальному этапу (42-е сутки)

наблюдается отчётливая тенденция: II группа уступает контрольной на 1,6%, что указывает на недостаточную эффективность дозы «Микосорба» 100 г/100 кг на поздних стадиях выращивания. В то же время III группа с «Элитоксом» сохраняет устойчивое лидерство, превосходя контроль на 8,0%.

В показателях сохранности поголовья также прослеживается чёткая закономерность: II группа демонстрирует улучшение на 2,0% относительно контроля, а III группа достигает максимального результата с превосходством в 8,0%.

Таким образом, «Элитокс» в дозировке 130 г/100 кг комбикорма демонстрирует более высокую эффективность по сравнению с «Микосорбом» (100 г/100 кг) при выращивании цыплят-бройлеров: он обеспечивает устойчивый рост живой массы и лучшую сохранность поголовья на протяжении всего периода выращивания.

Изменение живой массы цыплят-бройлеров всех групп за период выращивания птицы обусловлено различием в среднесуточном приросте, данные которого представлены в таблице 3.

Таблица 3

Изменения среднесуточного прироста живой массы цыплят-бройлеров за период выращивания ($X \pm S_x$, n=50)

Период, сут.	Группа		
	I	II	III
1-7	14,25	16,80	16,30
7-14	39,70	42,50	41,70
14-21	56,10	55,70	58,80
21-28	66,30	64,20	72,70
28-35	77,30	75,10	85,80
35-42	48,84	43,48	52,14
1-42	51,30	50,43	55,51

На ранних этапах (1-14 сут.) II группа («Микосорб») превосходила контроль на 15-17%, III группа («Элитокс») - на 10-15%. В период 14-28 сут. III группа лидировала с преимуществом 5-10% над контролем, тогда как II группа держалась на уровне контрольной или незначительно её превосходила. На пике (28-35 сут.) III группа опережала контроль на 11% и II группу на 14%, а II группа отставала от контроля на 3%. К финалу (35-42 сут.) II группа уступала контролю на 11%, тогда как III группа

превышала его на 7% и превосходила II группу на 20%. За весь период (1-42 сут.) средний прирост в III группе оказался на 8,2% выше контроля и на 10,1% выше II группы, а во II группе - на 1,7% ниже контроля. Таким образом, «Элитокс» (130 г/100 кг) показал устойчивую эффективность на всех этапах, а эффект от «Микосорба» (100 г/100 кг) к концу эксперимента сошёл на нет.

В проведенных нами исследованиях включение Микосорб и Элитокс в основной рацион кормления показало различные результаты мясной продуктивности (табл. 4).

Таблица 4

Результаты контрольного убоя птицы ($X \pm S_x$, n=5)

Показатель	Группа		
	I	II	III
Предубойная живая масса, г	2 139,33±14,34	2 104,17±19,01	2 311,75±23,16
Масса потрошеной тушки, г	1 748,04	1 730,63	1 916,44
Убойный выход, %	81,7	82,2	82,9

Предубойная живая масса в III группе была на 8,1% выше показателя контрольной группы. Во II группе наблюдается снижение на 1,6% относительно контроля. Масса потрошёной тушки в III группе была на 9,6% выше контроля, тогда как во II группе показатель оказался на 1,0% ниже. Убойный выход также демонстрирует различия: в III группе он был на 1,2% выше контроля, а во II группе – на 0,5%.

«Элитокс» заметно эффективнее «Микосорба» в повышении мясной продуктивности бройлеров за счёт комплексного механизма действия. В его составе - ферменты, которые необратимо инактивируют неполярные микотоксины (Т-2 токсин, дезоксиниваленол и др.) уже в ротовой полости, а гидратированные натрий-кальций алюмосиликаты обеспечивают высокую сорбционную ёмкость (99,9% адсорбции афлатоксина В₁, 91% - Т-2 токсина). Дополнительно витамин С снижает окислительный стресс, биополимер улучшает переваримость питательных веществ, а растительные экстракты поддерживают функцию печени. Это снижает токсическую нагрузку, улучшает усвоение нутриентов и стимулирует рост мышечной ткани.

«Микосорб», напротив, работает только как минеральный адсорбент и эффективен преимущественно против полярных микотоксинов (например, афлатоксинов). В нём нет ферментов, антиоксидантов и пребиотиков – из-за этого адсорбент быстро насыщается, токсины частично сохраняются,

а организм тратит ресурсы на борьбу с интоксикацией вместо прироста продуктивности. Таким образом, «Элитокс» оптимизирует метаболизм и существенно повышает продуктивность, тогда как «Микосорб» обеспечивает лишь базовую детоксикацию и не даёт значимого прироста показателей в промышленных условиях.

В зависимости от абсолютного прироста, выхода мясопродуктов рассчитывали доход от реализации дополнительной продукции, учитывали дополнительные затраты, связанные с препаратами Микосорб и Элитокс. Экономические показатели представлены в таблице 5.

Таблица 5

Показатели экономической эффективности

Показатель	Группа		
	I	II	III
Поставлено на выращивание, гол.	50	50	50
Поголовье в убойном возрасте, гол.	45	46	49
Масса потрошеной тушки, г	1 748,04	1 730,63	1 916,44
Расход кормов всего, кг	165,33	169,12	175,10
руб.	9093,15	9301,6	9630,5
Расход корма на 1 кг прироста живой массы, кг	1,73	1,76	1,55
Средняя реализационная цена 1 кг тушки, руб.	280		
Получено от реализации, руб.	26672,8	26905,2	31609,2
Общая себестоимость, руб.	18990,2	19964,4	20896,0
Прибыль, руб.	7682,6	6940,8	10713,2
Уровень рентабельности, %	40,4	34,7	51,2

Анализ таблицы показателей эффективности выращивания птицы демонстрирует чёткие различия между группами.

Общие затраты кормов и их стоимость постепенно возрастают от I к III группе. Однако ключевой показатель - расход корма на 1 кг прироста живой массы - показывает иную картину. В III группе он был на 10,4% лучше контроля, а во II группе, напротив, ухудшился на 1,7%. Это означает, что птица в III группе эффективнее использует корм для прироста массы, несмотря на больший общий расход, тогда как во II группе конверсия корма стала хуже. Финансовые результаты подтверждают эту тенденцию. При неизменной одинаковой цене реализации выручка в III группе была на 18,6% выше, чем в

I группе и на 17,5% выше, чем во II группе. Себестоимость продукции тоже выросла, но менее значительно: в III группе она была выше на 10,0 % по сравнению с контролем, во II группе – на 5,1%.

Итоговая прибыль и рентабельность наиболее высоки в III группе: прибыль была на 39,4% выше контроля, а рентабельность - на 10,8%. Во II группе, напротив, прибыль снизилась на 9,6%, а рентабельность упала до на 5,7% к контролю. Это свидетельствует о том, что применяемые во II группе меры не только не улучшили экономические показатели, но и привели к их ухудшению относительно контроля.

На основании полученных результатов и сделанных выводов мы рекомендуем птицефабрикам мясного направления продуктивности и фермерским хозяйствам использовать в рационах цыплят-бройлеров адсорбирующую кормовую добавку Элитокс в дозе 130 г на 100 кг комбикорма, это позволит повысить рост и сохранность поголовья, сократить затраты корма на единицу прироста живой массы.

Список литературы

1. Ветеринарно-санитарная экспертиза мяса цыплят-бройлеров при использовании в кормах четырехкомпонентного сорбента на фоне микотоксикоза / Н.Н. Мишина, Э.И. Семенов, А.В. Маланьев и др. // Российский журнал Проблемы ветеринарной санитарии, гигиены и экологии. 2023. № 2 (46). С. 174-179.
2. Влияние кормовой добавки с пробиотиком и комплексом глицинатов на качество мяса цыплят-бройлеров / Р.А. Тузиков, С.В. Лебедев, Е.В. Шейда, М.С. Аринжанова // Аграрный научный журнал. 2024. № 2. С. 88-94.
3. Влияние минеральной кормовой добавки на продуктивные качества цыплят-бройлеров / Н.В. Калинина, С.В. Абрамов, А.В. Балышев и др. // Аграрно-пищевые инновации. 2024. № 3 (27). С. 50-60.

© Кухарев В.О.

СЕКЦИЯ НАУКИ О ЗЕМЛЕ

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ КОТЕЛЬНИКОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО
РАЙОНА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Акутнева Елена Владимировна

к.с.-х.н.

Гриднева Светлана Вячеславовна

магистрант

ФГБОУ ВО «Волгоградский ГАУ»

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме пространственного развития сельских территорий в современных социально-экономических условиях. В работе исследованы процессы и факторы, определяющие формирование и трансформацию территорий сельских поселений. Определена важность землеустройства как основы, характеризующей состояние и организацию использования земель, направленной на оптимизацию структуры муниципальных образований, формирование их земельно-пространственных каркасов, обеспечивающих устойчивое развитие территорий.

Ключевые слова: землеустройство, сельские поселения, оптимизация территориального устройства, природно-ресурсный потенциал.

**FORMATION OF TERRITORIES OF RURAL SETTLEMENTS
(ON THE EXAMPLE OF KOTELNIKOVSKY MUNICIPAL
DISTRICT OF THE VOLGOGRAD REGION)**

Akutneva Elena Vladimirovna

Gridneva Svetlana Vyacheslavovna

Abstract: The article is devoted to the urgent problem of spatial development of rural areas in modern socio-economic conditions. The work examines the processes and factors that determine the formation and transformation of rural settlements. The importance of land management as a basis characterizing the state and organization of land use, aimed at optimizing the structure of municipalities, the formation of their land-spatial frameworks that ensure the sustainable development of territories, is determined.

Key words: land management, rural settlements, optimization of territorial structure, natural resource potential.

Актуальность исследования процессов формирования территорий сельских поселений в современной России обусловлена необходимостью системного подхода к управлению пространственным развитием сельских территорий в условиях трансформации социально-экономических отношений и демографических изменений. Сельские поселения как базовые элементы территориальной организации общества не только выполняют производственные (преимущественно аграрные) функции, но также являются местами проживания, сохраняют историко-культурное наследие и формируют окружающую среду. Их территориальная структура, складывающаяся под влиянием природных, исторических, экономических и административных факторов, определяет потенциал для устойчивого развития и качество жизни населения. В связи с этим научный анализ закономерностей, механизмов и проблем формирования этих территорий приобретает особую практическую значимость для регионального планирования и муниципального управления.

Выбор Котельниковского муниципального района Волгоградской области как объекта исследования определяется его характерными особенностями, которые делают его характерной моделью для изучения процессов в сельской местности юга России. Район обладает типичной для степной зоны природно-климатической базой, исторически сложившейся сетью населенных пунктов, спецификой аграрной экономики и подверженностью демографическим тенденциям, общим для многих периферийных сельских районов. Таким образом, изучение района позволяет выявить как универсальные закономерности, так и локальные особенности формирования сельских поселений.

Площадь Котельниковского района Волгоградской области составляет 347,1 тыс. га, или 3,08 % от общей площади области. В его состав входит 1 городская и 15 сельских поселений, которые объединяют 36 населенных пунктов.

Для анализа уровня использования сельскохозяйственных угодий на территории сельских поселений Котельниковского района нами применялись

сопоставимые показатели. По площади условной пашни, район можно поделить на 3 зоны: западную, центральную и восточную (рис. 1).

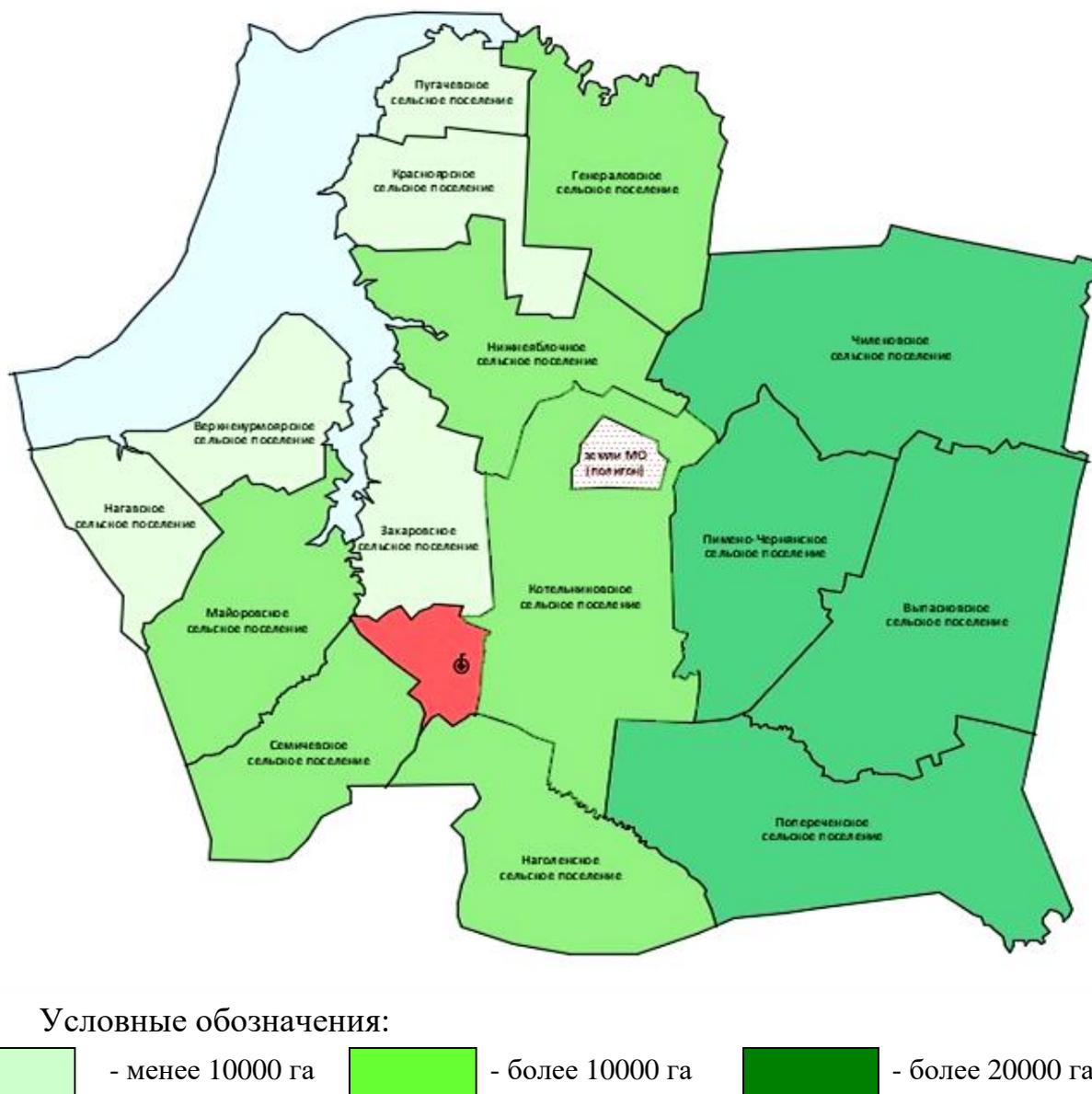

Рис. 1. Ранжирование сельских поселений района по площади условной пашни

При среднем значении сельскохозяйственных угодий, приходящихся на 1 жителя – 17,1 га, в сельских поселениях Пугачевское и Красноярское это значение ниже 10 га/чел и составляет соответственно – 8,25 и 5,58 га, в Выпасновском и Попереченском выше 30 га/чел – 31,98 и 34,93 га (рис. 2).

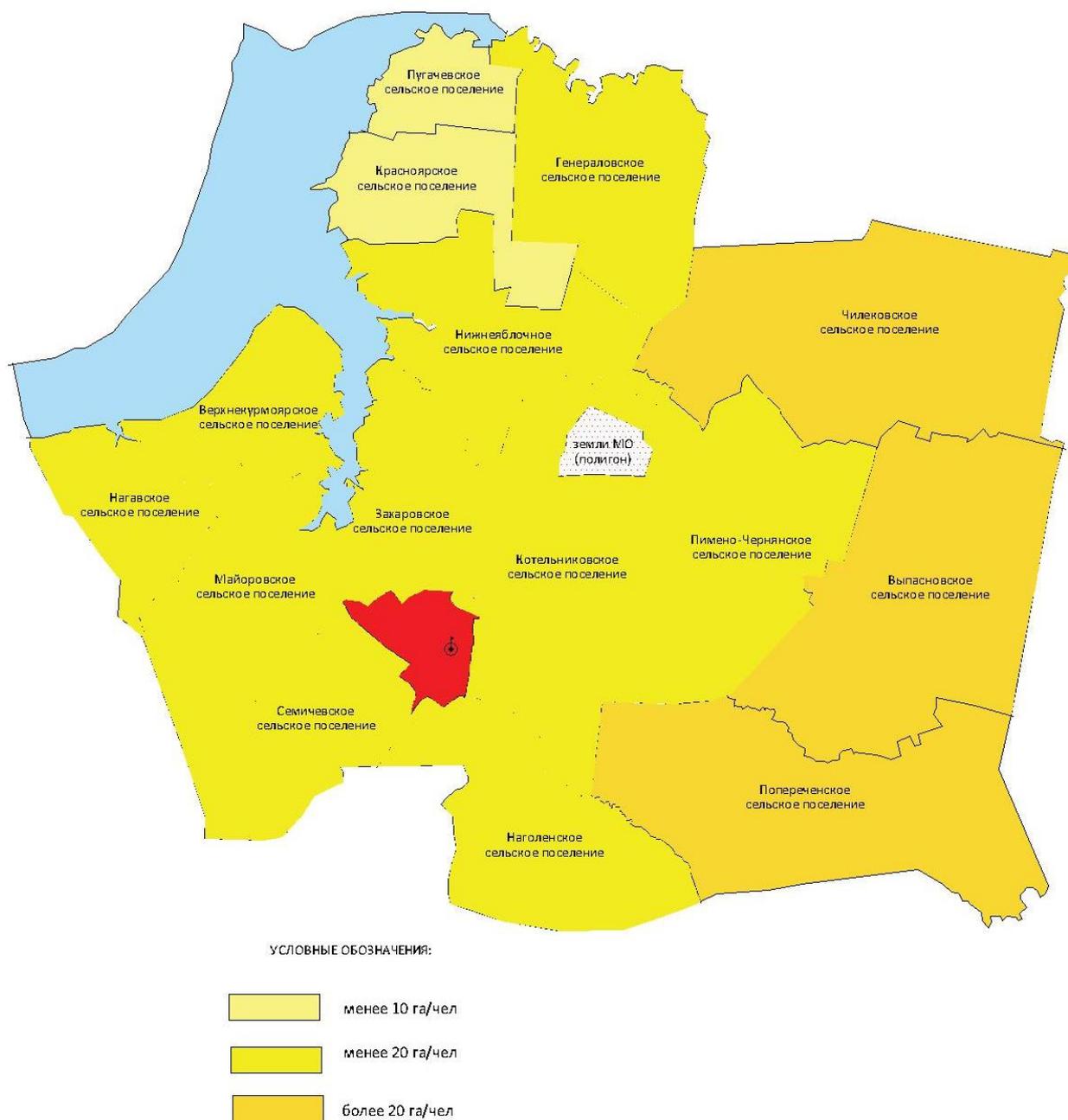

Рис. 2 Ранжирование сельских поселений района по площади сельскохозяйственных угодий, приходящихся на 1 жителя, га

Для определения показателей эффективности пользования земли необходимо установить различия в плодородии почв поселений. Для проведения такого анализа нами были использованы результаты кадастровой оценки земель (рис. 3).

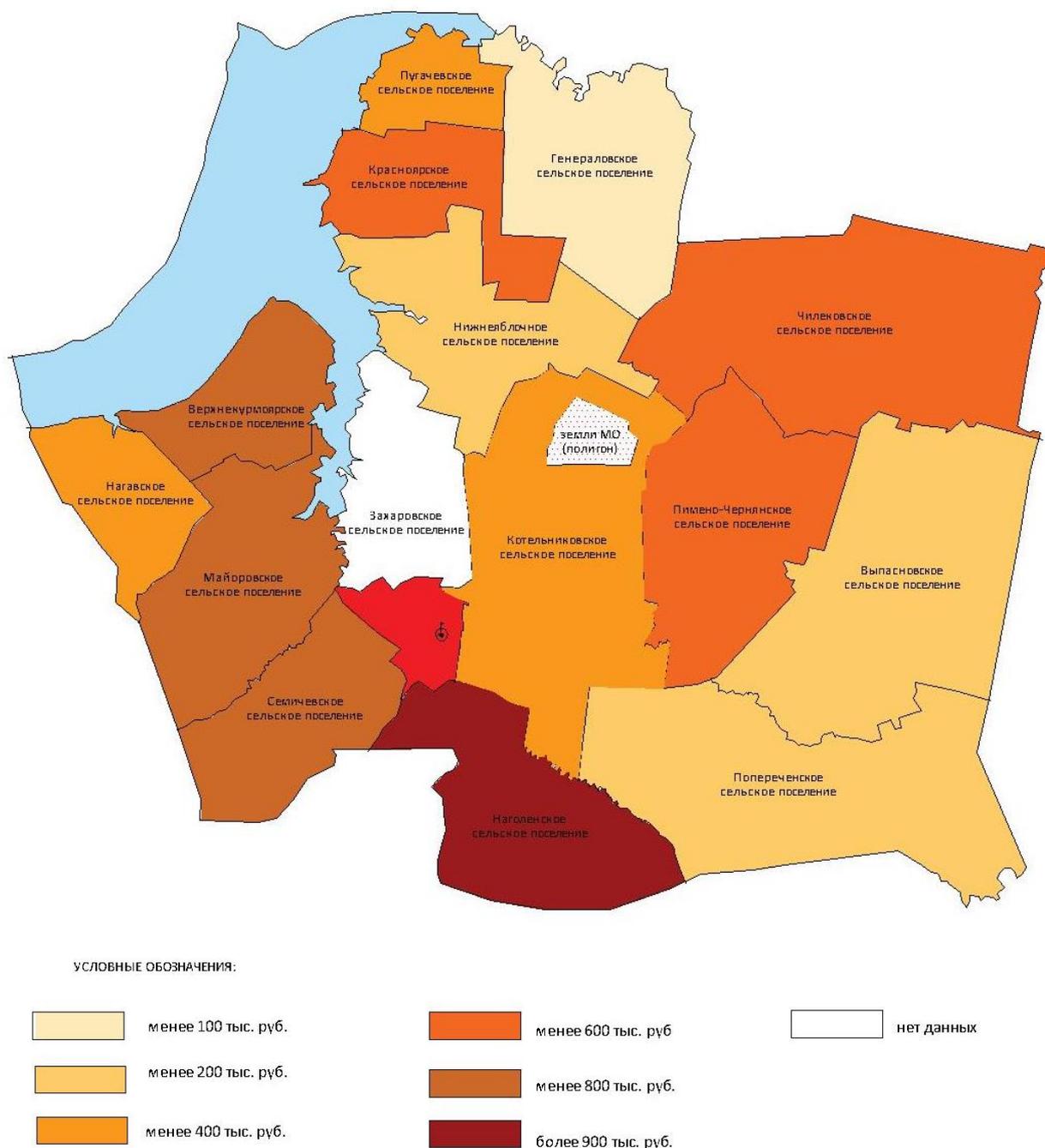

Рис. 3 Ранжирование сельских поселений района по величине ожидаемого земельного налога, тыс. руб.

Анализ позволил сделать вывод, что в районе 7 поселений имеют удельный показатель кадастровой стоимости ниже среднего по району: Пугачевское - 6937,85 руб./га, Нижнеяблочное - 3519,6 руб./га, Генераловское - 1526,4 руб./га, Котельниковское - 4367,3 руб./га, Чилековское - 4888,8 руб./га,

Выпасновское - 1253,16 руб./га и Попереченское - 1209,91 руб./га и как следствие невысокую величину налоговой базы.

Только Верхнекурмояровское поселение имеет самый высокий удельный показатель - 21129,7 руб./га.

Максимальная величина земельного налога ожидается в Наголенском сельском поселении - 924261,39 руб.

При проведении анализа использования земельных ресурсов поселений особое внимание было уделено наличию неиспользуемой пашни и площади фонда перераспределения (рис. 4).

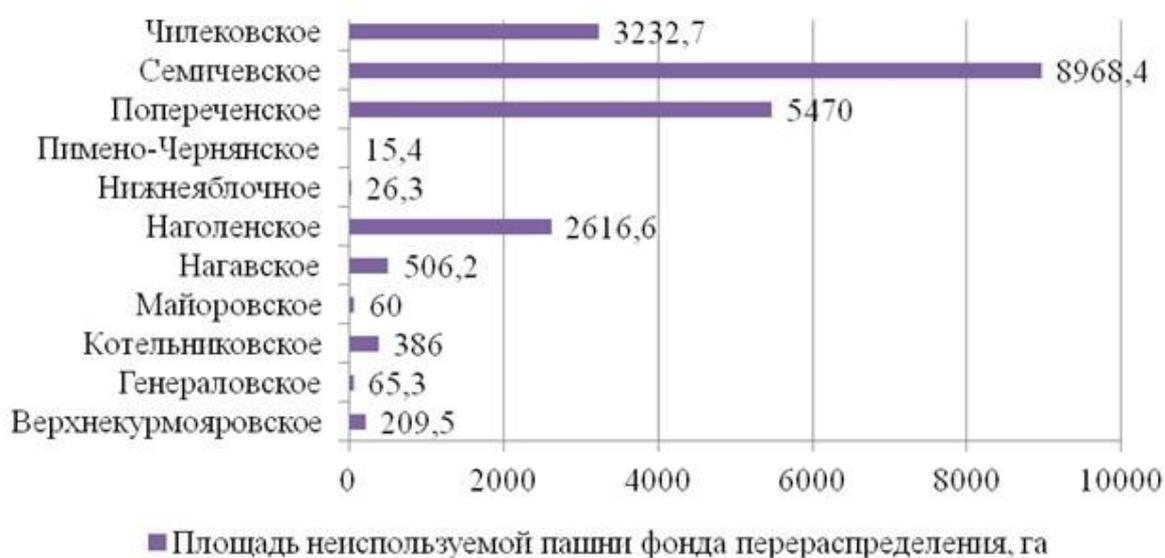

Рис. 4. Площади свободного фонда перераспределения

Неиспользуемая пашня составляет 0,5 % от общей площади земель сельскохозяйственного назначения, а площадь фонда перераспределения – 10,9 %, в том числе неиспользуемый – 7,5 %. Таким образом, можно сделать вывод о том, что 8,0 % сельскохозяйственных угодий не участвуют в обороте сельскохозяйственных земель. Такое положение требует скорейшего решения.

При анализе результатов формирования территорий сельских поселений в границах Котельниковского района выявлено, что сформированные поселения имеют значительные качественные и количественные различия. Применение общего подхода к формированию муниципальных образований оказалось недостаточным, требуется учитывать состояние и динамику социально-экономического развития территорий, характер и направление производствен-

ной деятельности, состав ресурсов и другие существующие территориальные особенности, которые значительно отличаются в пределах рассматриваемой территории (табл. 1).

Таблица 1

**Социально-экономическая характеристика
сельских поселений Котельниковского района**

Наименование сельских поселений	Площадь поселения, км ²	Численность, чел.	Плотность населения, чел./кв. км	Обеспечен- ность объектами социальной инфра- структуры, усл. балл	Обеспечен- ность объектами производ- ственной инфра- структуры, усл. балл	Бюджетная обеспечен- ность, тыс. руб. на одного жителя
Верхнекурмоярское	565,9	916	1,6	75	10	5,7
Выпасновское	329,79	1062	3,2	75	20	6,6
Генераловское	201,27	1430	7,1	75	10	нет данных
Захаровское	146,47	692	4,7	75	0	6,8
Котельниковское	240,29	1374	5,7	80	10	8,4
Красноярское	117,06	2088	17,8	75	0	4,0
Майоровское	182,15	831	4,5	75	10	4,7
Нагавское	94,98	680	7,2	80	10	6,6
Наголенское	193,14	1046	5,4	75	0	8,4
Нижнеяблочное	225,23	1547	6,8	75	0	8,0
Пимено-Чернянское	218,35	1234	5,6	80	20	7,1
Попереченское	330,55	1092	3,3	75	10	4,3
Пугачевское	72,77	810	11,1	75	10	нет данных
Семиченское	151,99	545	3,5	80	20	11,1
Чилековское	356,64	1416	3,9	80	20	5,3
Среднее	228,4	1118	6,1	77	10	6,7

Анализ таблицы позволил сделать следующие выводы:

- наибольшую площадь занимают Выпасновское (329,79 км²) и Чилековское (356,64 км²) поселения, поселения обладают высокой численностью населения – 1062 и 1416 человека соответственно;
- наибольшую бюджетную обеспеченность на одного жителя (11,1 тыс. руб.) имеет Семичевское сельское поселение;
- наименьшую бюджетную обеспеченность (4 тыс. руб./чел) ожидаемо имеет Красноярское поселение с высокой плотностью населения – 17,8 чел/м²;
- наиболее удовлетворяющие требованиям средних значений - Котельниковское и Нижнеяблочное сельские поселения.

Как показали исследования, размер территории и величина численности проживающего населения не являются основными критериями, определяющими развитие поселений. Составленное ранжирование поселений по значимым показателям (рис. 5) показало, что выше среднего значения имеют поселения центральной части района.

Земельные ресурсы в границах поселений представляют собой достаточно важную составляющую как для существующего, так и перспективного развития муниципалитетов. Вместе с тем влияние количественного и качественного состава земель при административно-территориальных преобразованиях является одним из главных факторов организации территории.

Мы считаем, что в основу определения размеров и границ сельских территорий поселений должен быть положен комплексный подход, включающий наряду с анализом социально-экономического потенциала территорий муниципальных образований учет состава и структуры земельных ресурсов, изучение современного состояния и перспективного использования земель в границах поселений.

В ходе исследования установлено, что по структуре сельскохозяйственных угодий, приведенных к площади условной пашни, наименьшим экономическим состоянием (менее 10000 га условной пашни) обладают западные поселения, прилегающие к Цимлянскому водохранилищу – Пугачевское, Красноярское, Верхнекурмояровское, Нагавское, Захаровское.

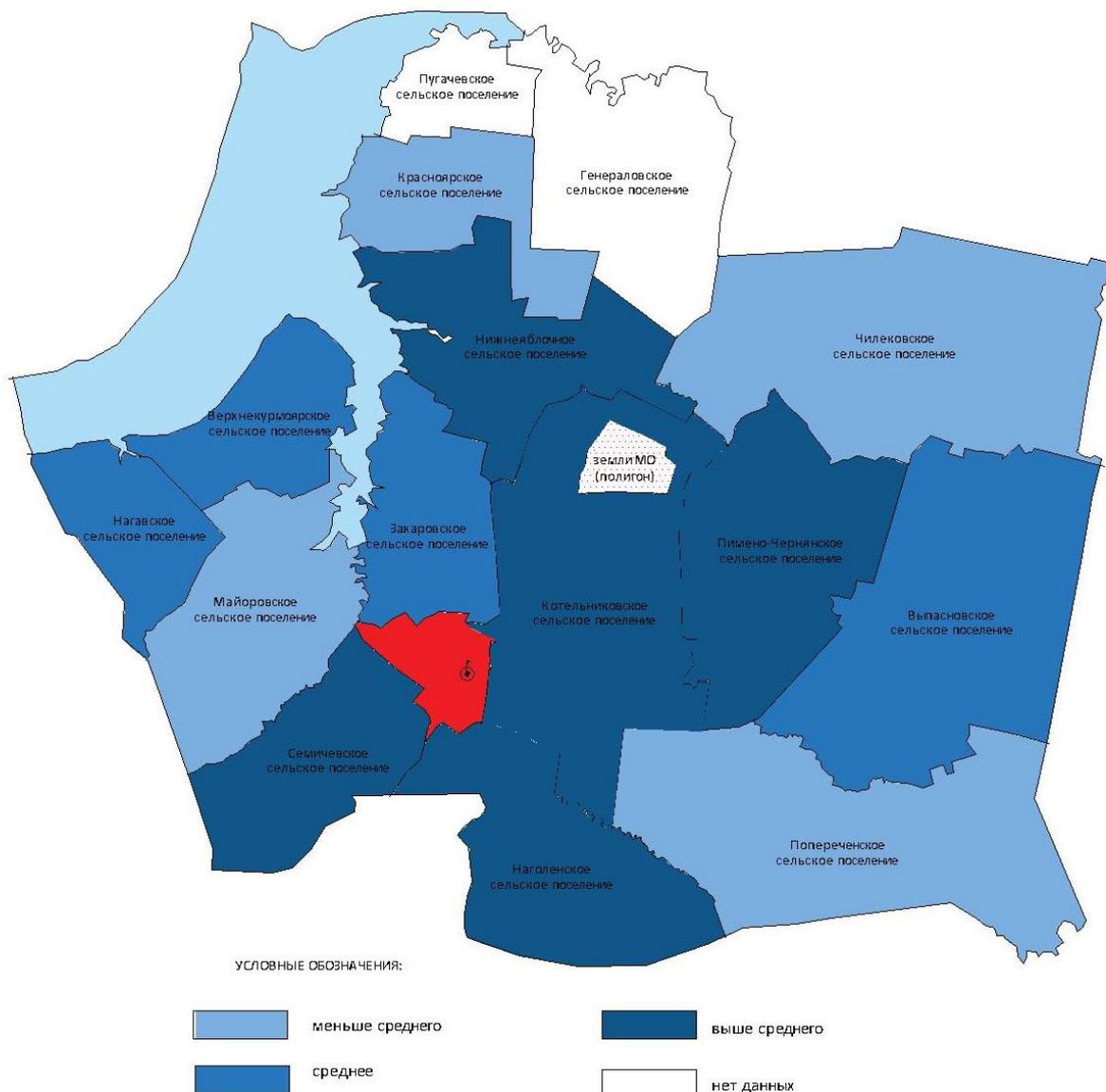

Рис. 5. Ранжирование сельских поселений по плотности и бюджетной обеспеченности

Наибольший показатель (выше 20000 га) имеют восточные, наиболее удаленные от административного центра поселения – Чилековское, Пемено-Чернянское, Выпасновское, Попереченское. Эти поселения ожидаемо имеют большую общую площадь, более высокий показатель среднего значения сельскохозяйственных угодий, приходящийся на одного жителя – более 20 га/чел.

При изучении показателей эффективности использования земель нами были установлены различия в почвенном плодородии земель, выявлено, что поселения западной части района имеют наиболее высокие удельные показатели

кадастровой стоимости (Верхнекурмояровское – 21129,7 руб./га, Нагавское – 14006,58 руб./га, Красноярское – 16791,68 руб./га), чем поселения восточной части (Выпасновское – 1253,16 руб./га, Попереченское – 1209,91 руб./га).

Поскольку бюджет на одного жителя находится в прямой зависимости от наличия рационально используемых земель, мы предлагаем следующие варианты развития событий:

1) увеличить площади поселений с низкими показателями бюджета на одного жителя за счет уменьшения поселений с высокими площадями не используемых земель;

2) увеличить площади населенных пунктов малобюджетных поселений за счет неиспользуемых земель фонда перераспределения с последующим предоставлением для развития личных подсобных хозяйств (для поселений со значительным расстоянием от административного центра) и садовых некоммерческих товариществ (для поселений, расположенных в непосредственной близости от административного центра);

3) при имеющемся фонде земель сельскохозяйственного назначения в черте поселений выделять участки под ЛПХ или СНТ.

Применение любого из вариантов, по нашему мнению, приведет к улучшению уровня жизни жителей рассматриваемых поселений, в том числе увеличит бюджетную обеспеченность на одного жителя.

Изменение границ и преобразование существующих поселений, необходимые при совершенствовании размеров муниципальных образований, направлены преимущественно на оптимизацию структуры ресурсов муниципальных образований и совершенствование территориальной организации аграрного производства. При этом остается весьма существенным анализ сведений о состоянии и использовании земель.

Целью землеустройства при территориальной организации поселений является создание информационно-аналитической основы, характеризующей состояние и организацию использования земель, направленной на оптимизацию структуры муниципальных образований, формирование их земельно-пространственных каркасов, обеспечивающих устойчивое развитие территорий.

При анализе результатов формирования территорий сельских поселений в границах муниципального района выявлено, что применение общего подхода к формированию муниципальных образований оказалось недостаточным.

Результаты исследований по реформированию территориальной организации местного самоуправления подтверждают, что размер территории муниципального образования и величина численности проживающего населения не являются основными критериями, определяющими развитие муниципалитетов. Тогда как доходы, связанные с использованием земельных ресурсов, являются одним из основных источников собственных поступлений местных бюджетов.

Список литературы

1. Арефьев, В. А. Повышение эффективности использования сельскохозяйственных угодий в условиях формирования рынка земли: на материалах Тамбовской области / В. А. Арефьев / автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. эк.н., 2005 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/povyshenie-effektivnosti-ispolzovaniya-selsko-khozyaistvennykh-ugodii-v-usloviyakh-formirovan>.
2. Иванова, Н. А. Повышение эффективности земельными ресурсами сельских поселений (на примере Московской области) автореф. дис. [Текст] / Н. А. Иванова. – 2013.
3. Колобова, А. И. Повышение эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения / А. И. Колобова, Д. В. Мусиенко [Электронный ресурс] // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/povyshenie-effektivnosti-ispolzovaniya-selskohozyaystvennyh-ugodiy>.
4. Комов, Н. В. Схема землеустройства административного района (практическое пособие) [Текст] / Н. В. Комов, А. З. Родин, Г. А. Кравец и др. – М.: Юни-пресс, 2002. – 432 с.
5. Новиков, Д. В. Организация рационального использования земель сельскохозяйственного назначения на эколого-ландшафтной основе (на примере Южного Федерального округа России – теория, экономика, организация) [Текст]: монография / Д. В. Новиков. – М.: ГУЗ, 2009. – 419 с.
6. Поносова, Н. Н. Подходы к формированию территорий муниципальных образований (на примере Пермского края) [Текст] / Н. Н. Поносова // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2007. – № 7. – С. 58-60.

© Акутнева Е.В., Гриднева С.В.

**СЕКЦИЯ
ТЕХНИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**РАЗРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО СИСТЕМЕ
МОНИТОРИНГА В ОРГАНИЗАЦИИ**

Божкова Анна Николаевна

студент

АНОО ВО «Воронежский институт высоких технологий»

Бохонько Ульяна Альбертовна

Ляпустина Екатерина Александровна

студенты

Колледж Воронежского института высоких технологий

Аннотация: В работе даются рекомендации по формированию системы для проведения мониторинга внутри организации. Дано описание особенностей хранения данных. Показаны требования, которым должна удовлетворять информационная система. Указаны формируемые отчеты.

Ключевые слова: информационная система, база данных, мониторинг, организация.

**DEVELOPMENT OF RECOMMENDATIONS
FOR THE MONITORING SYSTEM
IN THE ORGANIZATION**

Bozhkova Anna Nikolaevna

Bohonko Ulyana Albertovna

Lyapustina Ekaterina Alexandrovna

Abstract: The paper provides recommendations for the formation of a system for monitoring within the organization. A description of the features of data storage is given. The requirements that the information system must meet are shown. Generated reports are indicated.

Key words: information system, database, monitoring, organization.

В современных организациях для обеспечения их эффективной работы во многих случаях используют системы мониторинга. Они дают возможности для того, чтобы отслеживать особенности функционирования компаний и давать рекомендации по выбору различных режимов действий [1].

Цель данной работы состоит в разработке рекомендаций по формированию системы мониторинга, на основе которой происходит эффективное хранение и обработка различных видов информации внутри организации.

Для того чтобы обеспечить централизованное управление процессами мониторинга в информационной системе на специально выделенном сервере мы предлагаем использовать базу данных (БД). В ней, исходя из числа подразделений, по которым проводится наблюдение, формируются таблицы основных параметров. Поскольку могут быть необходимы в ходе передачи информации большие объемы памяти [2], это определяет соответствующие требования к БД (рис. 1). При создании БД необходимо привести ее к третьей нормальной форме.

Рис. 1. Требования, на основе которых происходит формирование БД

При создании информационной системы важно учесть возможности расширения предприятия, добавление в него новых подразделений. Кроме того, в информационную систему могут вводиться новые модули, то есть, она должна соответствовать условию открытости [3]. Разные виды пользователей должны комфортным образом работать внутри системы. То есть, она должна соответствовать условию адаптируемости. Основные требования, которые выдвигаются к формируемой информационной системе, мы привели на рис. 2.

Рис. 2. Основные характеристики формируемой информационной системы

На рис. 3 показана схема, иллюстрирующая основные информационные потоки внутри организации. На рис. 4 продемонстрированы основные характеристики программного обеспечения. Отметим, что предлагаемое программное решение создается с учетом того, что оно будет эффективным образом функционировать на базе разных операционных системах. Аппаратное обеспечение выбирается таким образом, чтобы не было замедления в работе пользователей даже при передаче больших объемов информации.

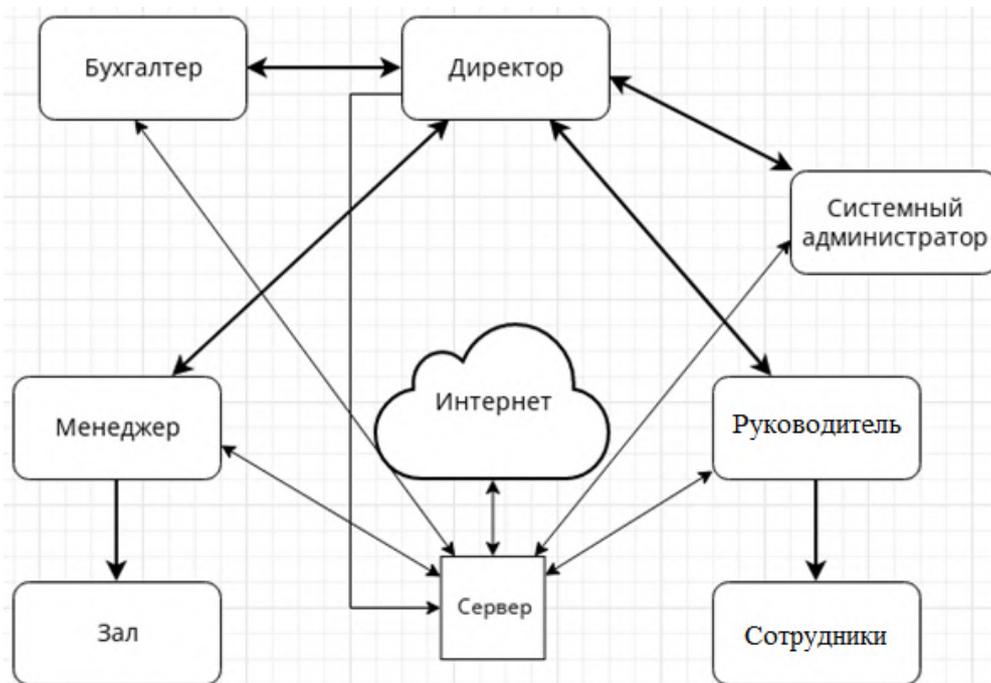

Рис. 3. Схема информационных потоков в организации

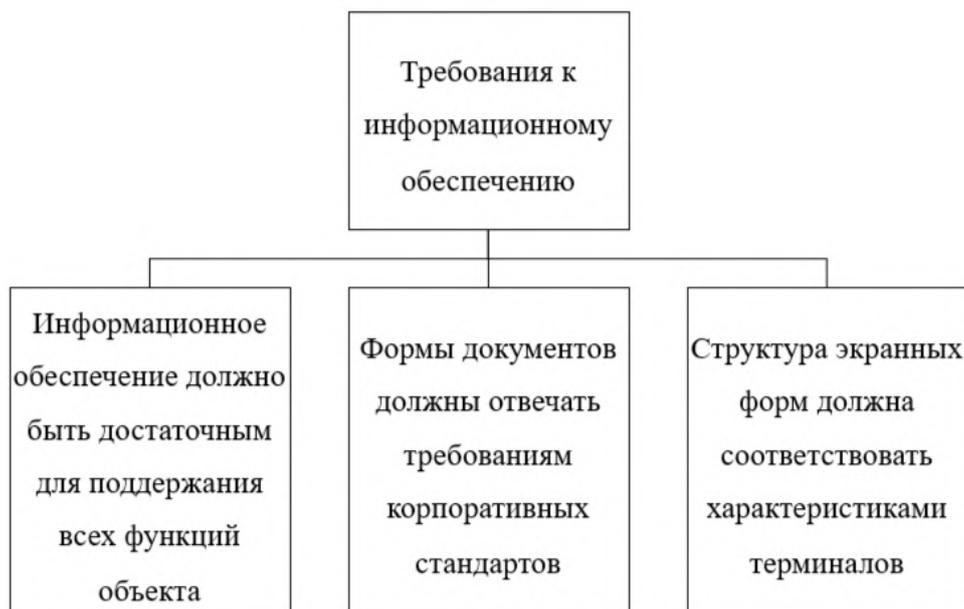

Рис. 4. Требования к информационному обеспечению

Вывод. В работе даны рекомендации по формированию системы мониторинга внутри организации. В системе существуют возможности настройки интерфейса под потребности пользователей. Программа может быть дополнена определенными модулями, учитывающими специфику работы конкретной компании.

Список литературы

1. Преображенский Ю.П., Ключникова Д.А., Котенжи Е.В. Некоторые особенности поддержки стабильной работы в информационно-телекоммуникационных системах // В сборнике: Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 11-й Всероссийской национальной научно-практической конференции, в 4-х томах. – Курск, 2026. – С. 167-170.

2. Плотников А.А., Калиновская В.Б., Крестина Е.С. О возможностях поддержки надежной работы информационно-телекоммуникационных систем // В сборнике: Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 11-й Всероссийской национальной научно-практической конференции, в 4-х томах. – Курск, 2026. – С. 160-163.

3. Куралесин В.В. Управление изменениями при внедрении сквозных цифровых сервисов в госструктурах // В сборнике: Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации. сборник научных статей 2-й Международной научно-практической конференции. – Курск, 2025. – С. 319-321.

© Божкова А.Н., Бохонько У.А.,
Ляпустина Е.А., 2026

**ИЗЛУЧАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ СМЕСЕЙ
ГАЗООБРАЗНЫХ УГЛЕВОДОРОДОВ**

Хамдеев Рустем Ринатович

Майоров Константин Николаевич

Сабитов Ильназ Фаузиевич

магистры

Зарифов Аяз Рифкатович

студент

Научный руководитель: **Сагдеев Айрат Адиевич**

к.т.н., доцент

НХТИ ФГБОУ ВО «КНИТУ»

Аннотация: Измерены интегральные коэффициенты теплового излучения бинарных и тройных смесей: этан + бутаны, пропан + бутилены, этан + пропилен, пропан + изобутилен, пропан + бутан, пропилен + бутилены, этилен + пропилен + бутилены, этан + пропилен + бутилены. При температуре 673 К в диапазоне парциальных давлений от 0,004 до 0,1 МПа абсолютным методом. Установлено, что коэффициент теплового излучения смеси углеводородов всегда ниже суммы отдельно взятых коэффициентов теплового излучения чистых газообразных углеводородов. Это связано с перекрытием спектральных полос поглощения углеводородов, так как все они имеют ряд полос, вызванных аналогичными видами колебаний. При расчете коэффициента теплового излучения смеси углеводородов рекомендовано использовать серое приближение с учетом поправочного коэффициента.

Ключевые слова: смеси газообразных углеводородов, коэффициент теплового излучения, спектральные полосы поглощения, серое приближение.

EMISSIVENESS OF GASEOUS HYDROCARBON MIXTURES

Khamdeev Rustem Rinatovich

Mayorov Konstantin Nikolaevich

Sabitov Ilnaz Fauzievich

Zarifov Ayaz Rifkatovich

Scientific adviser: **Sagdeev Airat Adievich**

Abstract: The integral thermal emissivity coefficients of binary and ternary mixtures were measured: ethane + butanes, propane + butylenes, ethane + propylene, propane + isobutylene, propane + butane, propylene + butylenes, ethylene + propylene + butylenes, and ethane + propylene + butylenes at a temperature of 673 K in a partial pressure range from 0.004 to 0.1 MPa using the absolute method. It has been established that the thermal emissivity of a hydrocarbon mixture is always lower than the sum of the individual thermal emissivity coefficients of pure gaseous hydrocarbons. This is due to the overlap of the spectral absorption bands of hydrocarbons, as they all have a number of bands caused by similar vibration modes. When calculating the thermal emissivity of a hydrocarbon mixture, it is recommended to use a gray-scale approximation, taking into account a correction factor.

Key words: gaseous hydrocarbon mixtures, thermal emissivity, spectral absorption bands, gray-scale approximation.

Введение

В реальных условиях, как правило, приходится иметь дело с излучением смеси газов. Так в агрегатах нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности, в частности в печах пиролиза [1, с. 104; 2, с. 235] обычно встречаются не чистые углеводороды, а их смеси. Поэтому при расчетах лучистого теплообмена в этих аппаратах необходимо располагать не только коэффициентами теплового излучения отдельных углеводородов, но и их смесей. В связи с этим была поставлена задача экспериментального измерения интегральных коэффициентов теплового излучения смесей углеводородов при температуре 673 К и различных парциальных давлениях. Интегральные коэффициенты теплового излучения указанных газообразных углеводородов были исследованы ранее и представлены в работе [3, с. 42].

Экспериментальная часть

Измерения интегральных коэффициентов теплового излучения смесей углеводородов при температуре 673 К и различных давлениях производились абсолютным методом на установке, схема и описание которой приведены в работах [4, с. 20 – 5, с. 73]. Основными узлами установки являются рабочая камера и приемник излучения. Слой газа в рабочей камере создавался методом встречных потоков исследуемого и диатермичного (азота) газов. В ходе экспериментов проведены соответствующие измерения коэффициентов теплового излучения следующих бинарных и тройных смесей: этан + бутаны, пропан + бутилены, этан + пропилен, пропан + изобутилен, пропан + бутан,

пропилен + бутилены, этилен + пропилен + бутилены, этан + пропилен + бутилены. Исследования проводились при толщине слоя газа 0,15 м и температуре 673 К, в диапазоне парциальных давлений от 0,004 до 0,1 МПа.

Результаты и обсуждение

Результаты измерений показали, что коэффициент теплового излучения смеси углеводородов всегда ниже суммы отдельно взятых коэффициентов теплового излучения чистых газообразных углеводородов. Это связано с перекрытием спектральных полос поглощения углеводородов, так как все они имеют ряд полос, вызванных аналогичными видами колебаний [6, с. 265; 7, с. 41].

Следовательно, в тех областях спектра, где расположены эти полосы, часть энергии, спускаемой одним газом, поглощается другим и, наоборот, часть излучения второго газа поглощается первым, т.е. можно записать: $\varepsilon_{\text{см}} < \sum_{i=1}^n \varepsilon_i$. Такое же положение наблюдается для смеси углекислого газа и водяного пара. Наиболее сильно эффект перекрытия полос поглощения CO_2 и H_2O проявляется в полосе 2,7 мкм. В области спектра от 3800 см^{-1} до 4400 см^{-1} излучает только H_2O , а в области от 2500 см^{-1} до 3800 см^{-1} излучают совместно H_2O и CO_2 [8, с. 15].

При расчете коэффициента теплового излучения смеси углеводородов в работе [9, с. 710] рекомендовано использовать серое приближение. В этом случае уравнение для определения излучательной способности смеси газов записывается в виде:

$$\varepsilon_{\text{см}}^P = 1 - \prod_{i=1}^n (1 - \varepsilon_i), \quad (1)$$

где ε_i – коэффициент теплового излучения отдельных компонентов смеси при соответствующих парциальных давлениях.

В таблице 1 приведены экспериментальные и рассчитанные по серому приближению коэффициенты теплового излучения смесей газообразных углеводородов. Сравнение экспериментально полученных значений $\varepsilon_{\text{см}}^{\text{э}}$ и рассчитанных $\varepsilon_{\text{см}}^P$ согласно уравнению (1) показывает, что расхождение между ними $\Delta = \frac{\varepsilon_{\text{см}}^{\text{э}} - \varepsilon_{\text{см}}^P}{\varepsilon_{\text{см}}^{\text{э}}} \cdot 100\%$ для одних смесей находится в пределах 10%, для других достигает 25%. Эти отклонения зависят от степени перекрытия полос. Допустим, если бинарная смесь состоит из газов различного ряда (предельного и непредельного), спектральные полосы поглощения которых не столь значительно перекрыты, расчет излучательной способности смеси по формуле (1) дает удовлетворительное приближение к экспериментальным данным.

Подтверждением этого являются результаты экспериментальных измерений следующих смесей: этан + бутилены, пропан + бутилены, пропан + изобутилен, этан + пропилен (табл. 1).

В случае если полосы поглощения углеводородов перекрываются значительно, расчетная формула (1) дает завышенные значения излучательной способности по сравнению с экспериментальными данными в среднем на 20% для указанных условий. На основании это можно рекомендовать, расчетные значения $\epsilon_{см}^P$, полученные согласно серому приближению, умножить на поправочный коэффициент, который в случае бинарных смесей, состоящих из углеводородов разного ряда, равен 0,9, для углеводородов одного ряда и тройных смесей – 0,83.

Для определения более точной поправки на перекрытие полос поглощения углеводородов необходимы спектральные исследования, которые позволили бы учесть влияние температуры, относительного содержания компонентов в смеси, а также оптической толщины слоя смеси газов. Эти данные в настоящее время в литературе отсутствуют.

Таблица 1

Экспериментальные и рассчитанные по серому приближению значения коэффициента теплового излучения смесей углеводородов

Парциальное давление и коэффициент излучения								
P_1 , кПа	ϵ_1	P_2 , кПа	ϵ_2	P_3 , кПа	ϵ_3	$\epsilon_{см}^a$	$\epsilon_{см}^P$	Δ , %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
ЭТАН + БУТИЛЕНЫ								
7,00	0,049	93,00	0,515	-	-	0,506	0,539	6,5
7,15	0,050	92,85	0,515	-	-	0,516	0,539	4,4
7,50	0,050	92,50	0,515	-	-	0,511	0,539	5,5
8,60	0,060	91,40	0,510	-	-	0,518	0,539	4,1
10,80	0,070	89,20	0,505	-	-	0,504	0,540	7,1
15,60	0,085	84,40	0,480	-	-	0,523	0,524	1,0
22,30	0,110	77,70	0,470	-	-	0,476	0,528	10
29,40	0,125	70,60	0,450	-	-	0,467	0,518	10
ПРОПАН + БУТИЛЕНЫ								
5,00	0,055	95,00	0,525	-	-	0,509	0,551	8,2
10,90	0,084	89,10	0,505	-	-	0,502	0,547	8,9
11,00	0,085	89,00	0,505	-	-	0,506	0,547	8,1
23,00	0,140	77,00	0,465	-	-	0,499	0,545	9,2
58,00	0,250	42,00	0,345	-	-	0,456	0,502	10

Продолжение таблицы 1

ЭТАН + ПРОПИЛЕН								
5,50	0,040	94,50	0,515	-	-	0,509	0,524	5
28,20	0,120	71,80	0,460	-	-	0,475	0,524	10
86,60	0,240	13,40	0,165	-	-	0,340	0,365	7,3
ПРОПАН + ИЗОБУТИЛЕН								
14,20	0,105	85,80	0,445	-	-	0,466	0,503	7
42,60	0,200	57,40	0,373	-	-	0,468	0,498	6,5
73,00	0,285 5	27,00	0,242	-	-	0,409	0,450	10
91,10	0,325	8,90	0,100	-	-	0,364	0,392	7,6
95,80	0,330	4,20	0,058	-	-	0,351	0,369	5
ПРОПАН + БУТАН								
22,70	0,135	77,30	0,320	-	-	0,347	0,412	19
73,10	0,285	26,90	0,143	-	-	0,335	0,392	17
73,30	0,285	26,70	0,136	-	-	0,328	0,391	19
84,00	0,320	16,00	0,085	-	-	0,330	0,382	16
ПРОПИЛЕН + БУТИЛЕНА								
83,30	0,480	16,70	0,200	-	-	0,505	0,584	16
81,80	0,477	18,20	0,215	-	-	0,495	0,589	19
60,44	0,435	39,56	0,355	-	-	0,532	0,632	20
52,52	0,410	47,48	0,390	-	-	0,529	0,640	21
42,46	0,365	57,54	0,420	-	-	0,523	0,632	21
32,90	0,310	67,10	0,445	-	-	0,518	0,617	19
26,50	0,250	73,50	0,465	-	-	0,507	0,599	18
ЭТИЛЕН + ПРОПИЛЕН + БУТИЛЕНА								
5,00	0,050	30,20	0,310	64,80	0,450	0,540	0,639	18
17,53	0,135	63,62	0,435	19,85	0,210	0,531	0,614	16
28,30	0,185	18,50	0,220	53,20	0,435	0,517	0,624	21
32,10	0,205	22,80	0,255	45,10	0,375	0,512	0,629	23
38,00	0,230	22,20	0,250	39,80	0,350	0,500	0,625	25
73,90	0,320	21,00	0,235	5,10	0,070	0,416	0,516	24
ЭТАН + ПРОПИЛЕН + БУТИЛЕНА								
24,70	0,115	12,90	0,150	62,40	0,425	0,480	0,574	19
31,10	0,130	46,40	0,375	22,50	0,255	0,511	0,594	16
37,70	0,148	31,40	0,285	30,90	0,315	0,494	0,583	18
40,40	0,155	27,10	0,260	32,40	0,330	0,487	0,581	19
58,80	0,190	31,90	0,300	9,30	0,120	0,423	0,493	16
71,10	0,215	17,50	0,185	11,40	0,145	0,368	0,452	22

Заключение

Исследованы излучательные свойства смесей газообразных углеводородов: этан + бутилена, пропан + бутилен, этан + пропилен, пропан + изобутилен, пропан + бутан, пропилен + бутилены, этилен + пропилен + бутилены, этан + пропилен + бутилены. Исследования проведены в диапазоне парциальных давлений от 0,004 до 0,1 МПа при температуре 673 К. При расчете интегрального коэффициента теплового излучения смеси углеводородов рекомендовано использовать серое приближение с учетом поправочного коэффициента.

Список литературы

1. Абдуллин А.М. Лучистый теплообмен в "окнах" прозрачности спектра излучения продуктов сгорания газообразного топлива // Вестник технологического университета. – 2014. – № 4. – С. 103-105.
2. Невский А.С. Лучистый теплообмен в печах и топках. Москва: Металлургия. – 1971. 440 с.
3. Сагдеев А.А., Латыпов Д.Н., Сагдеева Г.С., Зарифов А.Р. Коэффициенты теплового излучения газообразных углеводородов // Вестник технологического университета. – 2025. – № 28. – С. 41–45.
4. Зарифов А.Р., Латыпов Д.Н., Сагдеева Г.С., Сагдеев А.А. Экспериментальная установка для измерения коэффициента теплового излучения газообразных углеводородов // Электронный журнал «Промышленность и сельское хозяйство» Донбасская аграрная академия, периодическое издание. – 2025. – № 7(86). – С. 19–25.
5. Зарифов А.Р., Сагдеев А.А. Экспериментальная установка для исследования теплового излучения газообразных углеводородов // Наука молодых: Петрозаводск: МЦНП «НОВАЯ НАУКА». – 2025. – С. 71–78.
6. Детков С.П., Перунков В.В. Спектральное поглощение в фундаментальной полосе окиси углерода // ТВТ. – 1985. – № 32(2). – С. 262–267.
7. Абдуллин А.М. Спектральные характеристики радиационного теплообмена в пламенных печах нефтехимической промышленности // Вестник технологического университета. – 2016. – № 19(4). – С. 40–42.

8. Блох Д.Г. Теплообмен в топках паровых котлов. Ленинград: Энергоатомиздат. – 1984. – 240 с.

9. Лукаш В.П. Расчет излучательной способности продуктов сгорания углеводородных топлив (CO_2 и H_2O) при высоких температурах и давлениях // ТВТ. –1971. – № 9(4). – С. 708–716.

© Хамдеев Р.Р., Майоров К.Н.,
Сабитов И.Ф., Зарифов А.Р., 2026

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛУЧШИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ 2026

Сборник статей

Международного научно-исследовательского конкурса,
состоявшегося 23 марта 2026 г. в г. Петрозаводске.

Ответственные редакторы:

Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Подписано в печать 25.03.2026.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 7.85.

МЦНП «НОВАЯ НАУКА»

185002, г. Петрозаводск

ул. С. Ковалевской д.16Б помещ. 35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы «Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций
<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов
<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/>

3. в составе коллективных монографий
<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/>

<https://sciencen.org/>